

39(с163.1)

Н76

540755-4

Карачиево-Чел

**НОВЫЙ
БЫТ—
НОВЫЕ
ОБЫЧАИ**

НОВЫЙ БЫТ— НОВЫЕ ОБЫЧАИ

(Формирование
прогрессивных традиций у народов
Карачаево-Черкесии)

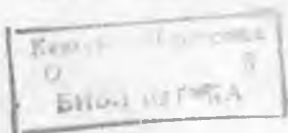
Редакционная коллегия:

доктор философских наук, профессор А. В. Авксентьев, доктор философских наук, профессор С. М. Арутюнян (ответ. редактор), кандидат исторических наук Р. Х. Джанибекова

Авторский коллектив:

Предисловие написали: Арутюнян С. М., Джанибекова Р. Х.; первый раздел — Арутюнян С. М. и Багдасаров В. Р.; второй и одиннадцатый — Авксентьев А. В.; третий — Гочияев Г. Т.; четвертый — Сидельковский А. П.; пятый — Гагуев У. К.; шестой — Бекизова Л. А.; седьмой — Басманов В. А.; восьмой — Агирбов И. А.; девятый — Мижаев М. И., Кунижева Л. З., Керейтов Р. Х., Узденов М. И.; десятый — Малышев А. А.

370135-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В идейно-нравственном росте советских людей исключительно важная роль принадлежит целенаправленной идеологической работе партии. «Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей,— подчеркивал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза —... Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности»¹. Коммунистическое воспитание означает формирование сознательных, дисциплинированных, свободных от пережитков прошлого, всесторонне развитых людей, гармонически сочетающих в себе высокую идейность, трудолюбие, духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство. Эти черты советских людей формируются всем укладом нашей жизни. Советские люди, воспринимая прогрессивное духовное богатство, накопленное человечеством, в то же время порывают с пережитками прошлого — стяжательством, индивидуализмом, аморальностью, религиозными предрассудками.

Формирование нового человека не только следствие, но и условие успешного строительства коммунизма. Осуществление основных экономических и социально-политических задач коммунистического строительства предъявляет возрастающее требование к уровню сознательности, организованности строителей нового общества.

Неотъемлемой частью коммунистического воспитания является критическое использование национальных обычаев и традиций, внедрение в быт новых, советских обрядов, воспитание на трудовых и революционных традициях.

Обычаи и традиции представляют собой совокупность определенных понятий, представлений, мыслей, чувств, действий. В любом обществе они играют актуальную роль. Ф. Энгельс отмечал, что на ход истории оказывают воздействие не только

---

¹ Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат. М., 1976, с. 78.

экономические причины, но «... даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»¹.

В последние годы значительно возрос интерес к проблемам народных обычаев и традиций. Это объясняется той ролью, которую они играют в жизни нашего общества, в формировании морально-этических норм строителей коммунизма.

В социалистическом обществе национальные традиции и обычаи выполняют определенные функции социальной регуляции и контроля, передачи социального опыта новым поколениям, а также функции воспитания. Обычаи и традиции и связанные с ними обряды непосредственно затрагивают взаимоотношения между людьми, их отношения к обществу и семье, ко всему тому, что составляет общественную и личную жизнь. Функции обычаев и традиции проявляются при решении практических задач повседневной жизни. Сама общественная жизнь со всеми ее многосторонними связями не может нормально функционировать без определенного регулирования отношения между людьми, без передачи социального опыта старшего поколения, без закрепления определенных, отвечающих интересам общества, морально-этических норм поведения. Именно эти потребности обуславливают необходимость соблюдения определенных обычаев и традиций.

В социалистическом обществе функционирует целая система воспитания. Воздействие обычаев и традиций на коллектив и личность нельзя оценить вне этой системы. Более того, они являются составной частью этой системы. Тесная связь обычаев и традиций с политикой, идеологией, культурой, моралью значительно поднимает их роль в коммунистическом воспитании, усиливает их влияние на социальный прогресс.

Прогрессивные национальные традиции и обычаи оказывают огромное воздействие на чувства и эмоции, мысли и поступки людей, превращают морально-этические нормы поведения в устойчивые убеждения личности и масс. Усвоение и соблюдение этих норм, закрепленных в обычаях и традициях, дают ценностную ориентацию личности, способствуют выработке коммунистических норм морали. Сами нормы морали выражают требования к поведению. Они предписывают, как вести себя, каким быть, требуют иметь соответствующие нравственные качества: честность и правдивость, простоту и скромность, вежливость и доброжелательность, уважение к старшим, заботливое отношение к детям, бережливость и трудолюбие, аккуратность и исполнительность, верность данному обязательству и т. д. Поведение в соответствии с требованием морали способствует накоплению нравственных привычек.

В. И. Ленин связывал переход к коммунизму с выработкой общих для всех людей привычек поведения. Социализм, указывал он, будет перерастать в коммунизм, а люди привыкнут к

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 2. М., 1948, с. 468.

соблюдению элементарных условий общежития добровольно, без насилия, без принуждений.

К привычке В. И. Ленин относил не только соблюдение элементарных правил общежития, но и действия более сложные — исполнение общественных обязанностей. Переход к коммунизму — это превращение многих правовых норм в обычаи, во всеобщую привычку. На высшей фазе коммунизма будут окончательно преодолены пережитки прошлого в сознании и поведении людей, научное, марксистско-ленинское мировоззрение и коммунистическая мораль станут достоянием всех тружеников общества. Коммунистические нормы труда и морали превратятся в личные убеждения, в привычку, жизненную потребность человека.

Особое внимание партия уделяет коммунистическому воспитанию молодого поколения, которому предстоит не только строить коммунизм, но и жить в этом обществе. Возросшее внимание к этим вопросам вызывается необходимостью выработки высоких моральных качеств у советской молодежи. Важнейшее средство ее воспитания — труд на благо общества. Отношение к труду является тем пробным камнем, на котором не на словах, а на деле проверяется коммунистическая сознательность человека. Только в труде, учил В. И. Ленин, можно стать настоящим коммунистом.

Советский человек проходит школу воспитания также и в процессе общественно-политической деятельности. Активно участвуя в работе Советов, партийных, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций, товарищеских судов и народных дружин, он вырабатывает сознание общественного долга и непримиримость к нарушителям общественных интересов. Общественно-политическая работа развивает такие важные черты личности, как инициатива, чувство ответственности, коллективизм, товарищество и т. д.

Однако, как бы ни было велико значение общественной деятельности, без систематической и целенаправленной идеологической работы партии, всех общественных организаций формировать нового человека невозможно. Коммунистическая идеология как научная система взглядов, выражающая наиболее глубокие, коренные интересы трудящихся, усваивается людьми не стихийно, не самотеком. Она вносится в сознание людей партией, идеологическими учреждениями, определенной системой форм и средств воспитательной работы. Важную роль при этом играют литература и искусство, печать и радио, телевидение и кино, разнообразие формы устной пропаганды и внедрение новых обрядов, обычаев и традиций. Большую идеологическую работу ведут культурно-просветительные учреждения: библиотеки, театры, клубы, дома и дворцы культуры, музеи, дворцы бракосочетания и т. п.

Пропаганду и внедрение новых обычаев, обрядов и тради-

ций необходимо тесно увязывать со всей системой идейно-политического воспитания трудящихся масс.

Само собой разумеется, что задачу воспитания личности нельзя свести лишь к внедрению новых обычаев и традиций. Без воспитания сознательности практически невозможно формирование высоких нравственных качеств человека. Вместе с тем нельзя забывать, что воспитание сознательности требует превращения ее в глубокие личные убеждения. Поэтому вполне правомерно подчеркивание роли и значения привычек, обрядов, обычаев и традиций в воспитании нового человека, и это ни в коей мере не может привести к умалению сознательного начала в воспитательной работе.

Изучение традиций и обычаев, таким образом, приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Социалистическое общество нуждается в прогрессивных традициях и обычаях в целях преодоления отсталых, реакционных обычаев и традиций прошлого и в целях выработки эффективных средств внедрения новых, общесоветских традиций. Все это вместе взятое означает возрастание роли социально-психологических факторов интернационализации духовной жизни советских народов.

«Сила нашего строя в сознательности масс,— говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС.— И партия считает своей постоянной заботой воспитание коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм»¹. XXV съезд КПСС знаменует важный этап в развитии нашей страны на пути к коммунизму. Это — новый этап строительства материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений и формирования нового человека, развития социалистического образа жизни.

Говоря об очередных задачах, партии, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остается одной из важнейших задач партии»².

Вся общественно-политическая и трудовая жизнь нашей страны, недавно отметившей свое славное 60-летие, озарена сейчас идеями съезда. Разъясняя и осуществляя исторические решения XXV съезда, партийные организации добиваются нового подъема всей идейно-воспитательной работы в массах.

Публикуемые в настоящей книге материалы, подготовленные коллективом Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы, освещают ряд актуальных проблем теории и практики внедрения в быт новых обычаев и традиций, указывают пути преодоления пережитков прошлого.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 71.

² Там же, с. 75.

I. МЕСТО И РОЛЬ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Народные обычаи и традиции формировались на протяжении всей истории общества. В каждой общественно-экономической формации складывалась своя система обычаев и традиций, которые служили важным средством формирования духовного облика новых поколений в соответствии с характером экономических отношений.

Обычаи возникли в эпоху родового строя. Они детально регламентировали общественные отношения внутри рода или племени. Эти обычаи были необходимой формой организации деятельности родоплеменных коллективов, способом накопления социального опыта и передачи его из поколения в поколение. Родо-племенные обычаи определяли, как и в какой последовательности соблюдать установившиеся нормы и правила поведения.

Традиции возникают в классовом обществе. Если обычаи формируют простые привычки, то традиции формируют сложные установки, определенную направленность поведения. В классовом обществе процесс развития народных обычаев и традиций шел в упорной и длительной борьбе трудящихся масс против эксплуататоров. Основным направлением этой борьбы явилось утверждение прогрессивных норм нравственности и справедливости.

Великим достижением этого процесса было возникновение в эпоху феодализма народной педагогики и формирование в условиях капитализма революционных традиций рабочего класса.

Обычаи и традиции — это способы преемственности поколений в развитии духовной культуры, это формы организации быта, массовые привычки. В. И. Ленин подчеркивал, что «достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки»¹.

Народные традиции и обычаи находятся в органической связи с обрядами. Основой традиций и обычаев являются общественно-экономические отношения. Последним непосредственно определяется идейное содержание традиций, обычаев,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.

характер обрядовых действий, служащих средствами углубления и закрепления мыслей и чувств, необходимых для данных общественных отношений.

В жизни общества, определенных классов, а также отдельных личностей имеются переломные моменты, связанные с определенными традициями и обычаями. Для отдельной личности такие переломные моменты в личной жизни связаны с началом учебы, наступлением совершеннолетия, вступлением в брак, призывом на военную службу, поступлением на работу. И тогда общественные отношения предъявляют к человеку такие морально-этические требования и качества, которые соответствовали бы этим отношениям. Каждый человек в той или иной мере осознает эти требования, убеждается в том, что их следует неуклонно соблюдать. На основе этих убеждений возникают определенные эмоции и переживания.

Обряд выполняет роль средства воспитания эстетических и нравственных качеств. Обряд рождает коллективность переживания. Многие из народных праздничных обрядов обязательно включали в себя массовые военизированные игры молодежи, состязания в верховой езде, стрельбе из лука и т. д. В этих играх участвовали молодые мужчины, юноши, а в некоторых играх и девушки. Ныне эти состязания возрождаются во всех национальных республиках.

В последние годы в обрядовую сторону трудовых традиций нашего общества вошел новый элемент. Это состязания в мастерстве по различным профессиям, проведение соревнований механизаторов, пахарей, мастеров резца и фрезы и т. д.

В систему обрядов включается пропаганда боевых и революционных традиций нашего народа.

Следует подчеркнуть, что народный обряд в течение столетий противостоял обряду религиозному. Народный обряд формировал у людей земные чувства, защищал эти чувства от служителей религиозного культа. С выходом пролетариата на арену классовой борьбы формируются его обычаи и традиции, которые становятся важным средством в борьбе за новый мир.

Революционные традиции, например, выражали систему действий рабочего класса против старого эксплуататорского строя. Они стали определенной формой объединения коллективов рабочих, с помощью которых достигалось политическое и нравственное воспитание рабочего класса.

В народных обычаях просматривается передача молодым поколениям ценного нравственного опыта, установленного практикой бытовой жизни народа, системой обычаев. Эта система оказывает громадное влияние на формирование необходимых духовных качеств личности. Разумеется, духовные качества личности — понятие более широкое. Оно включает в себя естественно-научные и производственно-технические знания, трудовые навыки, философские, социально-политические, нравст-

венные убеждения, эстетические вкусы, привычки, эмоции и чувства, а также идеалы, интересы и духовные потребности. Многие из этих духовных качеств усваиваются молодыми поколениями через механизм обычаев и традиций. Советский психолог А. Н. Леонтьев справедливо пишет: «Люди каждого поколения начинают свою жизнь в мире предметов и явлений, созданных предшествующими поколениями. Участвуя в труде, в производстве и различных формах общественной деятельности, они усваивают богатство этого мира и таким образом развивают в себе те специфически человеческие способности, которые в этом мире кристаллизированы, воплощены»¹.

Обычаи и традиции — это особая сфера усвоения молодыми поколениями достижений старшего поколения. Весь процесс такой передачи поддерживается силой общественного мнения, коллективных, массовых привычек, обычаев и традиций. Следует учесть, что обычаи и традиции бывают как нравственными, правовыми, религиозными, так и национальными, классовыми, семейными.

Различия этих двух групп обычаев и традиций обусловлены особенностями соответствующих им видов общественных отношений. Определяющей основой развития обычаев и традиций всегда являются экономические отношения. Но экономика, определяя в конечном счете содержание и характер преемственности духовной культуры, воздействует на этот процесс через обычаи, привычки, нравы старших поколений.

В жизни новых поколений обычаи и традиции обнаруживают особую устойчивость. Это объясняется тем, что определяющее воздействие экономических отношений на духовный облик молодых поколений, еще не вступивших в самостоятельную жизнь, преломляется через привычки и взгляды старших поколений. В силу этого вместе с восприятием всего ценного, что накоплено в опыте старшего поколения, молодые поколения усваивают определенную часть устаревших привычек и взглядов. Процесс восприятия привычек и взглядов, обычаев и традиций принципиально отличается от процесса усвоения молодым поколением производственного опыта, трудовых навыков, научных и технических знаний. В последнем случае передача опыта контролируется и проверяется непосредственно в трудовом процессе. Передача же привычек и взглядов осуществляется в сфере социальных чувств и мыслей, в сфере идеологических отношений, которые, в отличие от производственного опыта, нельзя проверить актом практического действия. В прямой зависимости от этого обычаи, прежде служившие целям сохранения и передачи новым поколениям производственного опыта, принимают на себя функции средств формирования духовных качеств, требуемых системой экономических отношений.

¹ А. Н. Леонтьев. «Проблемы развития психики». М., 1965, с. 402.

Обычаи и традиции действуют главным образом в сфере нравственных отношений. Именно в этой области совершается процесс закрепления, развития и передачи новым поколениям определенных духовных качеств. Из всех видов идеологических отношений классового общества наиболее широкий простор действию обычаев и традиций открывают нравственные отношения. Объектом этих отношений является поступок личности или социальной группы, в котором выражается их отношение к другим людям, к своему классу, государству, семье.

Обычаи и традиции бывают классовые, национальные и семейные. Национальные обычаи и традиции, разумеется, нельзя отделить от классовых традиций. Между ними существует неразрывная связь. Вместе с тем каждая нация и народность имеют свои определенные традиции и обычаи. Специфика национальных традиций и обычаев обусловлена особенностями исторического пути развития данного народа, которые накладывают определенные черты на его национальные обычаи и традиции. Следует иметь в виду, что «чистой» национальной традиции, которая развивалась бы изолированно, только из своей национальной среды, не испытывая при этом благотворного влияния культур и традиций других народов, история человечества не знает. В условиях все более тесного сближения социалистических наций усиливается взаимовлияние национальных традиций, которые обогащаются общими интернациональными элементами. Обычаи, традиции, обряды советских народов все больше выходят за рамки национальной обособленности. Взаимообогащение традиций советских народов происходит на основе двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, получают дальнейшее развитие все прогрессивные национальные традиции и они становятся достоянием всех народов, с другой — складываются единые для всех наций и народностей общесоветские традиции.

Формирование и утверждение общесоветских традиций не означает ликвидацию национальных традиций. Напротив, прогрессивные национальные традиции получают наиболее благоприятные условия развития именно в условиях формирования общесоветских традиций, так как последние вбирают в себя все ценное и передовое из национальных культур.

Национальные традиции и обычаи нельзя выделять в особую сферу общественной жизни, отличную от ее нравственных, эстетических, политических и других идеологических отношений. Национальные обычаи и традиции также являются способами реализации тех же политических, нравственных, эстетических и других идеологических отношений, которые выражают обычаи и традиции вообще. В области политических отношений нашего общества национальные традиции действуют в системе революционных традиций.

Нравственные традиции, тесно переплетаясь с идейным со-

держанием революционных традиций, определяются революционной практикой.

Идейное содержание нравственных традиций наравне с моральными принципами входит в моральные предписания, регулирующие отношения к труду, к семье, а также простые нормы нравственности и справедливости. В Программе КПСС говорится: «В процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми»¹. Все это говорит о том, что постепенно будет расширяться сфера действия обычаев и традиций. И в конечном итоге они охватят всю область идеологических отношений, превратив ее в сознательно организованный педагогический процесс. Нормы морали, формирующиеся в повседневной жизни трудящихся, выступают регуляторами их поведения во всех сферах общественной жизни.

Нельзя найти область общественных отношений, где бы ни нужны были честность и правдивость, простота и скромность, соблюдение элементарных правил поведения. Принципы морали являются требованиями к поведению людей. Принципами коммунистической морали являются преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм, коммунистическое отношение к труду и общественной собственности, коллективизм, социалистический гуманизм и пролетарский интернационализм. Нормы морали, нравственные принципы образуют основу сложных привычек, формами существования которых являются нравственные традиции. Нельзя не учитывать, что моральные принципы относятся к идеологическому уровню общественного сознания. Это означает, что их усвоение невозможно без теоретических знаний.

Обычаи и традиции, неразрывно связанные с принципами морали, тесно примыкают к идеологическим отношениям. В. И. Ленин связывал выработку общих для всех людей привычек поведения с переходом к коммунизму, отмиранием государства. Он писал, что «... избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторяющихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»².

Здесь В. И. Ленин относит к привычке не только соблюдение элементарных правил общежития, но и исполнения общест-

¹ Программа КПСС. М., 1976, с. 119.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 89.

венных обязанностей, поэтому высшим результатом коммунистического воспитания является выработка общественных привычек, формирование идейных убеждений.

Убеждения и привычки тесно связаны между собой. В привычках человека проявляются его убеждения. А. С. Макаренко указывал, что наше поведение должно быть сознательным. Но это вовсе не значит, что во всех вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию. Это было бы слишком убыточной нагрузкой на сознание. «Настоящая широкая этическая норма становится действительной тогда, когда ее сознательный период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, поддержанная сложившимися общественным мнением и общественным вкусом»¹.

Добрая привычка, по словам К. Д. Ушинского, есть нравственный капитал человека, позволяющий ему «все плодотворнее употреблять свою драгоценную силу — силу сознательной воли и возводить нравственное здание своей жизни все выше и выше, не начиная каждый раз своей постройки с основания и не тратя своего сознания и своей воли на борьбу с трудностями, которые были уже раз побеждены»².

В социалистическом обществе консервативная сила обычаев и традиций ставится под контроль людей, чем упраздняется разрушительный характер их действия. Чем более массовыми становятся хорошие привычки в нашем обществе, тем более они принимают форму прогрессивных обычаев и традиций, тем интенсивнее сливается воспитание с процессом формирования морального облика советского человека. По мере движения нашего общества к коммунизму, по мере роста коммунистической сознательности масс сама сфера элементарных норм поведения, входящих в привычку, неуклонно расширяется. В эту сферу входят не только привычки, связанные с простыми нормами нравственности, но и более сложные привычки, такие, как социальная активность личности, ее творческое отношение к труду и др.

Утверждение социалистических обычаев и традиций является глубоким переворотом в психологии, нравах и привычках широких народных масс. Это та область духовной жизни народа, которая с наибольшими трудностями поддается преобразованиям. В. И. Ленин не раз говорил, что идейное сопротивление капитализма — это самое глубокое и самое мощное сопротивление. В этом сопротивлении наиболее стойкими являются старые привычки масс. Борьбу против мелкобуржуазной психологии, против частнособственнических нравов и привычек Ленин считал делом десятилетий. «Дело переработки мелкого землевла-

¹ А. С. Макаренко. «О воспитании молодежи». М., 1951, с. 111.

² К. Д. Ушинский. «Человек, как предмет воспитания». Собр. соч., т. 8, с. 228.

дельца, — писал он, — переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений»¹.

С победой социалистической революции одной из важных задач явилось преодоление старых нравов и обычаев, извращенных частной собственностью. В. И. Ленин призывал преодолеть старые привычки, старые навыки, оставшиеся нам в наследство от старого строя, навыки и привычки собственнические, которые насквозь пропитывают толщу масс, «чтобы вытравить проклятое правило: «Каждый за себя, один бог за всех», «чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «Все за одного и один за всех»².

В преодолении мелкобуржуазных привычек и нравов решающую роль партия отводила революционным традициям рабочего класса, она руководствовалась указаниями В. И. Ленина, который писал, что мы должны «бороться против буржуазии и военным путем и еще более путем идейным, путем воспитания, чтобы привычки, навыки, убеждения, которые рабочий класс вырабатывал в себе в продолжение многих десятилетий в борьбе за политическую свободу, чтобы вся сумма этих привычек, навыков и идей послужила орудием воспитания всех трудящихся, а задача решения вопроса, как именно воспитать, ложится на пролетариат»⁴.

Борьба за умы и сердца людей, особенно молодежи, решалась в ходе коренных социально-экономических преобразований. Партия в решениях своих съездов давала глубокий анализ развития революционных традиций среди молодежи. Социалистические обычаи и традиции в первые годы Советской власти наиболее успешно развивались в сфере политических отношений. В этой области особенно развитыми были патриотические чувства любви и преданности партии и Советской власти. Развита были также революционные традиции, связанные с празднованием революционных дат. Что касается трудовых и бытовых традиций и обычаев, дело обстоит гораздо сложнее. Новое отношение к труду только начинало утверждаться среди рабочих, массовый характер оно приняло позже, в годы первых пятилеток.

Крестьяне же, решительно поддерживая политику Советской власти против кулачества, в сфере нравственных отношений выступали как мелкие частные собственники. В их среде прогрессивные нравственные обычаи и традиции сосуществовали бок о бок с патриархальными традициями, нравами, обычаями в семье, в отношениях друг к другу. Это с особой силой проявлялось в районах Средней Азии и Кавказа.

Характерной особенностью развития гражданской обрядно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 60.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 108.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 400—401.

сти 20—30-х годов явилась ее антирелигиозная направленность. Закономерно то, что каждое новое общество в течение жизни одного или нескольких поколений вырабатывает идеологические и духовные качества, отвечающие потребностям его развития, утверждает эти качества как жизненно важные духовные ценности и только на основе этого начинает действовать механизм обычаев и традиций. На основе массовой поддержки обычаев и традиций стали функционировать определенные обряды как средства реализации идеологических отношений.

Развитие социалистических обычаев и традиций — это не кратковременная кампания. Это сознательное совершенствование всей системы идеологических отношений широких масс как в труде, так и в быту. Утверждение новых социалистических обычаев и традиций составляет неотъемлемую часть социалистической культурной революции. Они утверждают в сознании широких масс новые общественные отношения.

В условиях развитого социализма широкое распространение среди народа получили революционные и трудовые традиции. В духовном содержании этих традиций имеются элементы, свойственные только людям социализма, а именно: коллективизм в труде, радость по поводу успехов трудовых коллективов, высокое сознание общественного значения труда, отношение к труду как к смыслу жизни и др.

Труд является главной сферой, где вырабатываются черты психологии нового человека. Между революционными и трудовыми традициями существует неразрывная связь, ибо их духовные компоненты включаются в сознание одних и тех же людей.

Революционные традиции советского народа глубоко классовые по своей сущности, их идейным содержанием является марксистско-ленинская идеология.

Трудовые и боевые традиции нашего народа не могут развиваться вне воздействия на них революционных традиций Коммунистической партии и рабочего класса. При этом решающую роль в развитии трудовых и боевых традиций играет понимание общественной значимости труда.

«Для того, — говорил Л. И. Брежнев, — чтобы быть революционером, подлинным лепинцем, мало честно трудиться — надо проявлять постоянную заботу об экономическом и оборонном могуществе социалистической Родины, нужно ясное понимание наших целей, глубокая преданность делу партии, делу коммунизма, необходимо бережное отношение к общественному добру, соблюдение социалистической дисциплины труда, принципиальность и гражданское мужество в борьбе с пережитками капитализма — с рвачеством, бюрократизмом, расхлябанностью, с малейшими нарушениями советских законов и норм коммунистической нравственности»¹.

¹ Л. И. Брежнев. «Ленинским курсом. Речи и статьи», т. 2, с. 176.

Воздействие идейно-политического содержания революционных традиций на трудовые проявляется в революционной символике в определенных обрядах. Воздействие революционных традиций на обычаи и обряды других сфер общественной и личной жизни может быть успешным только при том условии, когда внимательно учитываются потребности духовного мира различных возрастных и профессиональных групп населения, учитывается специфика их настроения и переживания, связанная с теми или иными общественными отношениями. В развитом социалистическом обществе все звенья его отношений образуют единую систему воспитания, подчиненную целям формирования коммунистической личности. Развитие творческой активности масс ныне далеко вышло за границы экономических, политических, межнациональных отношений, охватив сферу образа жизни советских людей, их взаимоотношения в повседневном быту, их уклад в семье, их обычаи, традиции, развлечения, праздники.

Задача сознательного формирования образа жизни советских людей является делом трудным и новым в истории общества. В прошлом этот процесс протекал стихийно. В условиях же социализма он протекает сознательно, под научным руководством Коммунистической партии. В сознательном управлении этим сложным процессом главным принципом выступает развитие духовных потребностей, рост которых опережает уровень материальной жизни. В противном случае могут возникать нежелательные ситуации, при которых материальный достаток в отдельных семьях может привести к мелкобуржуазным рецидивам. Серьезное отставание культурного уровня от повышения материального благополучия может превратить человека в раба вещей, породить курьезное настроение, при котором человек переживает недовольство тем острее, чем выше становится уровень его материальной жизни.

В развитии духовных потребностей советских людей велика роль образования, искусства, печати, радио, кино, телевидения, театра и т. д. Но эти средства в основном рассчитаны на индивидуальное воспитание. Здесь на второстепенный план отодвигается самое главное — непосредственные идейно-эмоциональные контакты человека с другими людьми. Общение людей друг с другом возвышает силу их чувств. Чувство одного есть чувство ограниченности, а чувство общения есть чувство сплоченности. Сила народных обрядов и традиций заключается также и в том, что они сплавляют людей, создают коллективные эмоции, чувства и настроения. Массовый характер этих форм общения дает достаточно полную характеристику особенностей социальной психологии общества, народа, класса, нации, коллектива, поскольку в этих формах непосредственно выражаются вкусы, понимание смысла и цели жизни.

В утверждении идеологических отношений народные обычаи

и традиции приобретают особую силу, делая эти отношения достоянием широких масс общества, нации, класса.

Начиная с 30-х годов, когда повое отношение к труду приняло массовый характер, стала складываться система трудовых традиций советского общества. Обрядовая сторона трудовых традиций первоначально заимствована из обрядности революционных традиций. Проводились митинги по поводу трудовых побед, заседания, поздравления, принимали революционную символику знамен, лозунгов и т. д.

Многие из этих обрядовых актов и сейчас входят в обрядность трудовых традиций. Они представляют собой наиболее эффективные способы воздействия политической идеологии на идейное содержание трудовых традиций.

С середины 50-х годов ставится вопрос о необходимости развития советской гражданской обрядности. Появилась массовая потребность в красивых и торжественных обрядовых актах, выражающих мысли и чувства людей, связанные с событиями повседневной жизни — рождение человека, его поступление в школу, прием в пионеры, в комсомол, получение паспорта, вступление в самостоятельную трудовую деятельность, призыв в армию, свадьба и т. д. В сознании большинства наших людей старая народная обрядовая форма потеряла свою функцию, однако у некоторой части нашего народа, особенно у людей старшего возраста, обряды связываются с религиозными представлениями. Зачастую многие считают обряды модой или увеселительной мерой. Такие представления являются ошибочными. Обычаи, традиции, обряды развитого социалистического общества складываются в определенную систему, которая охватывает все сферы идеологических общественных отношений, а также семейно-бытовых связей.

Любовь к природе, бережное к ней отношение — это неотъемлемая черта советского патриотизма. И в прошлом в обычаях и традициях народов природа занимала почетное место. Ей были посвящены красивые торжественные праздники. В обрядности таких праздников сливались воедино радость труда и семейного счастья с любовью к природе.

У русских, украинцев и белорусов отмечались такие праздники, как красная горка, с весенними хороводами, «семик» — праздник девушек с завиванием берез и плетением венков, «Иван Купала» — своеобразный народный гимн в честь летнего солнцеворота, аналогично ему — латышский «лиго», татарский «сабантуй», литовский «йонинес»; у таджиков в честь первой весенней зелени отмечается праздник «навруз», у ряда народов Средней Азии цветению тюльпанов посвящался праздник «лола». Торжественно и радостно встречая и провожая каждое время года, народы нашей страны делили с нею радость и горе, воспроизводили красоту родной природы в своем художественном творчестве. Ныне наиболее распространенной формой

таких обычаев выступает посадка памятных деревьев в связи с вступлением в брак, рождением ребенка, посещением мест боевых сражений.

Обычаи и традиции ничего не имеют с модой. Взгляд на обрядовую сторону наших традиций как на развлечение, приводит в жизни к тому, что через некоторое время введенный ритуал теряет поддержку людей. В практике встречается и такое, когда у общественных организаций и культурно-просветительных учреждений не хватает терпения проводить систематическую работу по внедрению новых обрядов и закреплению их в жизни населения.

Нельзя забывать, что обрядовая сторона социалистических традиций является могучим средством формирования коммунистических, нравственных и эстетических чувств. В нашем обществе возрождена функция народных обрядов быть средством организации и углубления эмоциональной жизни масс. Опыт последних лет работы по внедрению новых обрядов показывает, что обрядовые формы прошлых лет могут быть успешно использованы в современных условиях.

Обрядовая сторона традиций, как правило, связана со значительными событиями в развитии социалистического общества. Среди этих событий особое место занимают годовщина Октябрьской революции, День рождения В. И. Ленина, День Победы, День Конституции, великие научные открытия, полет советского человека в Космос и т. д. Эти события отмечаются праздничной обрядностью, роль которой сводится к усилению и углублению чувств и убеждений, связанных со знаменательными событиями.

Комплекс обрядовых элементов своеобразен для каждой традиции. Велика сила доброго примера, передового почина. Его воздействие на массы может быть значительно усилено обрядовой стороной. Например, хорошо оформленное чествование героев труда, торжественной выдачи им премий, вручение переходящих знамен и объявления благодарностей, проводы на пенсию ветеранов труда и многие другие торжества подобного рода прививают молодым труженикам уважение к труду и трудовому подвигу, психологически подготавливают их к честному и творческому отношению к труду, воспитывают у них стремление добросовестно трудиться во имя построения коммунистического общества.

Следует остановиться еще на одной стороне обрядов. Речь идет о месте и роли их в атеистическом воспитании трудящихся. У нас прочно утвердились десятки новых гражданских обрядов, ставшие неотъемлемой частью советского образа жизни, яркими гранями которого, как отмечал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета XXV съезду КПСС, являются «атмосфера подлинного коллективизма и товарищества, сплоченность, дружба всех народов и народов страны, которые

крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими»...¹

В условиях, когда прочно утвердился советский образ жизни, особенно широкое распространение получили общественно-политические обряды, совершаемые в дни революционных праздников. Эти обряды отражают деятельность представителей разных профессий. В ряде случаев семейные обряды приобретают общественно-политическое значение, например, получение паспорта в торжественной обстановке, проводы в Советскую Армию. Новая, социалистическая обрядность в образно-эмоциональной форме выражает значимые для людей события. Она выполняет важные социальные, мировоззренческие, идеологические функции. Являясь элементом духовной культуры, советская обрядность служит одним из средств передачи новым поколениям передовых идей и представлений, способствует утверждению коммунистических идеалов, революционных и патриотических традиций. В советской обрядности, если она красочно и в идейном отношении содержательно оформлена, находит отражение подлинный гуманизм, красота человеческих отношений. Образная форма обрядов обуславливает их эмоционально-психологическое воздействие на людей. Все это и определяет ту значительную роль, которую играет советская гражданская обрядность в жизни нашего общества. Вместе с тем среди социальных функций новой, социалистической обрядности имеется и такая функция, которая требует к себе особого внимания. Эта функция атеистическая, на которой следует остановиться несколько подробнее, учитывая живучесть религиозных пережитков в сознании части наших людей.

Религия имеет свою, веками сложившуюся, систему ритуалов, религиозных обрядов. Характерно, что религиозность большинства верующих поддерживается именно эмоционально-психологическим религиозным культом. Как показывают проведенные на Северном Кавказе, в Прибалтике, Средней Азии и других районах исследования, чаще всего людей привлекают в церковь праздники, обряды, богослужения, которые оказывают сильное эмоциональное воздействие на чувства верующих. Здесь и архитектура храмов, и пышные религиозные церемонии, и хоровое пение — все это нравится верующим, способствует, по меткому выражению М. Горького, «угашению разума».

Новая, социалистическая обрядность выступает действенным средством преодоления религиозного культа, средством вытеснения из быта старых обрядов. По данным среднеазиатских, прибалтийских исследователей, свыше 80 процентов лиц, порвавших в последние годы с религией, связывают свое решение с привлекательностью советской обрядности. Атеистическая направленность социалистической обрядности состоит не только в

¹ Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат. М., 1976, с. 87.

отрицанию религиозных обрядов. Наши советские обряды утверждают коммунистические духовные ценности, возвышают человека, его достоинство, вселяют уверенность в его силах, воспитывают в людях коллективизм и патриотизм, интернационализм и гуманизм.

Хорошо об этом сказал дважды Герой Социалистического Труда М. Посмитный. «В создании новых обрядов, праздников я вижу и ту большую силу, которая привязывает человека к родному краю. Трудно покинуть село, в парке которого посажено дерево твоего имени, где отмечался твой первый урок в школе, первый самостоятельно выращенный початок, твое совершеннолетие, свадьба, трудно навсегда покинуть место, где ты ребенком нес снопы на Празднике урожая...». В этих словах раскрыта сила воздействия советских обрядов на сознание и поведение человека, на его чувства и психологию.

Внедрение новой гражданской обрядности в быт требует решения ряда вопросов. Это касается новых обрядовых форм, критического осмысления старых народных обычаев и обрядов. Что следует сохранить от прошлого? Вопрос далеко не простой. Он требует к себе внимания и конкретного решения в каждом отдельном случае.

В практике имеют место попытки использования религиозных обычаев и обрядов под видом национальных или народных. Отвергая реакционные, религиозные обычаи и обряды, мы должны бережно относиться к прогрессивным национальным традициям, обычаям, обрядам, помня, что они развиваются в нашем обществе на социалистической основе и служат делу интернационального и патриотического воспитания трудящихся.

Жизнь настоятельно требует решения практических вопросов, связанных с внедрением в быт новой обрядности. В ряде мест созданы республиканские и областные комиссии по внедрению гражданских праздников и обрядов. На промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах создаются общественные советы, занимающиеся внедрением новой обрядности.

Разрабатываются типовые проекты дворцов бракосочетания, регистрации новобрачных, создаются образцы одежды и т. д.

Все это требует организационной четкости, определенной системы в проведении советских обрядов. Не секрет, что подчас свадьба отмечается по старинке. На это затрачиваются значительные средства, которые можно было бы для пользы дела использовать для устройства быта молодоженов. Нередки случаи, когда свадьбы превращаются в пьянку.

Следует подумать и об организации погребальных и поминальных обрядов. Заботы об организации похорон целесообразно возложить на специальные учреждения, которые осуществляли бы торжественный ритуал прощания, проводов в последний путь.

В ряде мест центрами организации новых гражданских об-

рядов и ритуалов становятся культурно-просветительские учреждения. Это положительное явление, опыт которого заслуживает изучения и использования. В этой связи важное значение приобретает вопрос о кадрах, которые должны заниматься внедрением в быт новой гражданской обрядности.

К сожалению, работников такого профиля никто не готовит. Институты культуры и политпросветучилища должны подготовить и такие кадры. Следует организовать специальные семинары или курсы для подготовки работников, занимающихся внедрением в быт социалистической обрядности.

Решение указанных вопросов несомненно окажет положительное влияние на воспитание советских людей в духе коммунистической нравственности и социалистической гражданской обрядности.

Все сказанное показывает, как велика роль обычаев, традиций и обрядов в жизни советского общества. Они являются воплощением идеологических и морально-бытовых отношений людей. В условиях развитого социализма роль прогрессивных обычаев и традиций возрастает, а социальные функции их расширяются. Они перерастают в характерные черты социалистического образа жизни. Изучение этой проблемы и внедрение новой гражданской обрядности — важная задача теории и практики коммунистического строительства.

II. СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ

В ходе социалистического строительства в нашей стране произошли грандиозные изменения во всех областях социально-экономической, политической и духовной жизни советских народов. Одним из величайших завоеваний социализма является осуществление партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов. «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества»¹.

За годы Советской власти в нашей стране сложилась и пышно расцвела единая по духу и своему социальному содержанию советская социалистическая культура. «Эта культура, — подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, — включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины»².

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. Политиздат, М., 1971, с. 76.

² Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., Политиздат, 1973, с. 41—42.

Новые традиции культуры и быта советских людей возникают не па голом месте. Они развивались в процессе творческого переосмысливания и использования всего лучшего, что было в национальных традициях, в культуре каждого советского народа. В. И. Ленин придавал огромное значение творческому изучению, оценке с марксистских позиций исторического опыта всех народов, использованию в процессе коммунистического строительства всех достижений человеческой культуры. Он писал: «Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру»¹. Это ленинское указание имеет прямое отношение к социальной оценке народных обычаев и традиций как неотъемлемому элементу культурного наследия каждого народа.

Обычаи и традиции затрагивают многие стороны жизни общества и его граждан. Они оказывают существенное влияние на формирование мыслей и чувств людей, нередко являясь побудительными мотивами их действий. Обычаи и традиции как бы аккумулируют социальный опыт предшествующих поколений, поэтому в последнее время они привлекают пристальное внимание многих исследователей.

В жизни каждого, большого и малого, народа были и продолжают сохраняться многие обычаи самого разнообразного характера: семейно-бытового, производственного и другого. Одни из этих традиций и обычаев, рожденные в недрах народных масс, пройдя через столетия, претерпевая определенную трансформацию, дошли до наших дней, сохранив свою здоровую, демократическую основу. Другие, хотя и имеют демократическую природу, но будучи порождением определенных, совершенно конкретных социальных условий, с изменением общественных отношений потеряли свою ценность и в новых социальных условиях стали анахронизмом. Третьи, хотя и получили значительное или даже широкое распространение среди того или иного народа, по своей социальной природе, происхождению и сущности не являются народными, демократическими. И независимо от степени их распространения эта категория обычаев и традиций является вредным пережитком прошлого, против которого надо вести решительную и бескомпромиссную борьбу.

Есть, наконец, также традиции и обычаи, в проявлениях которых сложно переплелись демократические, подлинно народные элементы с чуждыми интересам трудящихся наслоениями. Подобное явление наиболее часто можно наблюдать в семейно-бытовых обычаях и традициях.

Обычаи и традиции складываются, развиваются и закрепляются на протяжении длительного периода жизнедеятельности

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

того или иного социального коллектива в определенных социально-экономических условиях. На их становление, развитие и распространение или угасание оказывает влияние прежде всего сложный комплекс социальных факторов и прежде всего господствующий способ производства материальных благ. Производственный опыт и трудовые навыки — вот что прежде всего закреплялось в памяти каждого народа и передавалось из поколения в поколение. Новое поколение копировало в своей деятельности действия старшего поколения. Этот стереотип в трудовой деятельности, протекавший в идентичных условиях, был не только оправдан, но и необходим на ранних стадиях развития человечества, так как способствовал довольно быстрой передаче трудовых навыков от поколения к поколению.

На формирование обычаев и традиций оказывала влияние и географическая среда. Последняя обусловила выработку формы и конструкции жилища, наиболее оптимально соответствовавшего существовавшему уровню развития производительных сил.

И эта форма, ставшая традиционной для данного народа, передавалась из поколения в поколение. И только принципиальное изменение условий труда и быта в годы Советской власти в сравнительно короткий срок сделало веками существующую горскую саклю уделом этнической истории и ее место повсеместно занял дом, соответствующий новым условиям труда и отдыха современной горской семьи.

Наглядно видно изменение традиционного характера пищи, отношения к одежде под воздействием развития социально-экономических условий. Народы, главным занятием которых было скотоводство, питались, как правило, мясо-молочными продуктами. Это стало традицией. Земледельческие же народы, наоборот, основой рациона имели мучные, крупяные, картофельные и овощные блюда. Изменение характера производственной деятельности привело к расширению, обогащению традиционного национального стола новыми продуктами питания.

Или возьмем традиционные формы одежды. До революции женщина-горянка не имела пальто. Образ жизни ее не вызывал необходимости иметь теплое пальто. В качестве зимней одежды использовались традиционные шерстяные и пуховые платки, в выработке которых местные женщины достигли большого мастерства. Когда женщина-горянка в годы Советской власти включалась в активную производственную деятельность, выходящую за границы двора, и в общественную жизнь, ей потребовалось пальто. И для внедрения его в быт горской семьи пришлось преодолеть традиционные представления об одежде горянки.

Традиции и обычаи, будучи вторичными по отношению к социально-экономическим условиям, изменяясь под воздействием развития последних, обладают значительной устойчивостью, относительной самостоятельностью. Некоторые обычаи и традиции

проходят через века и ряд общественно-экономических формаций нередко в неизменном или слабо измененном виде. Другие, наоборот, претерпевают значительную трансформацию и по содержанию и по форме. Иногда под новой формой скрывается прежнее содержание. Или, наоборот, меняется содержание, традиционной остается лишь форма.

Правильно оценить социальный характер тех или иных пространенных среди данного народа обычаев и традиций — задача большой идеологической значимости. Без этого не может быть эффективной борьбы с вредными пережитками прошлого. Ибо, с одной стороны, незнание природы обычая или традиции, их социальной сущности тормозит дело борьбы с отжившими, архаическими и просто реакционными обычаями и традициями. Дело осложняется тем, что апологеты прошлого, в том числе из рядов религиозных активистов и всякого рода самозванные «авторитеты», спекулируя на незнании широкими слоями населения истинной природы этих обычаев и традиций, стремятся все их выдать за народные. А деятельность по их преодолению пытаются изобразить как борьбу против национальных традиций народа. Нет необходимости говорить о крайней реакционности этой тенденции. Она вредит делу дальнейшего укрепления дружбы всех советских народов, порождает национальный эгоизм и национальную ограниченность, служит питательной почвой для национализма и шовинизма.

С другой стороны, неразработанность теории вопроса, неисследованность социальной сущности тех или иных конкретных обычаев и традиций может привести (и нередко приводит) в практике воспитательной, особенно пропагандистской, работы к необоснованному отбрасыванию всех традиций и обычаев прошлого и огульной оценке всех их, без должной дифференциации и социального анализа как реакционных, антинародных пережитков. В таком случае под категорию реакционных пережитков могут попасть и те из обычаев и традиций, в которых есть рациональное, демократическое зерно. Подобный подход мешает выработке новых обрядов и укоренению новых традиций, особенно бытового характера, которые учитывали бы национальные особенности населения и национальную психологию народа. Эта нигилистическая тенденция также вредна.

Опыт воспитательной работы свидетельствует о том, что лучшим средством в борьбе с отжившими, архаичными обычаями и традициями прошлого является создание и внедрение в жизнь новых, прогрессивных традиций, обрядов и ритуалов. Но это дело будет успешно продвигаться вперед лишь при условии использования всего богатого предшествующего положительного опыта народа, в том числе и здорового элемента выработанных в прошлом традиций и обычаев. Естественно, к оценке наследия прошлого надо подходить с классовых позиций, с принципов марксистско-ленинской партийности.

Несмотря на классовый и национальный гнет, неразвитость или слабое развитие у отдельных народов тех или иных сторон общественных отношений, стремление господствующих социально-экономических и политических кругов навязать народным массам свои узкоклассовые и сословные взгляды, принципы и нормы, трудящиеся в битвах за свою социальную свободу, в борьбе за существование со стихийными силами общественного развития и грозными силами природы вырабатывали свои подлинно демократические обычаи и традиции. Эти традиции и обычаи, рожденные в огне классовых сражений, являются ценнейшим народным достоянием. Это подлинные сокровища национальной истории.

Но так как ни один народ, особенно малый, не может успешно бороться за жизнь, за свое социальное и национальное освобождение в одиночку, а лишь при поддержке и в союзе с другими народами, то прогрессивные традиции, даже рожденные в недрах одного народа, являются интернационалистскими по своей природе. Таковы, например, все традиции, формы и методы классовой борьбы трудящихся. Таковы обычаи и традиции классовой солидарности народных масс. Таковы традиции и обычаи производственной взаимопомощи трудящихся и многие другие.

Большую ценность представляют и многие традиции духовной культуры. Народ, трудящиеся массы в конечном счете — создатели всех не только материальных, но и духовных ценностей. Народ является прежде всего наиболее объективным критиком духовных ценностей. Его взгляды, вкусы, оценки являются критерием художественного достоинства произведений духовной культуры. В этих оценках народ опирается на многовековой опыт, который отсеивает все мимолетное, неглубокое, навеянное кратковременным увлечением, модой и т. д. Народ является аккумулятором и хранителем национальных духовных ценностей. Народ их передает на протяжении веков от поколения к поколению. И в выполнении этой благородной миссии огромная роль принадлежит традиции.

Благодаря традиции из поколения в поколение передавались приемы и методы художественного творчества, художественные образы и типы, критерии оценки произведений духовной культуры, тенденции ее развития. До возникновения письменности, благодаря которой неизмеримо возросли возможности культурного развития и взаимного обогащения национальных культур, традиция была важнейшим и наиболее надежным способом передачи духовных ценностей новым поколениям.

Вследствие определенной устойчивости обычаев и традиций народная память сохранила замечательные творения безвестных певцов, сказителей. Благодаря этому они стали достоянием нашей современности.

Как и у всех народов, не имевших письменности, у народов

Карачаево-Черкесии фольклор достиг высокой степени развития. Сказания, легенды, сказки, пословицы и поговорки — все эти жанры представлены богато в фольклоре народов области. Это были традиционные формы устного творчества до возникновения письменности. А эпические сказания и нартский эпос вошли в бесценную сокровищницу мирового фольклора.

Однако, оценивая культурное наследие прошлого, мы не должны забывать о классовом характере духовной культуры в классовом обществе. В «Критических заметках по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде «элементов», а в виде господствующей культуры»¹.

Ленинское учение о двух культурах в классовом антагонистическом обществе является методологической основой для научного анализа культурного наследия каждого народа. Без учета этого, сформулированного В. И. Лениным, принципа можно впасть в идеализацию прошлого. Представители господствующих классов (в конкретных условиях Северного Кавказа — феодальной знати и духовенства) могли создавать и создавали произведения (песни, сказания) антинародные по своему характеру. Использование при этом традиционной народной формы лишь маскировало антидемократическую сущность этих творений. В этих произведениях воспевались и восхвалялись князья, горская знать и их прислужники. Их деяния, узкоэгоистичные сословные и классовые интересы выдавались за защиту интересов народов. Они искажали действительные факты и освещали историю народа в ложном, превратном свете. Нередко в них интересы одного народа противопоставлялись интересам другого, классовый принцип подменялся этническим, национальным и даже религиозным.

Определенные клерикальные элементы проникали и в среду народной, демократической культуры. Это было следствием того, что мусульманское духовенство после укрепления среди горцев ислама в качестве господствующей религии претендовало (и безуспешно) на роль единственного носителя и выразителя духовной культуры, учителя нравственности и хранителя интеллектуальных ценностей народа. Клерикализации подверглись и некоторые стороны быта, религиозные обряды стали выдаваться за национальные, народные обычаи и традиции. Это влияние религии наложило негативный отпечаток и на некоторые обы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

чаи и традиции, являющиеся народными, демократическими по своему происхождению.

В культурном наследии прошлого обычаи и традиции занимают весьма видное место. И здесь опасен как нигилизм, отрицающий преемственность созданных в прошлом традиций и обычаев, так и некритическое любование прошлым. В последнем случае наследие прошлого «становится комплексом освященных ценностей, символов, вызывающих эмоциональное отношение»¹. И нельзя допустить, чтобы эмоциональный фактор при рассмотрении этой важной идеологической проблемы заслонял ее социальную сущность. Не только события социально-экономической истории, но нередко в условиях острой идеологической борьбы в современном мире даже мифы, сказания и художественные образы прошлого становятся предметом острых идеологических схваток. И совершенно прав советский ученый-ориенталист Б. С. Ерасов, заявляя, что «обычаи, доставшиеся от прошлого, также не существуют в изоляции от процессов, затрагивающих общество в целом. Они самой жизнью вплетаются в сложную систему взаимодействия различных социальных сил»².

Поэтому проблема социальной оценки обычаев и традиций прошлого выдвигает принципиальное требование **отличать подлинно народные традиции и обычаи от реакционных традиций и обычаев, распространенных среди того или иного народа.** В истории каждого народа наряду с полезными, разумными традициями и обычаями было немало и таких, которые никак нельзя считать прогрессивным национальным наследием. И многие из последних, наряду с положительными обычаями и традициями, достались советскому обществу от предшествующих общественно-экономических формаций. С ними надо вести решительную и бескомпромиссную борьбу.

Но где же тот критерий, при помощи которого можно дифференцировать традиции и обычаи прошлого на полезные, которые стоит заимствовать и развивать, и вредные, с которыми надо бороться?

Народные традиции и обычаи порождены жизнью трудящихся масс и выражают их интересы. **В основе народных обычаев лежат прежде всего производственные потребности, правильно ориентирующие человека в его действиях, носящие реальный, а не иллюзорный характер.** Основой народного обычая является рациональный элемент, предусматривающий непосредственное целесообразное, прежде всего трудовое действие. Так как эти обычаи выражают интересы трудящихся, то они несовместимы с интересами эксплуататоров, то есть они имеют классовый характер. Такие традиции и обычаи возникают и разви-

¹ Я. Щепанский. Элементарные понятия социологии. Изд-во «Прогресс», М., 1969, с. 45.

² Б. С. Ерасов. Тропическая Африка: идеология и проблемы культуры. Изд-во «Наука». М., 1972, с. 224.

ваются в ходе длительной и упорной борьбы трудящихся против эксплуататоров, а также в ходе борьбы за свое существование с силами природы. Именно эти традиции и обычаи характеризуют этно-психологический облик народа, выражают его национальные черты.

Но у каждого народа было немало обычаев и традиций иррационального характера. К ним, в первую очередь, относятся религиозные обряды и традиции, нередко выдававшиеся за народные обычаи и традиции, и эта тенденция до конца не преодолена и до сих пор, а также разного рода религиозно-бытовые наслонения. Многие традиции, обряды, ставшие обычными, традиционными, которые в прошлом были широко распространены среди коренных народов Северного Кавказа, в том числе и Карачаево-Черкесии, порождены или освящены религией. Их никак нельзя считать народными, хотя в обыденном сознании и психологии целых поколений они и закрепились как народные, национальные.

Кроме того, следует иметь в виду, что господствующие классы и социальные слои стремились по мере развития классовых отношений трансформировать демократические, народные обычаи в угоду своим социальным интересам. И в этом им существенную помощь оказывала религия.

Для удобства анализа конкретных обычаев и традиций прошлого их можно разбить на несколько групп. Обобщенно эти группы выглядят так: обряды хозяйственно-производственные, семейно-бытовые, традиционные жанры и формы духовной культуры, религиозные и религиозно-бытовые традиции и обряды. Классификация эта весьма условна, ибо в реальной жизни имело место переплетение многих обычаев, традиций и обрядов. Однако эта классификация облегчает процесс социального анализа и дифференциации подлинно народных обычаев и традиций от антинародных наслонений.

Наиболее ценными и здоровыми у каждого народа являются хозяйственно-производственные обычаи и традиции. Они непосредственно связаны с материальным производством и рождаются в результате практических потребностей общества на определенном этапе его развития. «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, — писал Ф. Энгельс, — вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)»¹. Потребности постоянно развиваются и изменяются вместе с развитием и изменением возможностей их удовлетворения. Это касается прежде всего производственных навыков, трудового опыта. И до создания научно обоснованных методов производства и технологических процессов традиция была той силой, которая связывала цепь поколений производственным опытом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 493.

Хорошо известны обычаи и традиции взаимопомощи, которые были широко распространены среди горских народов. У карачаевцев и балкарцев обычай взаимопомощи, коллективного выполнения какой-либо работы называется «маммат», у адыгских народов — «шихау», у осетин — «зиу». Взаимопомощью пользовались как родственники, так и односельчане. «Родственники оказывали друг другу материальную помощь при вступлении в брак, в случае смерти кого-либо из родственников, помогали также во время пахоты, посева, уборке урожая, в строительстве и т. д.»¹.

Это ценные обычаи и традиции. Их надо не только сохранять, но и дальше развивать применительно к конкретным условиям современности. Этно-социологические исследования, проведенные сектором социологии Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы в 1974 году, свидетельствуют о том, что население области с уважением относится к этим обычаям. Применяется этот обычай и на общественных работах. Им пользуются в бригадах, на фермах, «чтобы не было отстающих. И обычай этот хорошо работает»².

Обычаи типа «маммат», «шихау», «зиу» родились еще в условиях родовых отношений. Но это порождение объединенного, коллективного труда. И в условиях классового строя эти трудовые обычаи помогали трудящимся, особенно беднякам, вдовам, собрать урожай, скосить вовремя сено, отремонтировать или построить жилище. За выполненную на основе этих обычаев работу платы не полагалось. Участникам работы устраивался обед, традиционное угощение.

Социальной основой этих обычаев является принцип взаимности. Оказав односельчанину помощь, участник «шихау» и «маммата» мог рассчитывать при аналогичных условиях также на взаимопомощь. Это была одна из ранних форм трудовой кооперации. Народ, выработав в практике своей жизнедеятельности эти обычаи, сформулировал и принципиальные требования для участников взаимопомощи. Требовалось трудиться в меру своих сил, на совесть. Но того, кто делал работу без должного прилежания, спустя рукава, осуждали своеобразным образом. Обычно коллективная работа по обычаям «маммата» и «шихау» сопровождалась весельем, шутками. Так, у карачаевцев во время коллективной работы на сенокосе существовал игровой обычай «тигим болган». Суть его заключалась в том, что при подаче вилами сена на стог могли выхватить вилы из рук, подхватив их вместе с сеном другими вилами. Тот, кто

¹ Очерки истории Карачаево-Черкессии, т. 1. Ставропольское книжное изд-во, 1967, с. 390.

² Материалы этно-социологических исследований КЧНИИ, 1974 год. Папка № 13, с. 6.

выпустит вилы, должен дать выкуп: держи крепче в руках рабочий инструмент, работай проворней¹.

Обычаи типа «маммат» и «шихау» содержат здоровую народную трудовую традицию, и их надо шире применять при общественных работах, при благоустройстве населенных пунктов, ремонте дорог, животноводческих помещений, закладке лесополос и т. д. Массовые трудовые мероприятия не только способствуют быстрому выполнению какой-либо хозяйственной задачи, но и сплочению односельчан на почве коллективного труда, выработке высоких гражданских чувств. Нельзя сбрасывать со счета их воспитательного значения. Они способствуют формированию положительного общественного мнения вокруг добросовестных работников и, наоборот, порицая тех, кто небрежно выполняет дело, за которое взялся. Они воспитывают чувства коллективизма.

Давая социальную оценку обычаям и традициям трудовой взаимопомощи, следует не забывать, что они имеют интернациональный характер. Обычаи, аналогичные «шихау», «маммату», «зну», существовали и существуют у всех народов. У чеченцев и ингушей они называются «белхи», у узбеков — «хошар», у украинцев — «толока» и т. д. Эти обычаи являются свидетельством общности исторических судеб трудящихся, и правильная их социально-идеологическая оценка должна способствовать интернациональному воспитанию трудящихся.

У горцев Северного Кавказа издавна сложилась традиция бережливо относиться к земле и в целом к природе. Всякая порча пахотной земли, пастбищ, русла рек считалась тяжелым преступлением перед обществом. Эта хорошая, ценная традиция выработалась у трудящихся, страдавших от безземелья и стихийных бедствий. Это традиционное горское уважение к земле, к природе надо широко использовать в борьбе за сохранение и восстановление земельных угодий, лесов, рощ и садов.

В настоящее время проблема защиты почвы, ее растительного покрова, лесов, водоемов от нерационального, бесхозяйственного использования, засорения и загрязнения выросла в проблему огромной общегосударственной, общенародной значимости. Коммунистическая партия и Советское государство принимают решительные и эффективные меры по ее решению на научной основе. Но это проблема не только социально-экономическая, но и воспитательно-педагогическая. Охрана природы — задача всех людей. И от того, насколько правильно ее будет понимать подрастающее поколение, в значительной степени зависят судьбы экологии, судьбы грядущего взаимоотношения человека с окружающей его географической средой.

К сожалению, в последние годы наблюдается среди части

---

¹ Материалы этно-социологических исследований ЧКНИИ, 1974 год. Папка № 13, с. 7.

молодежи бездумное, потребительское, а порой и преступно-халатное отношение к природе. Костры в запрещенных местах, незаконные рубки леса, груды отбросов в заповедных местах верховий Кубани и ее притоков и другие негативные явления можно наблюдать в лесах и горах Карачаево-Черкесии, природа которой является поистине жемчужиной Северного Кавказа. В борьбе против этих несоциалистических проявлений следует использовать и старые горские традиции бережливого отношения к природе.

У адыгов в прошлом существовала замечательная традиция культивации дикорастущих плодовых деревьев. Согласно этой традиции адыг, отправляясь в путь, приторачивал к седлу черенки культурных яблонь и прививал их растущим в горах дичкам. Так создавались замечательные дикорастущие плодовые сады в горах и предгорьях Северного Кавказа. Эти сады, гордость адыгейцев и черкесов, получили высокую оценку крупнейших плодоводов-селекционеров нашей страны. «Об изумительном богатстве так называемых старых черкесских садов мне известно давно,— писал И. В. Мичурин.— Дикие заросли плодово-ягодных растений Адыгейской области представляют собой ценнейший исходный материал для селекционеров Кавказа»¹.

Было бы во всех отношениях полезно возродить и рекультивировать этот старый ценный обычай. Особенно важно использовать его воспитательную сторону. Любовь к родной природе является одним из элементов патриотизма. Но эта любовь не означает пассивного созерцания. Она предполагает активную борьбу за ее расцвет, за сохранение ее богатств от расхищения, за рациональное использование в интересах всех советских людей.

Однако, когда мы говорим об обычаях, в том числе и наиболее ценных, необходимо иметь в виду, что многие из них связаны с обрядами, а последние, в свою очередь, превратились в обычаи. Чем отличается обычай от обряда?

Если обычай воспроизводит непосредственное целесообразное действие, то обряд представляет собой символическое действие. Специфика этого социального феномена в том и заключается, что «обрядовые действия всегда выступают в роли символов»². Обрядность играет важную роль в праздниках, таких торжественных событиях в жизни людей, как свадьба, рождение ребенка и т. д., где символические действия выполняют определенные эмоционально-психологические функции. Без этого не может быть праздника.

Еще на ранних этапах развития человеческого общества возникла так называемая производственная магия. Например, у

¹ И. В. Мичурин. Соч., т. 4. М., 1948, с. 617—618.

² Д. М. Угринович. Специфическое социальное явление. «Наука и религия», 1975, № 1, с. 40.

многих племен имелись охотничьи, рыболовные, земледельческие и иные обряды, которые сопровождали начало важного дела для жизни племен или рода события. Так, направляясь охотиться на какого-либо зверя, охотники изображали этого зверя на песке и совершали магический обряд поражения его копьем. Этот обряд в тех условиях, будучи отражением конкретного уровня развития производительных сил и знаний людей об окружающем мире, не имел никакого непосредственного целесообразного производственного действия. Тем не менее он способствовал психологической подготовке к этой деятельности. В приведенном примере он способствовал мобилизации воли охотников для достижения их общей цели.

У скотоводческих племен были свои обряды и магические действия, у земледельческих свои. Эти обряды сопровождали такие важные хозяйственные мероприятия, как подготовку к приему нового потомства животных, начало сенокоса, перегон скота на новые пастбища, ввод в эксплуатацию нового животноводческого помещения, начало весенней вспашки, окончание весенних, летних и зимних сельскохозяйственных работ и т. д. Эти действия были порождены низким уровнем развития производительных сил и господством над человеком непознанных сил природы, а позднее и стихийных сил общественного развития. Они приносили мистику в здоровую трудовую деятельность.

Эти магические обряды по большей части имеют религиозное происхождение и иррациональное содержание. Из первобытных религий они перекочевали затем в монотеистические религии и нашли свое отражение в религиозных календарях. У многих народов, исповедывавших монотеистическую религию, в частности ислам и христианство, сохранились некоторые старинные обряды домусульманские и дохристианские по своему происхождению, которые вплелись в народный быт. Часто это происходило не без помощи служителей религии.

Вот один из примеров. Издавна у горских народов Северного Кавказа, занимавшихся земледелием, торжественно отмечалось начало весенних полевых работ, «первая борозда». Это был своеобразный трудовой народный праздник. Он отражал уважение трудящихся к земле и любовь к своему делу. Но, когда ислам стал среди этих народов господствующей религией, первую борозду обычно совершал мулла. Этим самым служители культа именем Аллаха «освящали» начало весенних полевых работ, что служило укреплению их авторитета среди односельчан, а также закреплению влияния религии на жизнь трудящихся. На этом примере хорошо видно, как религия использовала в своих целях старый домусульманский обряд.

В период усиленной борьбы против религии в нашей стране, в целях преодоления влияния духовенства и освященных им обрядов, предали забвению этот трудовой праздник. В последние годы снова возрождается старый земледельческий трудовой

праздник. Но это возрождение и рекультивация его происходит на новой основе. Естественно, безо всякого служителя культа. Религия ислама лишь «примкнула» к этому празднику, используя его традицию в своих целях. Освободив его от религиозно-мистических наслоений, трудящиеся отмечают праздник «первой борозды» как день работников земледелия, как праздник социалистического творческого труда. Таким образом, в старый праздник вдохнули новую жизнь, и он стал служить делу коммунистического строительства.

С праздником «первой борозды» и аналогичными трудовыми праздниками и связанными с ними обрядами происходит сейчас то, что в свое время произошло с новогодней елкой. Известно, что до революции устраивалась рождественская елка. И празднование нового года сливалось и с празднованием рождества. И говорили-то «рождественские праздники». Они продолжались практически неделю. Но рождество сугубо религиозный праздник. В дореволюционной России, где православие было государственной религией, это был официальный, государственный праздник. Что же касается традиционной елки, то православная церковь «заимствовала» старый славянский растительный культ елки. Так в свое время поступила и католическая церковь по отношению к дохристианским культам тех народов, среди которых оно получило распространение.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране возникли новые праздники. С религиозными праздниками, в том числе и рождеством с традиционной елкой, велась борьба как с пережитками прошлого. В быт советских людей повсеместно вошли новые общесоветские революционные праздники. Религиозные праздники отмечали лишь в семьях верующих, а также там, где сильны еще были традиции старого быта. С созданием основ социализма в нашей стране социальные корни религии были подорваны. Новые праздники и обряды, традиции и обычаи входили во все поры жизни советских людей. В этих условиях в создании новой обрядности стали заимствовать наиболее целесообразные элементы старого, освобожденные от идеалистической шелухи. В середине 30-х годов был возрожден и обычай украшать елку. Но это уже была не рождественская, а новогодняя елка, ставшая символом яркого и радостного общественного праздника. И уже накануне Великой Отечественной войны и особенно в послевоенный период каждая семья, особенно имеющая детей, считает обязательным иметь на Новый год хотя бы небольшую елочку.

В прошлом у горских народов Кавказа были праздники, связанные с сенокосом. У горцев сенокос был одним из важнейших хозяйственных мероприятий. От урожая трав и их своевременной уборки во многом зависела зимовка скота и будущее благополучие населения. Поэтому в быту, например, карачаевцев, живших в горах, заметное место занимал праздник

«чалкы кьойган» (конец косовицы). Это был веселый народный праздник. Неотъемлемым элементом его были «тутуш» (борьба) и другие спортивные соревнования.

Так как сенокос длился долго и в нем принимало участие большое количество людей, покидавших аулы и летние коши и живших на горных лугах, во время сенокоса обычно проходили разнообразные игры. Одной из наиболее распространенных была игра в «теке» — игра в ряженого. «Теке» по-карачаевски — «козел». Кого-либо наряжали в маску козла, вешали колокольчик. Он прыгал, танцевал, раскрывал чьи-либо маленькие секреты, веселил публику. Этот своеобразный маскарад служил делу организации веселого досуга.

Сейчас на полевых станах есть радиоприемники и телевизоры. Частыми гостями на горских сенокосах сейчас бывают лекторы и докладчики. Но в старых сезонных трудовых праздниках типа «чалкы кьойган» и связанных с ними обрядах есть много хорошего, здорового, стремление от души повеселиться после хорошо выполненной работы.

Что же касается магических ритуалов и обрядов, бытовавших среди народов в прошлом, то они являются пережитками вредными и реакционными. В прошлом их было немало, но до наших дней дошли только некоторые из них. Так, например, старинным народным обрядом является «вызывание дождя», существовавший у всех народов области. Взять, например, адыгский обряд «вызывание дождя» — «ханцегуашэ». Название происходит от слов «хэнцэ» — лопата, «гуашэ» — госпожа. Лопату — орудие производства — наряжают как куклу, подносят к реке, окунают в воду, а затем носят по аулу. Древние адыги, как и другие народности, верили, что таким путем можно вызвать дождь. Поэтому эта церемония часто проводилась в засушливые годы.

Как отголосок давнего прошлого этот магический ритуал иногда еще и теперь совершается в некоторых аулах области, когда долго не бывает дождей.

Этот обряд, казалось бы, связан с производственной сферой, на самом же деле лишен всякой целесообразности и является отголоском мифических верований. Поэтому, конечно, неверным было бы считать, что все обычаи, традиции и обряды прошлого, связанные с производственной сферой, являются ценным достоянием. Большая часть обрядности, окутывавшая трудовые действия людей мистикой, носит иррациональный характер. И с подобными обрядами надо вести борьбу как с пережитками прошлого.

При этом следует отметить, что эти обряды сами постепенно сходят на нет. И там, где с ними приходится сталкиваться, надо разъяснить их социальное содержание. Там же, где они позабыты, нет необходимости и вспоминать, дабы не вызывать ненужный интерес.

Более устойчивы семейно-бытовые обычаи и традиции. Хотя они также зависят от экономического базиса, но степень этой зависимости иная и изменения в социально-экономическом строе затрагивают их гораздо медленнее.

Быстрее происходят изменения в материальной стороне быта, ибо она непосредственно связана с производством. Духовная сторона быта в своем развитии отстает от материальной. Эта сторона быта отличается большим национальным своеобразием и национальной обособленностью. На становление духовной стороны быта всех народов оказала влияние религия. В той или иной степени реликты этого влияния сохранились до настоящего времени.

Одной из характерных черт развития быта советских людей является его интернационализация. Но этот процесс встречает значительное противодействие факторов субъективного порядка. Процесс интернационализации в быту в большей степени, чем в других сферах, связан с влиянием эмоционально-психологических факторов, национальных чувств, психологии людей. Национальные особенности быта не всегда принимают правильные формы, превращаясь порой в некоторый дифференциал для разграничения и отличия одной национальности от другой. Это тормозит формирование интернациональных черт быта и дело интернационального воспитания.

Все убыстряющийся в современных условиях процесс формирования интернациональных черт быта проявляется прежде всего в значительном росте элементов интернационального в материальной стороне быта (жилище и его внутренний интерьер, домашняя утварь, одежда, пища). Медленнее и сложнее этот процесс идет в духовных явлениях быта, проявляющихся в формах досуга (праздниках, свадьбах, увеселениях и обрядах). Условия восприятия интернационального здесь больше связаны с эмоционально-психологическими мотивами, с различного рода традиционными взглядами, препятствующими восприятию нового, более передового, но не укладывающегося в устаревших представлениях о национальном.

Именно на этих особенностях быта до сих пор спекулируют отдельные националистически настроенные личности. Они стремятся выдать наиболее консервативные стороны быта за его подлинно национальные особенности. Это крайне вредная тенденция, мешающая интернациональному воспитанию советских людей, крайне отрицательно сказывается прежде всего на быте, культуре представителей того народа, чьи архаичные семейно-бытовые традиции, обычаи и обряды пытаются законсервировать. Тот, кто стремится защитить устаревшие, не соответствующие интернационалистским нормам жизни советских людей, стороны быта своего народа, независимо от его субъективных побуждений, оказывает плохую услугу своему народу. Он обедняет его жизнь, дезориентирует представителей своего народа

относительно истинных и мнимых ценностей достояний национального прошлого.

Где же лежит граница между подлинными и мнимыми ценностями национального достояния в области семейно-бытовых традиций и обрядов? Как поступить, дабы не выбросить на мусорную свалку истории и то ценное, прогрессивное, что веками сложилось в семейно-бытовых обычаях и традициях народов? Как поступить, чтобы в желании использовать ценные особенности прошлого, не впасть в идеализацию прошлого своего народа, в неминуемые в таком случае противопоставления «своего», «национального» интернациональному?

Объективный подход к этой проблеме дает основание сделать следующий вывод. Если обычаи и традиции прошлого отвечают интересам социалистического образа жизни советских людей, содействуют социально-политическому и идеологическому сплочению на базе марксизма-ленинизма трудящихся всех национальностей, формированию у них коммунистической сознательности — значит эти традиции и обычаи прогрессивны. И, наоборот, традиции и обычаи, которые тормозят движение вперед, прививают людям психологию национальной ограниченности и обособленности, чувства национальной эгоизма, подогревают национально-этнические предрассудки, религиозно-бытовые пережитки, являются явно реакционными¹.

Материалы этно-социологических исследований, проведенных сектором социологии КЧНИИ ЭИЯЛ, свидетельствуют о том, что среди значительного числа жителей Карачаево-Черкесии из числа коренных национальностей распространено мнение о том, что все обычаи хороши, плохи лишь их извращения. Это ошибочное мнение. Выше было указано, почему не все обычаи, распространенные в народе, являются подлинно народными. Но эту мысль надо разъяснять и донести до широких кругов населения.

Одной из причин сохранения в быту таких обычаев, как калым, берне, сый, нысатын и других, является убеждение, что это обычаи народные. И вредным является якобы не сам этот обычай, сколько растущее увеличение расходов, связанных с его соблюдением. А отсюда неэффективные полумеры в борьбе против их проявления.

Проблемы борьбы с такими пережитками при заключении брака, как калым, берне, сый, нысатын, находятся в поле зрения общественности области. Время от времени на страницах областных газет «Ленинское знамя», «Ленинские байрагъы», «Ленин нур», «Ленин йолы» и «Коммунизм алашара» появляются острые статьи, направленные против этих пережитков.

¹ А. В. Авксентьев и М. Г. Абдуллаев. Становление коммунистического быта и его роль в интернациональном воспитании трудящихся. (Методическое пособие в помощь пропагандистам школ основ марксизма-ленинизма и теоретических семинаров). Ставрополь, 1972, с. 42.

Широкий отклик получила статья известной карачаевской писательницы Халимат Байрамуковой, в которой она выступила против распространенных среди карачаевского населения берне, калыма и других обрядов и обычаев, сопутствующих вступлению в брак. «Жизненный уровень народа неуклонно и быстро растет,— пишет Х. Байрамукова,— но размер берне растет гораздо быстрее жизненного уровня и не пропорционально ему. Среди части населения возникает нездоровое соревнование по объему берне».

«Я не встречала ни одного карачаевца,— замечает писательница,— который бы не выражал недовольства по поводу берне. Но, тем не менее, когда дело конкретно касается свадьбы, большинство считает «неудобным» отказываться от этих разорительных и несовместимых с честью и достоинством советских людей обычаев. Никто не хочет быть инициатором отказа от этих вредных пережитков»¹.

Об этом свидетельствуют и материалы опроса населения. Вот типичный вывод: «Отношение к калыму, берне, в основном, отрицательное, но противоречивое. На словах все против, на деле каждый говорит: почему должно начинаться с меня? И таким образом соблюдают этот обычай... Случаев полного игнорирования их у нас нет»².

Причиной подобного нежелания проявить инициативу в отказе от этих вредных пережитков является распространенный среди коренного населения взгляд на эти обычаи и обряды, как народные, национальные. Этот взгляд превратился в **стойкий этно-психологический стереотип**. Его устойчивости и сохранению способствуют, с одной стороны, отсутствие у части населения четкого представления о подлинно народных обычаях и традициях и антинародных наслоениях. С другой стороны, ведущая защитниками реакционной старины пропаганда мешает созданию устойчивого общественного мнения, направленного против обветшалых обычаев и обрядов.

Довольно часто в разговоре с аксакалами случается слышать их мнение о том, что среди «простого люда», то есть трудящихся, в прошлом не было такого страстного интереса к проблеме берне. И это вполне понятно. Совершенно правильная социальная оценка берне и калыма была дана в редакционной статье газеты «Ленинни байрагъы»: «Искореним берне и калым». По постановлению бюро Карачаево-Черкесского обкома КПСС эта статья была перепечатана всеми областными газетами. В ней отмечалось: «Берне и калым — это пережитки прошлого, которые были порождены общественным неравенством. Этими обычаями князья и феодалы, бан и эфенди пытались

¹ «Ленинни байрагъы», 5 мая 1972 г.

² Рукописный фонд сектора социологии КЧНИИ. Материалы этно-социологических исследований по аулу Верхняя Теберда, 1974, с. 23—24.

утвердить свое «преимущество», как можно больше унижить трудовой народ. Смыслом калыма было утверждение: «Я богат, значит, я выше всех. Захочу — куплю человека. Богатство и деньги — выше всякой нравственности»¹.

Поэтому понятно, почему трудящиеся массы не были горячими сторонниками этих обычаев. Они, эти обычаи, не только не являются народными, демократическими по своей природе, а, наоборот, антинародными. Но так как господствующие круги возвели их в разряд намуса (намыса), отступление от которого считалось нарушением традиционного этикета, нормы поведения, то и трудящиеся вынуждены были следовать их предписаниям. Одной из форм стихийного протеста против тягот обрядов калыма и берне было «умыкание» по предварительномуговору. То есть умыкание лишь по форме, дабы уклониться от неизбежных при традиционной форме бракосочетания калыма и берне.

Насколько стойкой оказалась эта традиция, свидетельствует тот факт, что и сейчас, когда коренным образом изменилась социально-экономическая и культурная жизнь всех советских людей, когда давно покончено с былой неграмотностью горцев и господством среди них религии и служителей религиозного культа, когда в каждом ауле имеются многие десятки людей с высшим образованием, в быт прочно вошли электричество, автомобиль, радио, телевизор, нередко молодым людям, дабы избежать ненавистного калыма и берне, приходится прибегать к имитации умыкания. Так, например, в селе Дружба Прикубанского района в 1973 году среди горского населения было восемь свадеб. Одна по согласованию с родителями с соблюдением всего ритуала, традиций и обрядов, а остальные — путем «умыкания». Причем о последнем виде вступления в брак своих детей были поставлены в известность и родители. И они не возражали против этого, дабы избежать неминуемых при калыме и берне больших расходов².

Эта традиция также глубоко антинародна, хотя зародилась и существовала она, в основном, среди малоимущих кругов населения. И тот, кто следует этой традиции, вольно или невольно оскорбляет человеческое достоинство жениха и невесты. А молодые люди, вынужденные прибегать к такому виду заключения брака, сами себя унижают.

В проявлении в настоящее время калыма, берне, сыя, нысатына и аналогичных свадебных обрядов имеется еще одна крайне отрицательная социальная сторона. Их соблюдение стимулирует нездоровый дух имущественного состязания меж-

¹ «Ленини байрагы», 6 августа 1974 г. То же в газете «Ленинское знамя», 31 августа 1974 г.

² Рукописный фонд сектора социологии ЧКНИИ. Материалы этно-социологического исследования по селу Дружба Прикубанского района 1974 года, с. 25.

ду семьями, желание выделиться богатством берне. Более того, подобные явления отравляют сознание некоторых девушек и женщин. Можно слышать заявления такого рода со стороны невесты (к счастью, не слишком частые): «За меня вот какой калым заплатили, не то, что за такую-то». Или со стороны свекрови: «Наша невестка очень хорошая. С собой она принесла вот какое богатое берне».

Требование же большого берне и калыма вынуждает людей, если они честно трудятся, терпеть ничем не оправданные материальные лишения. Это уродует сознание человека. В социалистическом обществе ценятся личные качества человека, и высшим мериллом достоинства каждого человека является его труд на общее благо, его личный вклад в общее дело строительства коммунизма. Мы отнюдь не отрицаем здорового отношения к материальному благосостоянию, к удовлетворению разумных материальных потребностей. Но, во-первых, эти потребности должны быть именно разумными. Во-вторых, источником их удовлетворения должен являться честный труд.

«Среди людей, «преданных» берне и калыму, есть и такие, которые, начиная с рождения ребенка, всю свою жизнь посвящают накоплению принадлежностей берне. У них цель одна — наполнить сундуки дорогими вещами, чего бы это ни стоило. Во имя накопительства они заставляют членов своих семей трудиться день и ночь, не зная отдыха и веселья, часто отрывают детей от школы, лишают их счастья детства и юности»¹.

А нередко в погоне за богатым берне люди идут на антиобщественные поступки. И совершено справедливо утверждение авторов указанной выше редакционной статьи газеты «Ленински байрагы» о том, что «в наше время за эти обычаи держатся и раздувают их только те, кто стремится жить не своим трудом, кто встал на путь стяжательства, спекуляции, воровства... Чтобы скорее восполнить ущерб, нанесенный дому в связи с берне и калымом, некоторые члены семей отходят от общественно полезного труда и становятся на путь легкой наживы, стяжательства, присвоения общественного имущества, спекуляций и т. п. Они, отрываясь от производства, от семьи, от воспитания детей, разъезжают по городам, закупают дефицитные товары с целью перепродажи».

Вопрос о свадебной обрядности не ограничивается проблемой калыма, берне, сыя, нысатына и других обрядов, рожденных и закрепленных обычаем. В области еще значительны пережитки шарнатской обрядности, хотя они значительно уступают по своему влиянию установлениям адата. Материалы этно-социологических исследований и этнографических наблюдений, проводившихся и проводящихся в области, дают основа-

¹ «Ленински байрагы», 6 августа 1974 г., «Ленинское знамя», 31 августа 1974 г.

ния утверждать, что традиционная форма шарниатского бракосочетания, «некяха» с каждым годом все больше теряет своих приверженцев.

Сейчас в области довольно редки случаи заключения брака только у эфенди, без соответствующего предварительного оформления его в загсе или в аулсовете. Как правило, к такому оформлению брака прибегают люди (во всяком случае одна из сторон), заключающие уже не первый брак. Гораздо чаще имеет место двойное оформление брака — в аулсовете или загсе, а затем у эфенди. Обычно молодые пользуются услугами служителей культа под воздействием родителей или старших родственников, которые уповают при этом на традицию. Многие при этом считают, что «некях» является национальной формой брака. Но немало и таких людей, которые ясно понимают, что «некях» — это религиозная форма бракосочетания, но не находят в себе смелости пойти наперекор тем родственникам, которые настаивают на «некяхе».

При выборе жениха или невесты можно столкнуться с отголосками сословного деления. До сих пор в обыденном сознании довольно значительного числа людей, прежде всего старшего поколения, и особенно в аулах, сохранились представления о принадлежности к «вышним» и «низшим» сословиям. Иногда можно услышать суждения о том, что такая-то семья более достойная, ибо она происходит из биев или узденей, это люди «ак-суёк» («белая кость»). А такие-то менее достойны, ибо они происходят из «кулов» («черной кости»). Этот фактор еще нередко играет роль при заключении браков. Имеются случаи пренебрежительного отношения к невестке, а то и полное ее третирование ввиду того, что она «происходит из кулов», а попала в семью «белой кости».

Как это ни парадоксально звучит в социалистическом обществе, но эти, возникшие в эксплуататорском обществе взгляды на социальное деление находят некоторое отражение даже в производственных отношениях. Отдельные нерадивые работники, считающие себя людьми «знатного происхождения», плохое отношение к своим трудовым обязанностям мотивируют (неофициально, конечно) нежеланием подчиняться руководителю, являющемуся потомком кулов. Более того, подобные лица вокруг этого руководителя создают микроклимат недоброжелательности.

При этом сторонники сохранения сословных предрассудков подводят под них определенную «теоретическую» базу. Наиболее распространенным является утверждение, что люди «низшего» сословия являются менее воспитанными и, следовательно, менее порядочными¹. Все эти предрассудки являются вредным

¹ Рукописный фонд сектора социологии КЧНИИ. Материалы этно-социологических исследований в ауле Верхняя Теберда, 1974 года.

наследием прошлого и с ними надо вести самую решительную и настойчивую борьбу. Всякие отголоски былой родовой и сословной вражды совершенно нетерпимы в социалистическом обществе.

Распространенный среди коренных национальностей области похоронный ритуал носит религиозный характер. Одной из причин его стойкого сохранения в быту является отсутствие ритуала гражданских похорон, который бы учитывал психологию народов области. Эту сторону необходимо иметь в виду при организации работы по вытеснению мусульманской похоронной обрядности.

Среди значительной части коренного населения области еще довольно широко бытуют пост ураза, мавлюды и праздники ураза-байрам и курбан-байрам (курман). Пост ураза и указанные праздники носят религиозный характер. В силу ряда причин они глубоко проникли в быт народа, в том числе и трудящихся масс. Некоторая часть населения ошибочно рассматривает их как национальную традицию. Но они имеют религиозное происхождение и от начала до конца носят религиозно-мистический характер. И вести с ними надо борьбу как с религиозными пережитками.

Народы Кавказа издавна славятся гостеприимством. Еще в далеком прошлом они считали гостя всегда желанным и личность его была священна. В случае необходимости хозяин должен был даже с оружием в руках защищать гостя. И по сей день народы Кавказа отличаются и славятся гостеприимством. Однако проблема гостеприимства имеет своим неотъемлемым элементом такт и меру. К сожалению, в старый добрый обычай в последнее время стали вкрапчиваться нежелательные ноты. Одной из них является склонность к чрезмерному пиршеству за столом и стремлением напоить гостя чуть ли не до потери сознания.

Среди многих людей вызывает недовольство распространившийся в последние годы обычай не выпускать со двора гостя, особенно во время свадьбы, до тех пор, пока он не выпьет прощальный стакан водки, при этом совершенно не считаясь с физическими возможностями человека и его состоянием здоровья. Здесь древняя черта гостеприимства превратилась в свою противоположность. Уже не желание гостей исполняется, а гость должен исполнить желание хозяина, да еще проявляемое в такой неэтичной форме.

В областной печати уже неоднократно отмечалась неразумность огромных расходов на свадебные церемонии и прием гостей. Количество зарезанных баранов и кур и выпитой водки отнюдь не является показателем действительного веселья и торжественности. В данном случае особенно было бы уместным вспомнить, что традиционной чертой горцев являлась умеренность в пище и воздержание от спиртных напитков.

Все сказанное свидетельствует об исключительной важности правильной социальной оценки национальных обычаев и традиций в коммунистическом воспитании трудящихся.

«В борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам,— подчеркнул в Отчетном докладе XXV съезду КПСС Генеральный секретарь Центрального Комитета нашей партии тов. Л. И. Брежнев.—Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям¹. Это принципиальное теоретическое и идеологическое положение важнейшего социально-политического документа современности имеет исключительно важное значение для рассматриваемой нами проблемы. О нем мы должны постоянно помнить при социальном анализе тех или иных конкретных обычаев и традиций, с которыми сталкиваемся в повседневной воспитательной работе.

III. ФЕТИШИЗАЦИЯ ЗАТРАТ В ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ

Соблюдение ряда обычаев и обрядов, существующих в Карачаево-Черкесии, связано с определенными материальными затратами. Например, затраты на свадебное торжество, на организацию проводов сыновей в Армию и их встреч и т. д. Стремления каждого отдельного человека или семьи сделать более значительными, более запоминающимися эти события вполне естественны.

Однако чрезмерные затраты, фетишизируя затраты материально-денежных средств при исполнении обычаев и обрядов, извращают содержание народных обычаев и обрядов. «...Всякую истину,— писал В. И. Ленин,— если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежна, при указанных условиях, превращается в абсурд².

Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС говорил, что «мы добились немало в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-правственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии³.

За последние годы в Карачаево-Черкесии нередко паблю-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат. М., 1976, с. 74.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

³ Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат. М., 1976, с. 78.

даются мещанские извращения, резкое нарушение чувства меры в исполнении отдельных народных обрядов и обычаев. По своей природе все это глубоко чуждо новому, социалистическому обществу, и если еще находит место среди населения области, то не вытекает из существа нашего строя, а является рецидивами прошлого из-за ослабления серьезной, систематической работы среди населения. Так, например, калым, выступающий в форме выкупа за невесту. Он чужд природе социализма и законодательно запрещен в первые же годы Советской власти. Однако в последние годы калым имеет распространение.

К этому же разряду можно отнести и затраты на исполнение религиозных похоронных обрядностей. В предшествующих социализму общественных формациях, основанных на принципах эксплуатации человека человеком, религиозное одурманивание угнетенных выступает частью государственной политики эксплуататоров. Укрепление веры в загробное счастье через «безгрешную жизнь» облегчало эксплуатацию, отвлекало народ от объективного анализа своего положения и поиска путей освобождения. В этих условиях выделение значительной части доходов угнетенных на исполнение религиозных, в том числе и похоронных обрядностей, сочеталось с интересами эксплуататоров и всячески поддерживалось.

Все это, естественно, противоречит природе коммунистической идеологии, одним из основных элементов которой выступает атеизм, материалистическое понимание сущности явлений.

В настоящее время среди населения области бытует три вида затрат денежных средств, сопровождающих исполнение обычаев и обрядов. Первое — это затраты, противоречащие природе социализма, оскорбляющие достоинство человека и, естественно, запрещенные законом. Исследование этой формы затрат диктуется необходимостью ведения бескомпромиссной борьбы против любых их проявлений. Второе — это затраты, также противоречащие природе социализма, но не подлежащие законодательному запрету (например, затраты, связанные с религиозными похоронными обрядами). В условиях свободы совести важное место занимает атеистическое воспитание населения. Третье — это затраты, обогащающие содержание исполнения народных обычаев и обрядов, несущих их посетителям моральное удовлетворение, а следовательно, и не противоречащие социалистическому принципу взаимоотношений людей, но при их раздувании переходящие в свою противоположность (например, чрезмерные затраты, связанные со свадебной обрядностью, и другие).

Рассмотрим состояние этих форм затрат у народов Карачаево-Черкесии.

До Октябрьской революции калым был главным элементом семейно-брачных отношений у коренных народностей Северного Кавказа. Размер его был дифференцирован в зависимости

от принадлежности людей к тем или иным социальным слоям населения. Так, в начале двадцатого века в Большом Карачае размер калыма для знати составлял 1500—2000 руб., для низших слоев 300—350, для промежуточных слоев 500—600 руб.¹

Калым как пережиток феодально-родового быта, когда женщина продавалась как товар, входит в противоречие с социалистическими принципами отношений людей и был запрещен законом еще в 20-е годы. Требование и уплата калыма в СССР караются как уголовное преступление. И поднимать этот вопрос сейчас, казалось бы, не имеет никакого смысла. Однако анализ структуры свадебных затрат, назначение и функционирование ее отдельных элементов свидетельствуют о том, что и сейчас отдельные формы затрат в нашей области функционируют как калым. Это встречается у всех народов области, но у карачаевского народа доводится до абсурда.

Обратимся к конкретным примерам, взятых из материалов этносоциологических исследований КЧНИИ, проведенных в 1974 г. По пережиточным обычаям, ныне еще бытующим при карачаевских свадьбах, затраты в сумме 700—1000 руб. на сватовство стало нередким явлением. Эта сумма оставляется родственниками жениха в доме невесты, когда они договариваются о свадьбе. По обычаям карачаевцев на свадебном торжестве в доме жениха родители невесты не принимают участия. В связи с этим практикуется «юй юлош», т. е. родительская доля и составляет в среднем от 800 до 1500 руб. По обычаю при сватовстве жених не посещает дом невесты. Это происходит после свадебных торжеств. Посещая дом новых родственников в первый раз, зять везет деньги и другие ценности в среднем на 700—1000 руб.

Сумма денег, оставляемая в доме невесты при сватовстве, доходит порой до 1500—2000 руб., а количество скота в составе «юй юлош» — до 10 овец. Порой с «юй юлош» отправляется бык или корова, покрытые ковром или бархатом, с золотыми серьгами на ушах, шелковыми платками на рогах.

Все эти парадоксальные явления пагубно влияют на подражающих.

Крупные затраты несут родители жениха и при первом посещении невесты дома своих родителей после замужества. Различные подарки обходятся до 500—600 руб.² Таким образом, общая сумма затрат, функционирующих, по мнению населения, как калым, доходит до 3—4 тыс. рублей.

Цель этих затрат — «побольше получить берне со стороны невесты»³.

Исторически берне возникло как форма показа мастерства

¹ В. М. Сысоев. Карачай в историческом и бытовом отношении. СМОМПК, 1913, с. 52.

² МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 14, с. 13.

³ Там же, № 12, с. 27.

девушки в искусстве рукоделия. Будучи относительно свободной от обычной трудовой деятельности, молодая девушка все свое свободное время отдавала рукоделию. Выходя замуж, она одаривала своими изделиями родственников жениха, которые судили по подаркам о мастерстве невесты. Однако в процессе развития, сохраняя старую форму (форму одаривания), берне изменило свое содержание. Интерес к искусству девушки исчез, а подарки приняли силу своеобразного долга девушки по отношению к родственникам жениха. И в подарках этих давно уже нет ничего из рукодельных изделий девушки. Все заменено покупными товарами.

О размерах и структуре бытующего берне при карачаевских свадьбах можно судить по материалам конкретных примеров.

Материально-вещественную структуру берне характеризует пример из аула Кызыл-Уруп. По данным этно-социологических исследований, берне в этом ауле состоит из: 16—20 готовых костюмов или отрезов на костюм, 20—25 готовых платьев или отрезов на платье, 3 золотых часов, 5—6 золотых колец, 3 пуховых одеяла, множества мужских сорочек, полотенец и т. д. Денежная сумма такого берне составляет 3100—3200 руб.¹

Это, так называемое «большое», или основное берне. Им не ограничиваются «подарочные» расходы невесты. Они начинаются еще до того, как невеста покинет родительский дом. Это — организация «флагов» на машины, фата (баш ауу) и подарки, которые должна нести невеста в дом жениха, когда она возвращается после «первой побывки» у своих родителей. Организация «флагов» для машин за счет средств невесты в последние годы стала принимать силу обычая. Первая машина получает «флаг» для дома жениха. Он состоит из ковра или других дорогих вещей. В пароде эта машина уже получила название «флагманской». «Флаги» для остальных машин более скромны, стоимостью по 18—20 руб.

Так, по материалам экспедиции социологических исследований КЧНИИ, проведенных в 1974 г., одна из девушек, рабочая завода Карачаевского района в качестве различных подарков, которые не входили непосредственно в состав большого берне, истратила 2913 руб., а с учетом организации «флагов» — 3341 руб. Сумма этих расходов и «стоимость основного» берне составила 5610 руб.²

Кроме того, по обычаю карачаевцев, значительные подарки со стороны невесты полагаются, когда она возвращается в дом мужа после первого посещения своих родителей. Стоимость этих подарков (отрезы на костюмы, платья и т. д.) доходит до 200—300 руб.³

¹ МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 14, с. 13.

² Там же, № 13, с. 20—22.

³ Там же, № 12, с. 30; № 14, с. 13.

По единодушному мнению всех людей, охваченных этно-социологическими исследованиями КЧНИИ, ведущим мотивом раздувания всех указанных затрат выступает стремление людей выделиться среди других. Этот мотив ведет к фетишизации затрат. Исполнение обычая или обряда перестает быть процессом проявления человеческой гуманности, дружбы и уважения, а превращается в процесс показа материальных возможностей семьи. Порождается своего рода соревнование в показе не духовных, а материальных богатств, своеобразная оценка взаимного уважения и проявления внимания уровнем понесенных затрат, дороговизной оказанных услуг, всякого рода «подарков» и «приношений», что тяжелым бременем ложится на тружеников. Ради сбережения средств они идут на ежедневные лишения, порой становятся и на путь нетрудовых доходов.

«Общественность знает, кто как приобретает средства на калым и берне,— пишет Чомаева Л.— Те, кто живет трудовыми доходами, не могут давать их в таких размерах. Часть людей, собирающие огромное берне, идут на государственные и общественные правонарушения. Другая часть, не умеющая или не желающая искать такие «скрытые способы», не желая отставать от других, отрывает от потребностей детей, ущемляя их в пище и одежде, в удовлетворении их духовных потребностей, идут на невероятную экономию»¹. То же самое отмечается и в редакционной статье «Искореним берне и калым» в газете «Ленинни байрагъы». В ней подчеркивается, что «те, кто сейчас раздувает берне и калым, в основном такие люди, которые живут не за счет честных трудовых доходов, посягают на общественное добро, занимаются спекуляцией»².

Не меняет дела и мнимая эквивалентность затрат со стороны жениха и невесты. Как бы эквивалентны ни были эти затраты, их готовят обе стороны, ущемляя свои текущие потребности, экономя во всем, используя порой и нетрудовые источники доходов. «Калым в широких размерах — это бич горского населения, так как, разоряя одну семью, он не обогащает и другую, которая все полученное в калым с прибавлением своего тратит на подарки и различные угощения»³, — отмечал еще Н. П. Тульчинский. Сама идея эквивалентности, пронизывая не только сумму расходов в целом, но и каждый конкретный случай «взаимоподарков», погружает всю свадебную атмосферу в тучу пересудов, доходящих очень часто до открытых скандалов, разрывов «родственных отношений», а порой — до распада новых семей. Каждый родственник жениха, участвуя в его расходах, по «закону эквивалентности» требует возместить свои

¹ «Ленинни байрагъы», 1972, № 79.

² Там же. 1974, № 95.

³ Н. П. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. Терский сборник, 1903, вып. 5, с. 209.

затраты за счет средств невесты, при раздаче берне или же при случае собственного торжества, когда к нему должны явиться «с приношениями». В этой сфере стало невозможным посещение близких людей или товарищей в день их счастья или горя с чисто гуманными, человеческими чувствами без воплощения этих чувств в какие-то материальные ценности или же приглашать их на свое счастье без боязни, что это приглашение они поймут как намек на какое-то «приношение». И сила обычая «обязательно нести подарки по любому случаю» дошла до того, что на приглашение люди стали откликаться только «подарками», по той или иной причине не имея возможности явиться лично. Это своеобразное средство самозащиты от возникающих пересудов: не явился потому, что пожалел средства на «подарок».

Материалы этно-социологических исследований КЧНИИ свидетельствуют о том, что на всякие «подарки» или «приношения» уходит значительная часть заработной платы. Вот некоторые выдержки из указанных материалов. «В течение года на всякие «подарки» одна семья тратит 300—400 рублей»¹. «Один человек в семье работает для подарков»². «За пять месяцев моя семья с подарками посетила девять свадеб. Общая сумма этих затрат уже превысила 430 руб. Слов нет, тяжело делать такие подарки. Но что делать? Если понесешь менее дорогие подарки, чем другие, могут возникнуть неприятности... Бывает на этой почве родственники не разговаривают друг с другом целый год... Вся не вся, но значительная часть заработной платы уходит на подарки... Лично я, хотя и признаю, что тяжело, но все равно делаю всегда «дорогие подарки, чтобы не стыдно было, что принесла «дешевле других»³. «Несмотря на свое материальное состояние, каждый тратит на подарки значительные средства. К этим затратам я отношусь отрицательно. Знаю, что и все остальные относятся точно так же. Но тем не менее по какой-то непонятной причине никто не может воздержаться от них»⁴.

Стремление избежать затрат калыма и берне находит выход в последнее время в далеко наилучшей форме — в умыкании невесты с согласия самой девушки и часто также с согласия ее родителей. По данным ЭСИ КЧНИИ, 50 и более процентов всех свадеб сопровождается таким «умыканием». В ауле Кызыл-Октябрь в 1973 году было 25 свадеб. Из них в пяти случаях девушку выдавали замуж с соответствующими торжествами в доме их родителей, в восьми случаях с согласия девушки, но без согласия родителей через умыкание. А в 12 случаях родители были согласны, но, не имея средств на чрезмер-

¹ МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 9, с. 22; № 14, с. 14.

² Там же, № 11, с. 23.

³ Там же, № 16, с. 35.

⁴ Там же, с. 36.

ные торжества, выдали своих дочерей в форме умыкания. За это никто не осуждает: дочь «убежала, не сообщив родителям». Нередки случаи, когда молодые влюбленные вынуждены прибегать не только к имитации умыкания, но и уезжать в другие города и села, чтобы избежать калыма и берне и их последствий.

Центральным звеном свадебных торжеств является банкет в доме жениха. Однако в последние годы развился дух нездорового соревнования в показе «богатства», он доходит до того, что на банкет забивается 8—10 овец, крупный рогатый скот, закупается 8—10 ящиков водки. Общая сумма стоимости банкета доходит до 3—4 тыс. рублей. Эти затраты приняты огромные масштабы и у черкесов, абазин, ногойцев.

Затраты жениха при сватовстве или при примирении после формального умыкания невесты, выдаваемые и на первый взгляд кажущиеся как помощь родителям девушки в подготовке к свадьбе, по существу представляют собой калым, противореча всей системе интересов и природе социалистических отношений. Эта «помощь», каков бы ни был ее размер, унижает достоинство не только девушки, но и родителей молодых. Отношения так или иначе выступают как процесс купли-продажи.

Широкое внедрение в быт народа новых прогрессивных обрядностей свадебного торжества приведет к ликвидации и других нерациональных затрат. Совместные свадебные банкеты родственников жениха и невесты с участием новобрачных, как это делается при комсомольских свадьбах, будут способствовать ликвидации затрат, связанных с «юй юлюш», «показом» жениха и невесты их родителям. В этом отношении хорошим примером служит ногойская свадебная обрядность. Здесь совместные банкеты стали единственной формой свадебного торжества. Кроме затрат на эти банкеты, стороны здесь не несут почти никаких затрат. Подарки невесты родителям жениха и жениха родителям невесты составляют в среднем 40—60 руб. Как правило, отцу «рубашка», матери — отрез на платье. «Носите от моего имени» — единственный смысл этих подарков¹. Посещая своих родителей и возвращаясь назад, в дом мужа, девушка несет с собой только сладости, и в основном собственного приготовления.

Дух соревнования в показе богатства вытеснил из сферы свадебного торжества спортивные, игровые соревнования, широко бытовавшие прежде. Очевидно, торжественность свадьбы и ее престиж должны определяться не количеством забитого скота, поданных на стол блюд и степенью опьянения приглашенных, а общественным престижем молодых, вступающих в брак, степенью красоты организации свадьбы. А ведущую роль в этом отношении следовало бы сыграть коллективам, где тру-

¹ МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 10, стр. 40; № 15, стр. 30—31.

дятся повобрачные. Неся собой истинное веселье и красоту, такие свадьбы явились бы и действенным средством борьбы против мрачной атмосферы отношений калыма и берне. Поучительна в этом отношении свадьба, описанная З. Вубовой в статье «И крылья эту свадьбу вдаль песли», на страницах областной газеты «Ленинское знамя» от 3 октября 1974 года.

Она рассказывает: «Звуки голосистых гармоник раскатывались по всей округе. К Дому культуры стекались любопытные: что за праздник сегодня? На площади красивые девушки в национальных одеждах — гармонистки пародного ансамбля «Минги-Тау» — развлекали гостей своим искусством.

А директор Малокарачаевского районного дома культуры Ахмат Каракотов набирал и набирал телефонные номера.

— Через полчаса у вас перерыв, — говорил он в трубку, — а у нас здесь свадьба... Приходите поздравить молодых.

Прибежали молодые работницы райпромбыткомбината, пришли рабочие с соседнего завода, завернули на звуки музыки старшеклассники.

В стороне чинно стояли почетные аксакалы района. Они первыми явились сюда, чтобы поздравить молодых, чтобы здесь, на свадебном торжестве, обратиться к аульчанам с призывом покончить с такими вредными обычаями, как калым и берне. Долго заседал совет старейшин в кабинете первого секретаря райкома партии Н. И. Кубанова. С интересом слушали аксакалы рассказ Науруза Имамуддиновича о новых красивых и торжественных обрядах. Осуждающе качали седыми головами, когда речь шла о тех распрях, что порождают калым и берне. Это, несомненно, плохая традиция, соглашались они, но у горцев в свадебном ритуале есть немало своеобразного. Хорошее надо оставить... Ведь новые обряды строятся на базе добрых старых обычаев.

— Раньше джигиты на лихом коне под буркой привозили невесту, а теперь скакуна заменили «Жигули»... — говорил пенсионер из села Терезе, старейший коммунист района Топан Нануевич Эльканов. — Надо возродить джигитовку, чтобы жених показал на свадьбе, что он — настоящий мужчина, горец...

— А ведь это было бы действительно красиво, — оживляется заведующий районным отделом культуры, заслуженный работник культуры РСФСР Б. М. Боташев, — надо в следующий раз включить в сценарий свадебного торжества лихую горскую джигитовку.

Так, слово по слову на заседании совета старейшин рождался сценарий свадьбы, красивой и торжественной...

— Едут! Едут! — радостно возвещают горластые мальчишки.

Праздничный кортеж останавливается у памятника Ленину. Жених и невеста возлагают букеты пестрых осенних цветов к его подножию. Это стало традицией: в дни больших торжеств делить свою радость с тем, кто принес счастье в горы...

Бережно ведет свою невесту сквозь живой коридор Иосиф Биджиев. Бросают им цветы под ноги дети. Улыбаются, глядя на счастливую пару, аксакалы. По горской традиции чашу с айраном передают самому старшему. Им оказывается Топаш Нануевич Эльканов.

Длинным был его тост. Я ждала, когда он закончит говорить, чтобы спросить перевод.

— Широкую дорогу всему новому и передовому!— сказал аксакал в заключение, и всем, кому знаком и не знаком карачаевский язык, стала понятной его речь...

— С сегодняшнего дня вы — муж и жена, — регистрируя брак Иосифа Биджиева и Асият Темирбулатовой, сказала председатель Первомайского сельского Совета Елена Бекербиевна Борлакова. — Счастье да любовь вам...

Жениха и невесту окружают друзья, их прямо-таки засыпают цветами. Председатель завкома Апуар Хызырович Байрамкулов, председатель женсовета Галина Михайловна Колесникова вручают им транзисторный приемник.

Снова звучат гармоника. Молодожены, подбадриваемые возгласами гостей, выходят в круг.

Словно лебедь, в своем белоснежном платье, плывет по кругу невеста, ее щеки пылают от смущения и волнения, а большие темные глаза светятся счастьем. Свое волнение и счастье Асият старается скрыть легким белым шарфом, брошенным на голову, но Иосиф открывает лицо любимой. Мол, пусть видят все наше счастье. Все шире становится круг: вот уже аксакалы не удержались, тряхнув стариной, они пригласили на танец подруг Асият.

Сколько добрых слов было сказано молодым, как благодущны были лица родственников жениха и невесты!...

— Это благодаря тому, — сказала работница Первомайского сельсовета Нина Аслановна Ахмедалиева, — что никто никого не обидел плохим подарком.

— Я счастлива, что у моего сына такая красивая свадьба, — сказала, смахивая слезу, его мать Байдымат Султановна.

Другим торжественным событием в жизни семей стали проводы сыновей на службу в Советскую Армию и их возвращение с военной службы. Этот факт есть следствие глубоких изменений в психологии людей под воздействием социалистических отношений. «Если прежде проводы на службу сопровождалась слезами и плачем, то теперь отмечаются как праздник, как одно из важнейших светлых событий в жизни парней и их родителей»¹.

На банкетах, устраиваемых по случаю проводов на службу, молодые пары получают напутствия — исполнить свой

¹ МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 18, с. 3—4; № 13, с. 4.

гражданский долг перед родиной, с гордостью и честью носить имя солдата великой Советской Армии. Все это радует и вдохновляет людей. Очевидно, исполнение этого прогрессивного обычая не может быть без определенных материальных затрат, призванных украсить его содержание.

Однако в последние годы дух нездорового соревнования в чрезмерных затратах начинает охватывать и эту сферу. В настоящее время у всех коренных народностей области принимает силу обычая приглашение на банкет в дни проводов на службу и возвращения со службы не только всех родственников, живущих в различных районах, но и всех односельчан. На эти банкеты забиваются 2—3 откормленных овцы или крупный рогатый скот, закупается 2—3 ящика алкогольных напитков. Общая стоимость банкета доходит до 500—600 руб.¹ Повторение этого банкета (проводы в армию, отпуск, возвращение со службы) обходится семье в 1000—1800 рублей.

Атмосфера нездорового соревнования, ложный стыд отставания от другого или же стремление к «укреплению общественного» престижа своей семьи толкают на эти затраты и тех семей, для которых они непосильны, оставляют тяжелые последствия.

Ложась огромным бременем на своих носителей, эти затраты не обогащают содержание исполнения обычая, не украшают его зрелищно. Наоборот, преследуя цель более обильного угощения людей, доведения их до крайнего состояния опьянения, рост этих затрат обедняет как духовное содержание проводов, так и зрелищную красоту. «Много есть интересных старых традиций в каждой союзной республике, много появилось за последнее время и ярких советских обрядов,— отмечает Л. Винокуров на страницах газеты «Правда».— Но в любом, даже самом хорошем деле нельзя забывать о чувстве меры»². И в этой связи он обращает внимание на факты превращения проводов юношей в Армию в «уродливое явление», основанное на «обильной выпивке». «Посмотрите, что делается у нас, в Карачаевске, в дни призыва,—откликается Ф. Чайкин на статью Л. Винокурова.—С утра собираются у военкоматов толпы подвыпивших людей, достают одну бутылку за другой, предлагают призывникам «посошок» на дорожку, горланят песни, порой недостойные. Ничего хорошего не остается в памяти после таких проводов»³. Читатели «Правды», откликнувшиеся на статью Л. Винокурова, единодушно осудили «укоренившиеся кое-где привычки провожать в армию молодежь за хмельным застольем»⁴.

¹ МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 12, с. 32—33; № 16, с. 36—37.

² «Правда», 7 февраля, 1974 г.

³ Там же, 8 августа 1974 г.

⁴ Там же, 8 августа 1974 г.

«Хмельное застолье», превращая проводы в уродливое явление, наносит большой вред и общественному производству. «Каждое наше отделение — маленькое село, — рассказывал нам директор конзавода № 168 Аджиса Х. А. — Периоды провожания на службу и встреч стали «большим бедствием». Каждый раз и по каждому случаю «все село» становится нетрудоспособным на два-три дня».

Прогрессивность традиции определяется ее общественной значимостью. Проводы молодых парней в Армию в торжественной обстановке выступают как действенное средство интернационального воспитания населения, и прежде всего молодежи, дальнейшего развития и укрепления чувства патриотизма, долга перед Родиной. Все это придает большую общественную значимость и определяет прогрессивность самой традиции. Прогрессивной традиции должна соответствовать и прогрессивная обрядность, отражающая содержание традиции. В этом плане необходимо сделать проводы более целенаправленным, запоминающимся событием, следовало бы коллективам по месту работы или учебы допризывников организовывать вечера коллективных проводов ребят с приглашением ветеранов войны и труда. Видимо, нельзя обойтись и без «домашних» вечеринок. Целью их, однако, должно быть не «запой» всех желающих, а обеспечение культурного «прощального» вечера для юноши в кругу родителей и друзей. «У меня два сына, старший скоро пойдет служить. Пригласим друзей, ветеранов-фронтовиков, чтобы дали сыну доброе напутствие, — пишет М. Макарова. — Будет, конечно, и торжественный обед, но пьянки не будет»¹.

Следует, очевидно, подумать и о необходимости более красочного и торжественного оформления процедуры провожания у военкоматов. Читая выступления ветеранов-фронтовиков, чувствуешь былую торжественность таких проводов. «На вокзале долго не умолкали песни, играл оркестр. Собрались родные, друзья, чтобы попрощаться с нами, отбывающими служить в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии, — пишет А. Чириковский. — Было это в 1926 году. Призывники и провожающие пели «Мы красная кавалерия», «Молодую гвардию», «Наши паровозы вперед лети...». А перед этим на празднично украшенном призывном пункте перед будущими красноармейцами выступили буденновцы, руководители города, комсомольские работники. Даже подумать о выпивке в такой день считалось кощунством»². «Вспомнилось, как в 1922 году мы, группа призывников, уходили в армию, — подчеркивает Л. Подорожко. — Понимали, что впереди фронт, что не все из нас вернутся домой, но шли через весь город с боевой песней»³.

¹ «Правда», 8 августа 1974 г.

² Там же, 8 августа 1974 г.

³ Там же, 7 мая 1974 г.

Одной из исторически сложившихся традиций всех народностей области является захоронение умерших со всеми почестями, оказание внимания и поддержки семье покойного со стороны не только родственников, но соседей и знакомых. Однако соблюдение религиозных основ исполнения этого процесса, непрерывно усиливающийся дух «соревнования» в почете своей любви к умершему через затраты привели до крайней степени фетишизации. В настоящее время исполнение похоронной обрядности у всех коренных народностей области требует 2—3 тыс. рублей затрат. По существу с потерей близкого человека семья теряет и значительную часть средств своего существования.

Назначение этих затрат противоречит социалистическому образу жизни, основанного на принципах атеизма. Соблюдение религиозной похоронной обрядности выступает большим социальным злом не только потому, что эти затраты ложатся на людей тяжелым бременем, но и потому, что исполнение этой обрядности является своеобразной формой постоянной и широкой пропаганды религии среди всего населения, в том числе и молодежи.

Структура и размеры затрат на исполнение похоронных обрядностей почти одинаковы у всех коренных народностей области. Единство это сформулировалось, очевидно, под влиянием ислама.

Затраты начинаются с процесса омывания покойника. Процедуру эту исполняют 2—3 человека: один главный купальщик, остальные помощники. Все они получают самые ценные вещи из одежды покойника и по 5—35 рублей денег (если омывают родственники, то деньги не даются). Из одежды покойника в качестве такой формы оплаты (джу-умчу) раньше выступали бурка, башлык, шуба, черкесска, а теперь преимущественно шапка.

Исторически возникновение «джу-умчу» не было связано с религиозной обрядностью. Оно было своеобразной формой «увековечения» памяти об умершем посредством ношения его одежды родственниками и друзьями. Первоначально самая ценная одежда, как правило, доставалась самому близкому другу, который сам и купал своего покойного товарища.

Со временем право ношения самой ценной одежды закрепляется за человеком, который купает покойника. Такой порядок принимает силу обычая и, выступая постоянным источником дополнительного дохода, порождает новых «спецов» по омыванию тела покойного. В качестве таких спецов все больше и больше начинают выступать эфенди и муллы. «Процесс омывания — есть процесс смыwania грехов, очищения дороги покойника в рай», — настойчиво проповедуют служители куль-

та, укрепляя свои позиции в этой роли. Последним уже не нужны поношенные вещи умершего, как бы они ни были дороги для хозяина. Им нужны новые, «ценные в денежном выражении» вещи, которые могут быть реализованы.

И люди покупают, готовят себе «джу-умчу» порой еще при своей жизни...

Другой формой затрат и источником доходов для эфенди выступает обычай раздачи на кладбище дорогих вещей. Эти вещи выносятся из дома с покойником в качестве покрывала в несколько слоев, а на кладбище делятся между служителями культа. Почти повсеместно в качестве покрывал выступают одни и те же вещи. Спрос на них растет: они нужны не только для семьи покойника, но и всем его родственникам. Именно эти вещи становятся первыми предметами «приношений» родственников, приходящих с соболезнованием. В то же время эти «дефицитные» вещи накапливаются у эфенди. Последним потребительные свойства вещей не нужны. Они заинтересованы в получении «всеобщего эквивалента» — денег — и охотно идут навстречу растущему спросу, уступают «дефицитный товар» за соответствующие деньги. По данным полученной информации, такая торговля имеет место в Хабезском и Адыг-Хабльском районах. В этих же районах указывали на факты реализации таких вещей через магазины, где работают родственники или знакомые эфенди. «Эффект реализации» определяет качество вещи в составе покрывал. Памятуя это, эфенди еще в доме покойного выбирает «свою долю» в покрывалах из кучи «приношений» или же старается «захватить» самую «ценную» вещь на кладбище.

Страсти живы порождают порой неприглядные сцены скандалов прямо у могилы покойного или же после похорон. «Недавно в нашем ауле умерла семидесятилетняя женщина М. Хелдигулова, — рассказывает группа жителей а. Эркин-Юрт. Расставание с близким человеком всегда тяжело. Туда, где умер человек, собираются родственники, соседи, знакомые. Они приходят для выражения соболезнования, оказания помощи в организации похорон. Хорошо, с почестями хоронить человека — это один из лучших обрядов, пришедших к нам из глубины времен.

Однако и здесь встречаются случаи, когда совершаются дела, унижающие достоинство человека. Некоторые люди сюда приходят не для выражения соболезнования и оказания помощи и поддержки семье покойного, а для того, чтобы набить себе карманы, в частности, это — эфенди и муллы».

На факты преобладания интереса к вещам над гражданским долгом указываются и в материалах ЭСИ. «Принято считать, что покойник «платит на том свете», если бывают пересуды о сумме деура или об угощениях при поминках, — отмечается в материалах, полученных из а. Псыж. — Поэтому

стараются не говорить об этом. Но тем не менее бывают неприятные разговоры и поступки из-за сумм деура, и в особенности из-за «квыпса», т. е. из-за покрывал. Как правило, раньше на покойного поверх савана набрасывали покрывало «квыпса» (1,5—2 метра какой-либо ткани). Покрывало было одно, и оно служило для всей семьи (фамилии). Хранилось оно в доме, откуда выносился покойник в последний раз.

Позднее, идя к покойнику, самые близкие родственники начали нести «покрывало». А теперь каждый, кто идет с соболезнованием, считает своим долгом нести покрывало. Каждый несет по своему состоянию: кто крепдешин, кто шелковый платок с бахромой «льодаи» и т. д. Сначала эти покрывала раздавались эфенди и муллам. Теперь этими покрывалами начали «одаривать» и родственников покойного, давать в память о покойнике,— «апсы шва алахъарбауа». И здесь-то возникают часто неприятные пересуды. Некоторые открыто выражают свое недовольство тем, что им досталось менее ценное «покрывало». Иногда доходят до того, что, не стесняясь ничего и никого, возвращают «подарок» назад¹.

Главным же элементом в структуре затрат на исполнение похоронных обрядностей являются затраты на деур и дуа (искупление грехов покойного).

Деур исполняется на кладбище перед опусканием тела покойного в могилу.

Предел участников деура не ограничен. Минимальное число должно быть не менее трех. Сумма денег на деур в среднем колеблется от 500 до 700 руб., доходя порой и до 1000 рублей. Религиозная пропаганда «чем больше сумма денег для деура, тем полнее искупление грехов и свободнее дорога в рай» подстегивает многих пожилых людей, к своему несчастью, все еще не освободившихся от веры в загробную жизнь, еще при жизни накапливать деньги на деур, отказывая себе в удовлетворении жизненных потребностей.

Старая женщина (из Прикубанского района) накопила на собственный деур 400 руб. и завещала, чтобы только эти деньги, т. е. ее «собственные» деньги, отдали на деур. Однако ее уже давно взрослые дети, считающие себя атеистами, довели сумму до 700 руб. «Что скажут люди! Сейчас почти все дают на деур 600—700 руб.»,—решили дети. Этот факт служит хорошим материалом для размышления и по поводу того, что живучести религиозных обрядностей способствуют не только мотивы пассивы одних, слепая вера «в загробное счастье» других, но и действия тех, которые идут на слепое исполнение этих обрядностей, отождествляя их с национальными, народными обычаями.

Бурный рост образования, культуры, жизненного уровня

¹ МЭСИ КЧНИИ, 1974, № 16, с. 41—42.

населения все больше ослабляет сферу религиозных обрядов. С каждым годом суживается круг участников деура.

Сокращение числа участников деура, подвижных религиозными чувствами, и всемерное раздувание «стоимости» деура превращает эту процедуру в значительный источник наживы для любителей нетрудового дохода. Возможность за какие-то часы или минуты получить «большие деньги» делает «религиозными» корыстолюбцев, не ведающих никакого человеческого долга перед людьми без соответствующего материального вознаграждения.

Алчная жажда обогащения вытравила элементарные человеческие чувства, довела до того, что эфенди еще при жизни человека устраивают «дележ денег» на его деур. Как печальный анекдот рассказываются случаи, когда при дележе «стоимости» исполненного деура «главный богослужитель» обещает доплатить какому-то эфенди недостающую сумму при дележе денег на деур последующего покойника. Имеются случаи, когда при этом называются конкретные имена больных людей.

«Искупление грехов» покойника с помощью материальных затрат продолжается и после деура и длится целый год. Процесс этого искупления уже носит название «дуа».

Первый дуа делается на седьмой день после смерти.

В день первого дуа для угощения собравшихся забивают несколько овец или взрослый крупный рогатый скот (бык, корова). Для раздачи соседям и знакомым семьям дополнительно забивают 5—6 овец или одну корову (минимум должно быть 100 порций по 1—1,5 кг мяса). К каждой порции мяса добавляется 1 кг макарон или риса.

Второй дуа исполняется на 40 или 52-й день смерти. Процесс чтения корана и материальные затраты повторяются как при первом дуа. Приглашенные на этот дуа приносят с собой печенья, конфеты или куски материи. После угощения собравшихся (минимум 40 человек) делаются «пайки» на дом. Эти «пайки» кладутся в сумочки, сделанные из материй, принесенных приглашенными, или из материи семьи покойного. В состав «пайка» входят сахар, конфеты и 3—4 метра материи для рубашек. В сумочки для тех, кто читал коран, добавляется мясо или деньги, а кое-где и ценные вещи.

Третий, годовой дуа, повторяет все моменты, характерные для второго дуа.

По рассказам стариков, сумки с пайками раньше не практиковались. Тогда при совершении дуа специальное угощение готовилось и для детей. Теперь собирать детей и угощать их не отваживаются. Бывали попытки нести всякие сладости в места сбора детей и раздавать. Как свидетельствуют данные МЭСИ КЧНИИ, доходили и до школ, но получили отпор со стороны общественности. Теперь взамен затрат на детей введены указашные сумки.

Таким образом, на исполнение трехкратного дуа в течение года забивается 10—12 овец, а все затраты на исполнение религиозных похоронных обрядностей, как было указано выше, доходят до 2—3 тыс. рублей, а в отдельных случаях еще выше.

Огромные материальные затраты на исполнение религиозных обрядностей при похоронах, не имеющие под собой никакой реальной основы, ложатся тяжелым бременем на их носителей. «И умереть уже не боишься охваченный тревогой, что оставшиеся будут ограблены»¹,— утверждают люди. Дети, потерявшие своего отца или мать, обрекаются не только на духовное, но и на материальное сиротство.

Постоянное и настойчивое атеистическое воспитание является исключительно серьезной и благородной задачей не только общественных организаций, печатных органов, телевидения и радио, но и каждого большого и малого трудового коллектива, каждой семьи и каждого отдельного человека, чтобы победить религию, потерявшую свою социальную основу, победить идеологию обывателя: «Не я начал, не мне кончать» и т. д. Поучительна в этом отношении обращение женщин аула Нижняя Мара ко всем женщинам Карачаевского района. В этом обращении с возмущением осуждается распространенный обычай раздачи денег в качестве дура на похоронах. «Они идут в карман представителей мусульманского духовенства, к тому же самозванных. Многим неудобно не платить, а «богобоязным» служителям аллаха удобно и не совестно грабить вдов и сирот. Все это знают и понимают многие, но соблюдают дурные обычаи лишь из-за боязни подвергнуться осуждению соседей, не решаются первыми отказаться от обременительных и позорящих нас обычаев. Давайте же мы, жители Карачаевского района, объявим беспощадную войну таким пережиткам»².

Эти начинания должны быть поддержаны общественностью, советскими органами посредством организации специальных служб.

IV. ПСИХОЛОГИЯ ОБЫЧАЯ

В период зрелого социализма все больше возрастает роль духовных факторов общественной жизни. Особую актуальность приобретает изучение психологии поведения вообще, психологии обычаев и обрядов в частности. Изучение этих явлений необходимо для решения ряда практических задач коммунистического строительства, для выявления психологических основ народных обычаев и традиций.

¹ «Ленинни байрагъы», 1973, № 42.

² Материал облсполкома.

Из всей совокупности элементов, составляющих содержание психологии поведения, мы остановимся главным образом на ее важнейшем элементе — мотивации поведения, связанного с соблюдением определенных обычаев и обрядов. Изучение мотива и поведения — важная социально-психологическая проблема. Мотив выражает отношение человека к поступку, который он намеревается совершить, показывает, «во имя чего совершается поступок, какие при этом преследуются цели»¹. Будучи осознанным побуждением к действию, мотив возникает на основе материальных и духовных потребностей человека.

Влияние мотивов в полной мере распространяется и на процессы соблюдения обычаев и обрядов. Нет обрядов, исполнение которых не определялось бы теми или иными мотивами поведения. В то же время нет обычаев и обрядов, которые, в свою очередь, не влияли бы на мотивы человеческих действий и поступков. Естественно, что мотивы устойчивых форм поведения порождаются не только следованием обычаям. Но именно такое следование является одним из значительных источников формирования мотивизационной сферы. Это обусловлено социально-психологической природой и происхождением обычаев и обрядов.

Будучи довольно простыми и относительно постоянными моментами общения, стереотипы поведения облегчают обыденную жизнь. Они вносят в нее упорядоченность и привычность, делают понятными и доступными отношения, господствующие в определенной социальной группе. Поэтому выработанная укладом жизни система правил поведения действует как традиционный комплекс мотивов поведения. Отражая реальную действительность, мотивы изменяются по мере ее развития. Поэтому внедрение новых, как и возрождение ранее забытых обычаев и обрядов служит питательной средой соответствующей мотивации. В свою очередь, и мотивы не нейтральны к породившим их способам общения. Они активно содействуют утверждению своей основы и обеспечивают развитие и укрепление норм и правил предписываемых обычаев.

Наряду с прогрессивными явлениями и идеями в жизни нередко встречаются отжившие или отживающие мотивы общения. Среди последних подчас встречаются побуждения, чуждые социалистическому общежитию. Характерна в этом отношении и мотивация обычаев и обрядов в нашей области.

Исследование позволяет выделить группы мотивов поведения, играющих разную роль в решении задач коммунистического строительства в современный период. Большую роль играют мотивы трудовой активности, трудолюбия, трудового энтузиазма. Их естественно-исторической основой явились качества, искони присущие трудящимся. Земля наделяла своими

¹ См. Краткий словарь по этике. М., 1965, с. 252.

плодами тех, кто, не жалея сил, трудился в условиях суровой природы горного края.

Однако до революции труд не мог стать и не стал делом чести, доблести и славы простого человека. Его мотивы определялись условиями эксплуатации и бесправия, нуждами горской бедноты, стремлениями к лучшей жизни.

Великая Октябрьская социалистическая революция, строительство социализма сделали человека труда главным героем жизни. Ныне мотивы общественно полезного труда определяют жизнь каждой семьи. Почетные места на торжествах в каждом населенном пункте занимают ветераны производства, знатные рабочие и колхозники, орденосцы, Герои Социалистического Труда. По ним равняется молодежь, их опыт распространяется в трудовых коллективах. Забота о людях труда, их прославление повсеместно оказывают большое влияние на отношение к труду, превращаются в мотивы и стимулы производственной активности.

Формирование мотивов добросовестного отношения к труду на общее благо — неотъемлемая часть политической и организаторской работы партийных и советских организаций, профсоюзного и комсомольского актива. Здесь важную роль играет использование прогрессивных традиций прошлого, игровых, зрелищных праздников. Хороший опыт в этом отношении накапливают общественные организации Малокарачаевского района. На празднике косарей здесь сочетались торжественные трудовые и игровые ритуалы. Общей идеей (мотивом) праздника было желание поднять авторитет древней профессии косаря, очень нужной для района. Участников праздника, которые заготовили в течение дня около 200 тонн сена, встречали аксакалы-затейники. Отстающих шуточно подбадривали крапивою и колючками. На празднике был проведен конкурс талантов, звучали песни, музыка. Косари-победители получили в награду серебряные косы, денежные премии, право на внеочередную покупку автомобилей.

Мотивом использования привычных ритуалов трудовых праздников в данном случае явилось стремление районного актива сделать торжества не только новыми, но и приемлемыми для разных слоев населения, привлечь к ним людей. Включение в программу празднования традиционных действий, в свою очередь, стало одним из мотивов участия в нем наиболее уважаемых людей аула, стариков, побудило их тепло напутствовать собравшихся.

Помогая обновить полезные обычаи прошлого и вдохнуть в них дух социалистической эпохи, мы противопоставляем новое отжившему или устаревшему и содействуем утверждению передовой морали советских людей. Следует учитывать, что определенные слои населения общественный труд привлекает не только своим содержанием, но и традиционной формой.

Использование элементов такой формы расширяет сферу влияния новых общественно значимых мотивов трудовых действий.

Мотивы трудолюбия в жизни народов области связаны с глубоким пониманием роли труда как источника средств к жизни и общественного богатства.

Забота об улучшении организации общественного производства и повышении качества воспитательной работы с трудящимися по месту жительства призвана помочь в формировании мотивационной сферы труда.

Одним из выдающихся завоеваний социализма явилось превращение патристических и интернациональных мотивов поведения в личные убеждения людей. Основой этого процесса стало формирование на промышленных, сельскохозяйственных и других предприятиях многонациональных трудовых коллективов, активное участие тружеников области в выполнении общегосударственных планов, в создании и защите социалистического отечества, в строительстве коммунизма.

Мотивы патриотизма, защиты Отечества, взаимопомощи, верности дружбе и товариществу опираются в ряде случаев на традиции, которые, как отмечают исследователи, имеют давнюю историю¹. Они отразились и закрепились во многих крылатых выражениях, в пословицах и поговорках, в других произведениях фольклора области. Хотя в последние десятилетия сферы бытования произведений фольклора постепенно сужаются, те из них, которые выражают прогрессивные мотивы поведения, продолжают влиять на быт.

Характерно, что мотивы поведения, запечатленные в пословицах разных народов, отразили сходные стремления и чаяния. Такие стремления роднят представителей разных народов. Они, как правило, лишены национальной ограниченности, их воздействие на индивидуальное сознание сливается с духом интернационализма советских людей. Выражая общечеловеческое содержание, названные мотивы делают прогрессивное культурное наследие прошлого важным средством воспитания людей.

Наиболее длительную историю имеют мотивы укрепления и развития семейных отношений. Они связаны с различными этапами становления семьи и семейной общины, отражают как новые, так и старые традиции быта.

Издавна у горцев сформировался обычай отмечать события семейной жизни в кругу родственников и односельчан. Потребность в единении у разных семей диктовалась, естественно, разными мотивами. Однако преобладающую роль среди них,

¹ И. Шаманов. Народным традициям — широкую дорогу. «Ленини байрагы», № 105, 29.III-72 г.; Л. Кунижева. Новой обрядности — широкую дорогу. «Ленин нур», № 13 от 29.I-74 г.; К. Чомаев. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа, в кн. «Вопросы национальной психологии». Черкесск, 1972.

как правило, играли мотивы взаимной помощи. Помогая друг другу в труде, односельчане считали необходимым делить друг с другом любую радость и горе. Они постоянно оказывали взаимное уважение во внетрудовых сферах жизни, проявляли друг к другу внимание и заботу.

Под влиянием мотивов взаимной помощи в дом, где произошло радостное или печальное событие, собирались (и продолжают собираться) все, кто о нем услышал. Приходя к родственникам или соседям и зная, что людей соберется много, каждый считал своим долгом облегчить хозяевам прием гостей. Поэтому в чужой дом приходят с подарками, чаще с вещами и продуктами.

В процессе внутрисемейного и внесемейного общения выработались определенные ритуалы проведения семейных событий. Они определяют место и роль хозяев и гостей, порядок их действий и взаимные обязанности, правила встречи и прощания. Со временем эти правила значительно усложнились, обросли деталями, впитали в себя опыт соседей. Ко многим правилам общения внутри и вне семьи приложили руку служители религии, для которых семейные события, особенно свадьбы, рождения детей и похороны, стали важным источником доходов.

Наряду с ритуалом общения с родственниками, соседями и малознакомыми людьми в опыте народа сложился определенный порядок внутрисемейного общения. В нем четко определены права и обязанности каждого члена семьи, выявлены положения и роль в семье всех ее членов: старших и младших, мужчин и женщин, родителей и молодежков, зятя и невестки, братьев и сестер, дядей и теток, мальчиков и девочек.

В результате испытанного временем уклада жизни в каждой семье, роду и населенном пункте сплетаются в едином комплексе самые разнородные мотивы поведения, необходимо во всех случаях семейной жизни.

Привычность правил, предписывающих устойчивый порядок общения и поведения, порождает мотивы неизбежного сохранения даже старых, консервативных порядков. «В прошлом каждый знал свое место», — сказал в беседе один из старейших жителей аула Кызыл-Тогай.

Понятно, что безоговорная оценка семейных традиций прошлого, даваемая некоторыми информаторами, является сильным, но уязвимым мотивом действий. По существу она маскирует тот факт, что такие традиции порождаются не только прогрессивными, но и реакционными (например, религиозными) мотивами.

Мотивы воспитывающих влияний старших на младших складывались веками. Они определялись реальной ролью аскалов как знатоков жизни, собирателей общественного опыта, мудрых хранителей семейных, общенародных традиций. Сфера

воздействия стариков на молодежь практически ничем не ограничивалась. Однако в современную эпоху в связи с ростом экономики, научно-техническим прогрессом, всеобщей грамотностью и ускорением темпов социального развития эта сфера значительно сузилась. Чаще всего она ограничивается лишь семейным бытом. В сфере производства и культуры преобладают интересы средней возрастной группы (30—45 лет), в сфере культуры, особенно отдыха и развлечений, — интересы молодежи (20—30 лет). Тем не менее воспитательные воздействия старших членов семей на младших не потеряли и не могут потерять своего значения, ибо в них много положительных моментов.

Как правило, стариков заботит отношение молодежи к труду, к соблюдению обычаев, норм вежливости, а также воспитание у молодых людей выносливости, смелости, почтительности к старшим. Много внимания уделяется поведению, внешнему виду, одежде, прическе. Крайности (лень, развязность, любовь к выпивкам, длинные волосы у юношей, чрезмерно укороченные юбки и т. п.) вызывают раздражение и осуждение.

Факты и мотивы критического отношения старшего поколения к недостаткам поведения молодежи должны, конечно, расцениваться положительно. В то же время мотивы некоторых воспитывающих влияний стариков на молодежь нельзя признать прогрессивными. Так, отрицательно влияют на молодежь попытки вовлечь ее в исполнение религиозных обрядов, передки попытки объединения в свадебном обряде гражданской регистрации брака и действий служителей культа, следование стариков обычаям калыма и берне и др. Многие юноши и девушки примиренчески относятся к калыму и берне, ошибочно считают его обязательным атрибутом свадьбы именно под влиянием мнения представителей старшего поколения. Старики и старухи внушают молодежи покорность «общественному» мнению, под которым имеют в виду мнение старшего поколения.

В связи с ростом грамотности молодежи, участвовавшими выездами на учебу в города все больше ослабевают мотивы беспрекословного подчинения молодых людей воле старших в роду. Меняются и способы привычного поведения в семье. Встречается немало случаев, когда старшие и младшие сидят за одним столом, когда молодые родители разговаривают друг с другом в присутствии старших и т. п. В то же время ослабление требований к поведению младших происходит не повсеместно. Особенно редко оно в аулах, отдаленных от городов, однопородных по национальному составу, с неизжитыми религиозными предрассудками.

Заметно изменяются мотивы отношения в семье к женщине. Так, в Усть-Джегуте, Икон-Халке, Сторожевой, Карачаевске, Псыже и других населенных пунктах авторитет женщины в семье возрос. Она решает все вопросы наравне с мужчиной.

Умаление ее заслуг не типично для нашего времени. Женщина больше занимается воспитанием детей, она не допускает пренебрежительного отношения к себе. Усиление мотивов почитания матери связано с тем, что в ее руках семейный бюджет. «Отрадно, — говорит 68-летняя Ш. Кишмахова из аула Псыж, — что перед женщиной теперь открыты все пути: хочет — учится, хочет — работает. Вот и мои дочери получили две высшее образование, а одна закончила медучилище. Все работают по своей специальности».

Изменение социального положения стало основой углубления самосознания горянок и породило новые мотивы уважительного отношения к ним со стороны многих мужчин.

Постепенно меняются мотивы отношения родителей к детям, особенно под влиянием образовательного уровня населения. Сейчас дети чаще учатся и работают на стороне. Они приносят в семью новые знания.

Новыми моментами, формирующими общественно значимые мотивы поведения, стали окончания детьми школы, учеба в техникумах и вузах. Став делом каждой семьи, образование внесло заметные изменения в быт, семейные привычки и праздники. Успехи учащихся и студентов порождают уверенность родителей в их будущем. Они составляют предмет семейной гордости, радости. Воздействие школы на семью в определенной мере способствовало возникновению мотивов празднования Нового года, дней рождения детей. Стало традицией отмечать в семье окончание школы, поступление в вуз, получение специальности, диплома. Раньше таких мотивов отношения к детям горские семьи не знали.

В связи с изменением социального положения молодежи в последние десятилетия возникла возрастная дифференциация мотивов поведения. Молодежь, особенно юноши, активнее тянется к общей культуре, быстрее перенимает современную моду, привычки, новый образ жизни.

Мотивы уважения возраста и опыта старших членов семьи сочетаются у нее с мотивами уважения мудрости, ума, трудолюбия. Об этом говорят пословицы: «Мудрое слово — лучше богатства» (ног.); «Ум определяется не возрастом, а опытом» (ног.); «Человека узнают не по бороде, а по уму: бороду и козел имеет» (абаз.); «Сто умов лучше одного» (черк.); «Не за бороду — за ум жалуют» (русск.).

В сфере обычаев и обрядов значительное влияние на поведение каждого человека оказывает общественное мнение, т. е. мнение окружающих людей о действиях участников того или иного события. Такое мнение более всего связано с бытовыми семейными традициями, в исполнении которых участвуют не только члены семьи, но и люди, приглашенные со стороны. Чаще всего оно формируется и проявляется при проведении массовых семейных действий: свадебных торжеств и похорон. В

условиях, когда организацией свадеб и похорон не занимаются местные Советы и другие общественные органы, подобное общественное мнение оказывается силой, с которой не могут не считаться люди, решая бытовые вопросы. Поэтому оно, а точнее — ориентация на него, нередко выступает как мотив, определяющий поведение отдельных участников массовых действий.

В настоящее время механизмы формирования подобного общественного мнения изучены недостаточно. Значительно более ясным представляется характер его воздействия на общение людей при исполнении обычаев. Опираясь на наблюдения, можно также выделить некоторые черты, присущие общественному мнению как мотиву поведения людей.

Прежде всего отметим, что регламентирующая роль общественного мнения особенно ярко проявляется в сельской местности, где быт носит во многом открытый характер, ибо люди живут на виду друг у друга. Постоянной питательной средой для его возникновения служат периодически повторяющиеся семейные события типа свадеб, похорон и т. д.

Формируясь из разного рода суждений, оценок, догадок, эмоциональных реакций, событий, слухов и других проявлений бытового сознания, общественное мнение превращается в силу, с которой вынуждены считаться не только отдельные люди, но и малые социальные группы (семья, родственники одной фамилии и т. п.). Это прямо связано с тем, что общественное мнение воздействует на людей силой эмоциональных оценок их действий. При этом наиболее существенным влиянием обладают две общественные оценки: похвала и осуждение. Первая подкрепляет действия семьи, которая сумела угодить интересам собравшихся. Она превращается в стимул для тех, кому подобные действия предстоят в будущем. Вторая затормаживает намерения тех, кто хотел бы действовать, не считаясь с окружающей социальной средой.

Стихийно складываясь, общественное мнение опирается в быту на систему правил, поговорок, пословиц, закрепляющих подчинение людей общей воле большинства. Таковы мотивы подчинения общей воле, единение с народом, выраженные в словах: «тот покойник и без могилы» (ног.), «сила народа разрушает утесы» (абаз.), «чем у одного стальная сабля, у народа войлочная — острее» (карач.), «один в поле не воин» (русск.), «в мире жить — с миром жить» (русск.).

Свое влияние на свадебные расходы оказывают мотивы семейного торжества, нового родства, поддержания чести семьи, уважения к новым родственникам. Есть здесь и стремление не ударить лицом в грязь, провести свадьбу достойно, как у других. Нередко, однако, на свадебное торжество влияют мотивы семейного чванства, кичливости, желания выделиться, сделать все лучше, чем было у соседей.

На семейные торжества или печальные события люди — носители общественного мнения — приходят в силу разных причин. Одни из них поддерживают традицию делить радость и горе с близкими, с односельчанами. Других сюда приводят родственные связи. Третьих специально приглашают выделенные семьей распорядители. Четвертых влекут зрелищная сторона события, любопытство или любознательность. Заинтересованная во внимании окружающих людей и пуждающаяся в их оценке, семья заботится обо всех. Неся подчас значительные расходы на их приемы, размещение и угощение, она в ответ получает нечто неизмеримое деньгами, но нужное всем членам семьи: одобрение окружающих. «Чем больше людей будет на свадьбе, тем пышнее она будет, тем больше престижа и авторитета в ауле», — говорят многие жители станицы Сторожевой. Здесь хвалят свадьбы, на которых было много гостей.

В Усть-Джегуте положительно отзываются о свадьбах, в которых участвует много народа, много родственников. Отдельные пожилые люди считают положительным, если берне и калыма хватает на подарки всем. Поощряется как «пышная» свадьба, которая длится сверх трех суток. При этом чем богаче свадьба, тем больше о ней говорят. О менее богатых отзываются небрежно: «Да что там говорить, бедновата была свадьба». Такие оценки оказывают значительное влияние на устроителей.

Характерно, что мотивы престижности на свадьбе не всегда выражаются явно. Некоторые люди видят причину этого в несравнимости значения двух событий: свадьбы и престижа. В то же время «никто при огромном сборе народа не хочет ударить лицом в грязь, ничего не жалеет, стремится не отставать от других. Заметную, хотя и второстепенную роль, играют тщеславие и соперничество, ... каждый хочет, чтобы о нем заговорили, чтобы было лучше или не хуже, чем у других», — говорит один из жителей Верхней Теберды.

Под влиянием подобных соображений во многих селах постоянно возрастают расходы на свадебные церемонии, увеличивается их длительность, свадьбы организуются в виде серии вечеров для разных групп людей (родственников, сослуживцев, соседей и т. д.).

Подчеркнем, что стремление поднять авторитет семьи нередко определяет расходы при рождении детей, проходах в армию. Особенно откровенно оно проявляется при проведении похорон. Многие семьи словно вступают в негласное соревнование, кто лучше и богаче почтит память умершего, выразит к нему наибольшее уважение. Мерами такого уважения для обыденного сознания служат число участников похорон и поминок, характер угощения, стоимость розданных людям вещей, сумма денег, затраченных во время обряда на кладбище, величина других расходов.

Многостороннее влияние соображений престижности ярко раскрывается в следующем высказывании П. Р., 30-летнего жителя аула Псыж: «В наши дни соображения престижа, авторитета в ауле имеют еще большое значение,— говорит он.— Могу несколько примеров привести, когда у нас в ауле, у моих товарищей, расстраивались свадьбы в самом начале или через некоторое время. А причины одни и те же. Родители жениха считали недостаточным иметь у себя в доме невесту только со средним образованием (сын закончил вуз). Или же родители невесты отказались выдать дочь замуж за парня только потому, что он не из княжеского рода. Из чувства только бы не уронить в глазах общественности свой престиж «богатых людей» некоторые люди на свадьбах делают большие, дорогие подарки. А после, от них же, можно услышать разговоры, что подобные затраты им непосильны».

Последнее замечание вскрывает противоречивость личных мотивов тех, кто подчиняет свои действия обыденному общественному мнению. Эта противоречивость отмечена информаторами во всех аулах области, где изучались народные обычаи и обряды.

Так, из Кызыл-Урупа сообщили, что в ауле многими не одобряются калым и берне. Но все жители тем не менее придерживаются этого обычая. «Видимо, боятся осуждения»,— подчеркивает информатор. В то же время одобряются богатые свадьбы, в которых участвуют все жители. Хотя такие свадьбы требуют огромных расходов, массой людей это не принимается во внимание, наоборот оценивается в большинстве случаев положительно.

Нерациональность многих свадебных расходов хорошо понимают в Учкулане. Здесь расходы жениха составляют пять, а невесты — шесть тысяч рублей. Большинство средств уходит на подарки родственникам, на угощение, прием гостей. «Все, что люди желают, все идет, и все мирятся с этим. Всем ясно, что лучше всего все отдать молодым, но уже много лет традиционно идут эти расходы. Общественное мнение не дает волю отказаться от этих вещей»,— отметил информатор.

Величину свадебных затрат, не всегда посильных семье жениха и родственникам (система выкупов невесты, забой большого количества скота, покупка значительного числа спиртных напитков и дорогих подарков, раздача вещей невесты и подарков молодоженов и т. п.), в ауле Псыж осудили все, с кем беседовали поодиночке. Однако возмущение вредными и устаревшими обычаями не превращается в мотив их преодоления, ибо общественные организации аула не направляют против них совместные усилия представителей всех слоев населения, заинтересованных в изменении сложившихся порядков. Между тем в борьбе с пережитками прошлого главную роль играет организаторская работа среди населения.

Среди причин, мешающих преодолению устаревшего общественного мнения в сфере калыма и берне, многие выделяют нежелание каждого человека стать предметом осуждения. При этом на первый план выступает своеобразная податливость к влияниям извне. На деле причины лежат глубже, они многосторонни. Соблюдение калыма и берне во многом связано с мотивами купли-продажи, сохранившимися от прошлых времен. Оба обычая нередко объясняются необходимостью делать «подарки». На деле же форма подарков облакает чаще всего старые вещные отношения, которые лежали в основе имущественных расчетов между семьями, вступающими в родство. Такие расчеты фиксировали сравнительное экономическое положение каждой семьи, величину ее притязаний, были связаны не только с семейным престижем, но и с пресловутой сословностью.

Общественное мнение мотивирует правила поведения участников массовых событий нормами, принятыми в том или ином кругу людей. Предъявляемые человеку группой, в которую он входит, подобные нормы выступают вначале как внешние источники следования обычаям. Однако стереотипы поведения, усвоенные с детства, способствуют переносу внешних побуждений (стимулов) во внутренний план и превращению их во внутренние побуждения (мотивы) к действию. Такой перенос приводит к формированию убеждений человека в том, что нельзя не следовать обычаю. Он порождает внутреннюю позицию, при которой человек оправдывает обычай и свое участие в его соблюдении даже тогда, когда не должен и не может испытывать к этому обычаю никакого уважения. Мотивом подобного поведения выступает сознание, нежелание прослыть человеком, который «не уважает» обычаев предков, отступает от принятых норм общественной жизни.

Требования людей друг к другу в сфере общественного мнения проявляются как в открытой, так и в скрытой форме.

Открытые требования выражаются суждениями о том или ином человеке и его поведении. Они содержатся в оценке человека с позиций нравственных и эстетических норм, принятых в определенном кругу. Такая оценка возникает при обсуждении человека окружающими людьми. Под ее влиянием человек может изменить поведение, сделать что-то в противовес своему истинному желанию. Так, некоторые люди, заявляющие о равнодушном или отрицательном отношении к устаревшим правилам поведения, нередко исполняют эти правила, боясь встретить осуждение со стороны знакомых, соседей, родственников.

Характерный пример подобного отношения к групповым нормам сообщили студенты Карачаево-Черкесского пединститута. Одна из матерей, выдавшая дочь замуж с калымом и берне, резко осуждала старый свадебный обычай. Это не мешало ей выполнить его требования. Мотив был следующим: «Почему обычай должен закончиться на моей дочери?»

Оценка следования обычаям у различных групп людей формируется под влиянием определенного развития их сознания и общепринятого отношения к людям, соблюдающим или нарушающим обычаи. Одобрение и неодобрение действий отдельных людей представляют собой специфические формы внешних требований к человеку. Поэтому они активно влияют на мотивы его поступков.

Фактором мотивизации поведения подчас становятся не только решения общественных сходов, трудовых коллективов и организаций, но и мнение религиозно настроенных людей. Такие решения и мнения несут в себе оценку действий и различные предписания, как надо действовать. Общественное мнение может выражаться и в скрытых требованиях, например, носить форму коллективного «ожидания» поступков, соответствующих норме.

Поскольку взрослый человек, принадлежа к реальной социальной группе населения, хорошо знает ее обычаи, он довольно точно определяет, чего ждет от него общественная среда в разных ситуациях. Представление о таком ожидании отражает по существу скрытое давление группы на сознание личности. Цель подобного давления — побудить человека действовать в соответствии с господствующей в группе моралью. Под влиянием скрытого нажима на личное сознание человек либо невольно приспосабливается к требованиям группы, либо сознательно принимает их как свои личные, постепенно превращаясь не только в их носителя, но и защитника, а подчас и проповедника. При этом подчинение требованиям группы многие склонны объяснять личной заинтересованностью. Так, некоторые жители Кош-Хабля мотивируют свое участие в похоронных и религиозных обрядах боязнью, что при ином поведении их откажут хоронить на родном кладбище, а это — «позор».

Хотя, как отмечалось, общественное мнение в сфере быта формируется стихийно, в условиях массовых действий оно опирается на определенную организацию. Такое действие нуждается в распорядителях. Обычно оно выдвигает их из числа наиболее целеустремленных и авторитетных участников. Следование за авторитетным лицом и подчинение идущим от него указаниям упорядочивает массовое общение. Подкрепляемое готовностью всех вести себя «как надо», общение превращает такие указания в своеобразный закон и мотив поведения любого участника. Каждым движет стремление не нарушать порядок события, соблюсти установленные средой правила хорошего тона. Формируя коллективизм в быту, традиционный порядок дисциплинирует участников торжества или печальных событий. Вместе с тем отжившие традиции вносят в мотивы поведения элементы консерватизма. Подчас даже незначительные отступления от привычек кажутся приверженцам обычаев

кошунством, обрастают слухами, сплетнями, вызывают гласное и негласное осуждение виновников. В таких случаях нередко возникает так называемая отрицательная мотивация: некоторые люди соблюдают обычаи, которые сами не одобряют, чтобы не стать предметом осуждения, не испортить отношения с окружающей средой, избежать связанных с этим неприятных объяснений.

Четкости и упорядоченности группового общения способствует тот факт, что обычай предписывает правила, связанные со многими моментами поведения. Так, в зависимости от повода и характера события участники должны быть в определенной одежде, находиться на соответствующем месте за столом, соблюдать очередность высказываний в соответствии с этими неписанными правилами личного положения каждого в процессе общения во внимание принимаются различные моменты. Учитываются, например, социальное положение человека, степень его влияния в роду и семье, близость или родство с теми, кому посвящено событие, возраст, пол и другие качества.

Названные выше моменты общения в сочетании с признанием социально-психологического статуса (роли в группе) личности могут стать важными источниками мотивации соблюдения обычаев. Человек охотно участвует в традиционном действии, воздавая должный почет лицам, которым оно посвящается. В то же время он внимателен к тому, оказано ли ему самому должное уважение, соблюдены ли интересы его личного престижа в группе. Неудовлетворенные личные притязания (например, получение за столом более «низкого» места, чем ожидал гость, не совпадающий с чьими-то желаниями подарок и т. п.) могут стать причиной длительной обиды и даже прекращения дружественных отношений.

Удовлетворение личных притязаний в процессе следования общественным нормам способствует укреплению чувства единения с окружающей средой, росту коллективизма группы. Оно умножает готовность каждого действовать согласно общим правилам, повышает личную податливость общему настроению, порождает стремление ничем его не нарушать, соразмерить свою активность с интересами и пожеланиями группы.

В групповом общении, когда люди расположены друг к другу и стремятся разделить хорошие чувства с «виновниками» события или, напротив, облегчить чье-то горе, возникает своеобразный психологический настрой, объединяющий участников. Люди вместе радуются, они симпатизируют, улыбаются друг другу, проникаются сочувствием, сожалением, негодованием, испытывают общую боль, скорбь и другие чувства. Выражение чувств в речи и мимике, в позе и жестах, в походке и манерах поведения определяется не только индивидуальным отношением к событию, но и традициями национальной среды, нормами принятого в ней поведения.

Эмоциональные контакты позволяют сопереживать, заражаться чувствами других людей, воспринимать переживания окружающих и воздействовать на них собственными эмоциями. Совместные переживания повышают интенсивность и полноту личных чувств, доставляют известное удовлетворение. Поэтому они могут стать и нередко становятся действенными мотивами соблюдения обычая, исполнение которого приводит к росту эмоционального тонуса личности.

Активным мотивом следования традиции является потребность в обмене информацией. Такая потребность характерна для общения в любом кругу людей. Однако чем больше круг общения, тем легче устанавливаются коммуникативные связи, тем обширнее и разнообразнее проходящая по ним информация. Участие в соблюдении обычая позволяет увидеть многих людей, узнать о их жизни, быть свидетелем или участником знаменательного события, получить представление о его оценке разными группами односельчан. Здесь могут выявиться новые веяния в жизни села, аула или города, обсуждаться новости, пришедшие из других населенных пунктов или районов. На празднике нередки встречи с гостями, прибывшими издалека. Беседы с ними позволяют сравнить жизнь людей в разных местах, утвердиться в какой-то позиции или, напротив, задуматься о ее изменении. Хотя всеобщий рост грамотности, развитие почтовой, телефонной и телеграфной связи, распространение радио, телевидения и газет значительно повысили информированность населения о фактах общественной жизни, они не полностью удовлетворяют потребность людей в знаниях. В быту всегда есть и будут явления, которые не охватываются официальными источниками. Лучше всего они познаются в живом общении, которому способствуют массовые действия, обусловленные обычаями.

Обмен информацией — это интеллектуальное средство общения, которое связано с его эмоциональной стороной. Интеллектуальные (познавательные) потребности так же, как и эмоциональные, могут выступать мотивами соблюдения обычаев и обрядов. Подобно этим социальным потребностям, на побуждение к исполнению традиций подчас влияют органические потребности (например, потребность во вкусном угощении, которым сопровождается исполнение обряда). В мотивах следования обычаям отражаются потребности всех видов: не только положительные, но и отрицательные по общественной направленности; не только идеального, но и материального характера. Все они в той или иной мере обусловлены общественным мнением и питают его. Общественное мнение как мотив личной и групповой деятельности должно быть предметом постоянной заботы местных руководящих органов.

Определенное влияние на традиционные формы поведения в быту оказывают религиозные мотивы. Религиозные мотивы

обычаев и обрядов представляют собой наиболее отсталые и реакционные элементы обыденного общественного сознания. В них концентрируются пережиточные идеи старого мира, которые предопределяют отношение отдельных групп населения к обычаям и обрядам.

Хотя в последние годы антирелигиозное воспитание трудящихся области усилилось, полностью преодолеть влияние религии на мотивы поведения людей еще не удалось. Об этом свидетельствует участие служителей культов в соблюдении многих семейных и других обычаев.

Среди мотивов, определяющих соблюдение обычаев и обрядов, есть открытые, явные, но есть и скрытые, тайные. Так, в приведенном выше примере свои мотивы поведения были не только у родителей юноши, совершающего двойное бракосочетание, но и у эфенди, пришедшего на свадьбу. Понимая, что лишь регистрация брака в Совете депутатов трудящихся имеет силу перед законами государства, эфенди провел свой обряд после такой регистрации, а не до нее. Здесь сыграл свою роль мотив безопасности совершения религиозного обряда (накъах). Вместе с тем действия эфенди определялись мотивами укрепления авторитета религии, сохранения ее влияния в ауле. И, конечно, на его поведении не мог не сказаться мотив получения соответствующей «благодарности» от родителей молодоженов. Хотя последний мотив нередко скрывается многими служителями культов, он хорошо известен людям.

Одна из причин живучести религиозных мотивов — умелое приспособление религии к повседневной жизни, к условиям индивидуального поведения и массовых действий. Такие мотивы пронизывают многие стороны быта, они закреплены в пословицах и поговорках, традиционно используемых по разным поводам. Так, издавна в появлении гостя усматривалось исполнение воли бога (конакъ аллахны къоналтъыды), с богом связывались успехи в труде («джюрегинъ салыб шилксенг — ишинги аллах окъур этер»). Именем аллаха предрекается наказание за невоспитанность («намыс, адеб болмагъак джерге аллах насыб, къунч бермейди»), произносится оправдание («аллах берменге, адам не береди»).

У представителей старших поколений, воспитанных в духе таких суждений, сформирована устойчивая внутренняя позиция, которая постоянно подкрепляет их религиозность. Молодые люди менее подвержены религиозным догмам, однако и они нередко обращаются к традиционным присловьям, когда что-то совершается в семье. Подобные присловья держат в определенной мере в плену сознания людей, придавая религиозную окраску их обыденному поведению, высказываниям.

В последние годы приобрели большую остроту мотивы исполнения религиозных обрядов и традиций. Это объясняется недостаточной антирелигиозной работой во многих населенных

пунктах и возрастающей активностью служителей религии.

«Всем ясно, что религия не дает богатства народу», — говорит один из жителей Учкулана. — Поэтому сфера влияния религии в ауле неуклонно сокращается. Ее требования исполняют более всего старики и старухи. Однако в дни похорон религиозные обряды здесь нормальное явление почти для всех. Есть в ауле и молодые фанатически настроенные люди, которые идут со стариками. Вести агитацию в дни похорон неприлично, но и в другие дни она ведется слабо».

В Кызыл-Урупте в похоронах участвуют все жители, хотя более половины из них не молится на кладбище. Причина — неверие в бога. Однако это неверие пассивно. Только этим можно объяснить, что уразу, курбаи соблюдают не только старики, но частично и люди средних лет.

Сужение влияния уразы, особенно на молодежь и производственников, отмечается в Сторожевой. Рабочие и колхозники осуждают этот обычай, но не вмешиваются в его исполнение стариками. Значительно меньше критики вызывает курман-байрам главным образом из-за того, что в этот день в каждой семье появляется свежее мясо. В селах, где горцы живут по соседству с русскими, религиозная сторона курман-байрама постепенно уступает место чисто бытовым интересам. Об этом свидетельствует тот факт, что в такой день за одним столом с горцами подчас сидят их русские товарищи. В равной мере это относится к рождеству и пасхе, в которых раньше участвовали только русские жители станицы. Теперь вместе с ними нередко угощаются в эти дни и карацаевцы.

Однако ослабление одних религиозных мотивов нередко компенсируется усилением других. В ауле Кызыл-Тогай лет 5 назад служители культа ввели поминальный обряд, которого раньше не было, — отмечать 100 дней после смерти. Это не нравится народу, но отказаться «вроде не хотят». Нет активного сопротивления. Говорят так: «Раз предлагают, то нужно сделать, проводить».

По данным из аулов Инжичишхо, Хумара, Беслепей, приобщение к религии здесь происходит после 50-летнего возраста. Объяснение причин этого явления отчасти раскрывает индивидуальные мотивы действий пожилых людей. Вот одно из типичных объяснений: «В преклонном возрасте люди думают о хорошем будущем в загробной жизни и о том, что, соблюдая религию, можешь смыть грехи. Вот почему некоторые неверующие попадают впоследствии под религиозные действия, начинают соблюдать обряды и становятся верующими».

Приведенные мотивы умаляют роль коммунистической морали в быту. В них отражаются стремления улучшить религиозные обряды, сделать их приемлемыми для всех. Нередко мотивы исполнения религиозных обрядов связаны со слабой постановкой атеистической работы среди различных слоев насе-

ления, с недостаточным вниманием местных органов к горю людей, чем искусно пользуются служители культов. По сообщению из Икон-Халка, когда умирают пенсионеры, первыми в дом приходят нередко эфенди. В отсутствие представителей совхоза, сельсовета погребение беспрепятственно организуют муллы. В Черкесске, Карачаевске «утешителями» людей в горе нередко выступают баптисты.

В ряде населенных пунктов исполнение религиозных обрядов мотивируется тем, что, якобы, это старинные национальные обычаи и их поэтому ничем нельзя заменить. О смешении национальной и религиозной формы поведения сообщают нам из аулов Кызыл-Уруп, Икон-Халк, Псыж, Хумара, Бесленей, Кызыл-Тогай, Кызыл-Октябрь, Инжицишхо, с. Дружба, ст. Усть-Джегутинской и др. Маскировка религиозного под национальное выгодно только служителям культов. Она способствует активизации не только религиозных, но и националистических проявлений.

С мотивами, оправдывающими религиозные действия, неразрывно связаны мотивы личной наживы некоторых участников обрядов. Так, например, из Кызыл-Урупа пишут, что во время религиозных праздников режут много скота. Особенно ревниво придерживаются этого обряда эфенди и старики. Служителям религии перепадает больше всего.

Соблюдение устаревших обычаев разных народов: крещение ребенка, религиозного бракосочетания, поминок и других — активно поддерживаемые служителями культов, позволяет им увеличивать источники своих доходов. Находя среди верующих или среди тех, кто не обладает стойкими убеждениями, сторонников своего участия в семейных церемониях, а подчас и просто рассчитывая на традиционное гостеприимство, они нередко сами приходят в дом и, выждав удобный момент, совершают религиозный обряд.

Одним из типичных примеров влияния на действия служителей культов скрытого мотива величины дохода может служить история умершего ребенка, рассказанная в газете «Коммунизм алашара». Родственники умершего ребенка обратились по очереди к четырем человекам, отпевавшим покойников, но каждый отказался совершить похоронный обряд. Пятый, выполнив обряд, так объяснил отказы: «Покойнику всего пять дней от роду, значит сумма даура была бы незначительна... Вот они и не хотели утруждать себя. Характерно, однако, что все отказавшие в отпевании ссылались не на малую величину даура, а на другие причины. Истинный мотив отказов каждым скрывался от просителей.

Подобное поведение служителей культов осуждается населением. Однако такое осуждение, не подкрепленное организаторской работой местных органов, нередко превращается в пассивный протест. «Спросите любого аульчанина по душам,

он ответит, что религия вредна, что она не нужна людям,— пишет житель аула Кошхабль.— Все возмущаются уразой, деуром, а выступить откровенно никто не может. Все хотят, чтобы с религией боролось государство. «Почему,— говорят они,— не запретить специальным документом уразу и деур?».

Противоречивое отношение населения к действиям служителей культов во многих населенных пунктах области показывает, что назрели условия для всемерной активизации атеистической работы. Разработка гражданских межнациональных обрядов похорон и других семейных событий призвано ограничить деятельность религиозных фанатиков. Она будет способствовать изменению устаревших мотивов поведения людей.

Навсегда ушло в прошлое фанатичное исступление, побуждавшее толпу верующих слепо и бездумно исполнять повеления муллы, представлявшего «волю аллаха» на земле. Но и поныне религиозные действия имеют своих приверженцев, которые руководствуются мотивами веры в «предначертание бога». Такие мотивы возрождаются там, где низок уровень воспитательной работы местных органов. Активизация воспитания должна сопровождаться практической работой во всех местах, где служители культов пытаются распоряжаться массовыми действиями людей. Руководство такими действиями, в том числе и во время похорон, должно принадлежать представителям общественных и государственных органов.

Таким образом, мотивация обычаев социально противоречива. Хотя наиболее устаревшие мотивы обычаев со временем уступают место более прогрессивным, нельзя рассчитывать, что социальный процесс автоматически приведет к окончательному вытеснению старого сознания новым. Исторические сдвиги в образе жизни народов области необратимы. Однако развитие социальной психологии и, в частности, мотивации поведения — является противоречивым процессом, в котором имеют место не только положительные, но и отрицательные стороны. К числу последних относятся возрождения у некоторых людей торгашеских мотивов в связи с упрочением благосостояния, таковы нездоровое соперничество в свадебных, похоронных и других обрядах, оживление ряда религиозных догм и пережитков в быту.

Формирование новых, подлинно социалистических мотивов поведения людей неразрывно связано с воспитательной работой общественных организаций. Оно происходит путем внедрения новых форм общения, в борьбе за преодоление устаревших норм быта и реакционных пережитков. На смену старым обычаям должны приходиться новые традиции, обслуживающие социалистический быт. Возникновение современных обычаев и традиций ускоряет процесс развития новой мотивации норм быта. В то же время такая мотивация формируется в процессе агитационно-пропагандистской работы. Значительное место в

последней должно занимать разъяснение социальной сущности обычаев и обрядов, обоснование и утверждение социалистических мотивов поведения во всех сферах быта, которые еще страдают национальной ограниченностью и узостью. С устаревшими мотивами соблюдения обычаев можно бороться, лишь утверждая на деле новый быт и отвечающие ему мотивы общественной жизни. Необходимы инициатива и активность всех общественных организаций, направленные на внедрение нового быта и воспитание передовых мотивов, большая терпеливость в преобразовании отсталой части общественной психологии, поддержка всех сил, которые утверждают в нашем быту коммунистическую мораль,

У. О СООТНОШЕНИИ ПРАВА И ОБЫЧАЕВ

Право, традиции, мораль, обычаи носят исторический и классовый характер. Их изменения определяются изменениями эконоиических и политических основ общества. Право самым непосредственным образом воздействует на мировоззрение людей и способствует его изменению. При помощи права обеспечивается организованность в общественной жизни, сознательное решение поставленных задач, прививаются гражданам определенные принципы и идеи.

Социалистическое право, по своей классовой сущности, является возведенной в закон волей рабочего класса и руководимых им трудящихся масс, содержание которой определяется условиями их материального существования. Высшей ступенью развития советского права является возведенная в закон общенародная воля советского народа в период развернутого строительства коммунизма, что также охраняется принуждением общенародного государства.

В советском праве меры государственного принуждения, которые применяются к правонарушителям, обличены высоким общественным авторитетом. Советская общественность все более нетерпимо относится к нарушителям законности, и принимаемые меры государственного принуждения, как правило, неразрывно связаны с мерами общественного воздействия, опираются на общественное мнение и поддержку масс.

Юридические акты, мораль, обычаи являются социальными нормами. Исторически мораль, обычаи старше норм права. Нравственность существовала еще тогда, когда не было государства и права. Она представляет собою совокупность исторически изменяющихся принципов и норм поведения, регулирующих отношения людей друг к другу и к обществу.

Между правом и моралью много общего. Они оба определяют правила поведения людей. Однако нормы права подходят

к поведению человека с точки зрения прав и обязанностей, т. е. с точки зрения возможного и должного поведения, а моральные нормы подходят к поведению человека с точки зрения нравственной оценки, представлений о справедливости и несправедливости. Мораль определяет общие принципы поведения и отвечает на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо», то есть лежит в области умоэстетических свойств человека.

Обычай — это тоже правила поведения людей. Однако сферой действия обычаев является по преимуществу быт, семейные отношения людей. Как правило, обычаи отражают особенности семейно-бытового уклада, присущие определенной народности, классу, социальной группе.

Обычаи — это исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение наиболее устойчивые нормы и правила взаимоотношений людей, охраняемые общественным мнением и характерные для семейно-бытового уклада народа или группы народов, близких по своему историческому прошлому, языку и культуре¹.

Обычаи, затрагивая семейно-бытовой уклад людей, отстают от развития производства, превращаются в прочные привычки, нормы поведения людей и, как правило, сохраняются даже при смене общественно-экономических формаций. Поэтому обычаи менее эволюционны и более живучи, чем другие социальные нормы.

К понятию «обычай» тесно примыкает понятие «традиция» и нередко эти понятия отождествляют.

Однако понятие «традиция» по своему содержанию и объему шире понятия «обычай». Традиции — это исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение устойчивые нормы и принципы взаимоотношений людей в обществе, охраняются общественным мнением, а также привычные идеи, убеждения, взгляды и представления, воплощенные в различных формах общественного сознания.

Обычаи и традиции действуют в различных сферах общественной жизни. В отличие от обычаев традиции охватывают общественную, идейную и производственную стороны жизни народа. Например, революционные, военно-патриотические, трудовые традиции никак нельзя назвать обычаями.

Традиции и обычаи отражают правила поведения людей, их соблюдение обосновывается силой общественного мнения под воздействием убеждения и привычки. Традиции и обычаи передаются из поколения в поколение.

Под воздействием юридических норм традиции и обычаев подвергаются определенным изменениям, а некоторые обычаи могут быть санкционированы государством в целях поддержа-

---

¹ А. К. Алнев. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Махачкала, 1968, с. 24.

ния и закрепления интересов господствующего класса. В таких случаях правовую силу, выраженную в нормативном акте, получают правила, фактически сложившиеся в ходе развития классового общества, в результате многократной повторяемости определенного поведения участников известных общественных отношений.

Такому способу «возведения в закон» воли господствующего класса соответствует своя, специфическая форма права, называемая **правовым обычаем**. Правовой обычай — это такой обычай, соблюдение которого поддерживается принудительной силой судебного решения, действиями административных властей и т. д.¹

Господствующий класс воздействует через свою политическую идеологию на содержание, развитие обычаев посредством принятия тех или иных нормативных актов, но и право господствующего класса в той или иной степени испытывает на себе влияние обычаев народа. Такое взаимодействие права и обычаев является историческим, носит постоянный характер и различен при различных экономических формациях, за исключением первобытно-общинного строя, где не было социального неравенства, классового деления, государства, права, политической и правовой идеологии.

Устаревшие обычаи и традиции сохраняются в быту и в сознании людей еще долго после того, как исчезают породившие их экономические условия. Этому в известной мере способствовало и способствует влияние религии.

Так, мусульманское духовенство и господствовавшие классы на Северном Кавказе всяческими способами внедряли в сознание народных масс мысль о том, что нормы и принципы адата и шариата носят общенациональный характер. Они сознательно внедряли в народные массы реакционные обычаи и обряды, такие, как кровную месть, умыкание невест, калым, берие, многоженство, бесправие женщины, господство старших над младшими, сословные предрассудки и т. д.

Установление Советской власти положило начало коренному переустройству бытового уклада национальных меньшинств. Основой этого переустройства явились: социалистическое преобразование хозяйства, ликвидация эксплуататорских классов, юридическое и фактическое уравнивание мужского и женского полов, формирование национальных кадров рабочих и интеллигенции, рост материального благосостояния и культурного уровня населения, сближение и взаимовлияние советских народов.

Советская власть в корне подорвала устои шариата, адатов. Многие вредные обычаи прошлого канули в вечность.

Так, после образования Горской АССР ее Центральный Ис-

---

¹ Основы теории государства и права. Государственное изд-во юридической литературы. Москва, 1963, с. 35.

полнительный Комитет своим специальным постановлением закрепил действие на территории республики всех декретов и законов РСФСР о равноправии женщины с мужчиной. Женщины-горянки получили все политические, трудовые, гражданские, брачно-семейные права, в частности равные права с мужчинами на владение земельным наделом и крестьянским двором, на участие в выделах и разделах, на наследование и распоряжение имуществом, на развод и детей. В республике была введена гражданская регистрация брака. Принуждение или воспрепятствование к вступлению в брак, получение калыма, похищение женщины для вступления в брак были квалифицированы как «вредные пережитки старины», подлежащие наказанию наравне с уголовно-наказуемыми преступлениями.

В марте 1922 г. ЦИК Горской республики постановил: «... 1. На территории Горской республики безусловно воспретить похищение женщин как гнусного глумления над личностью свободного человека. 2. Виновные в нарушении настоящего постановления подвергаются заключению до пяти лет в местах лишения свободы и конфискации имущества. 3. Сумма, вырученная от продажи конфискованного имущества, обращается в 50% в доход республики и 50% в пользу местного заинтересованного общества на восстановление сельского хозяйства бедняцкого населения. 4. Местные исполкомы, милиция и судебные власти, получив уведомление о совершенном похищении женщины, обязаны немедленно принять меры к задержанию виновных и освобождению похищенных. Представители власти, не исполнившие этого, подлежат судебной ответственности как за преступление по должности. 5. Родители, опекуны и родственники горянок, принуждающие их к выходу замуж против воли или препятствующие выходу замуж по желанию, привлекаются к судебной ответственности по заявлению заинтересованной стороны».

Вот текст Постановления ЦИК Горской республики о запрещении взимания калыма, 1922.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОРСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

В борьбе с вредными пережитками старины в жизни горских народов Второй Съезд Советов Горреспублики, обратив внимание на обычай взимания калыма, крайне унижительного для свободной горянки и превращающий брак в акт купли-продажи свободного человека и даже противоречащий требованиям шариата, признал необходимым уничтожить взимание калыма.

Согласно этому пожеланию Второго Съезда Советов, Горский Центральный Исполнительный Комитет ПОСТАНОВИЛ:

1. На территории Горской Республики воспретить при за-

ключении браков вносить родственникам невесты, калым как плату за нее и принимать его.

2. За нарушение настоящего постановления виновные подвергаются: а) жених, уплативший калым,— штрафу в размере уплаченной суммы или внесенных вещей натурой; б) родственники невесты, принявшие калым,— штрафу в двойном размере принятой суммы или вещей натурой, и, кроме того, они должны возратить полученный ими калым. Помимо штрафа виновные подлежат по определению суда заключению в места лишения свободы до 3 месяцев.

3. Взысканные на основании п. 2 суммы и вещи натурой обращаются 50 проц. в доход Республики и 50 проц. в пользу заинтересованного Общества на восстановление сельского хозяйства бедняцкого населения»¹.

Борьба с вредными обычаями прошлого, которые лишены в нашем обществе всяких правовых и экономических основ, должна вестись главным образом мерами общественно-воспитательного характера. Однако в некоторых случаях требуется применение и уголовной репрессии.

Уголовные кодексы союзных республик содержат специальные статьи, предусматривающие ответственность за преступления, составляющие пережитки местных обычаев.

Эти преступления подразделяются, в основном, на следующие четыре группы:

1. Преступления, посягающие на равноправие женщины в области семейно-брачных отношений;

2. Преступления, посягающие на равноправие женщины в производственной, культурной и общественной жизни;

3. Преступления, направленные против жизни, здоровья и достоинства женщины в связи с ее раскрепощением;

4. Прочие преступления, совершаемые на почве пережитков местных обычаев².

К первой группе относятся: уплата и принятие выкупа за невесту (стр. 232 УК РСФСР), принуждение женщины к вступлению в брак или продолжению брачного сожительства, либо воспрепятствование женщине вступить в брак, а равно похищение ее для вступления в брак (ст. 233 УК РСФСР). В эту же группу относятся заключение соглашения о браке с лицом, не достигшим брачного возраста (ст. 234 УК РСФСР), двоеженство или многоженство (стр. 235 УК РСФСР). Все эти преступления направлены против свободы и равноправия женщины.

Ко второй группе относятся воспрепятствование женщине принимать участие в государственной, общественной или культурной деятельности, существенно нарушающее равноправие

¹ Культура и быт народов Северного Кавказа. Москва, 1968, с. 35.

² М. С. Брайнин, Е. Н. Смирнов. Расследование преступлений, связанных с пережитками местных обычаев. Госюриздат. М., 1962, с. 9.

женщины, если оно соединено с насилием или угрозой применения насилия (ст. 134 УК РСФСР).

К третьей группе относятся совершение таких преступлений, как убийство, доведение до самоубийства, нанесение тяжких телесных повреждений и другие преступления, посягающие на личность, если эти преступления совершены на почве пережитков прошлого: мужской произвол, ревность, религиозный фанатизм и т. д. (ст. 107 УК РСФСР).

К четвертой группе относятся такие преступления, как убийство на почве кровной мести, уклонение родственников убитого от примирения и отказа применения кровной мести, убийство женщиной своего ребенка, рожденного во внебрачной связи из-за боязни со стороны родственников за нарушение адата и др.

Ни одно из указанных во второй, третьей, четвертой группах преступлений за последние 10—15 лет на территории Карачаево-Черкесской автономной области не было зарегистрировано.

Более распространенными из указанных выше преступлений в Карачаево-Черкесской автономной области, Кабардино-Балкарской АССР и в других национальных областях и республиках являются: уплата и принятие выкупа за невесту, принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак, заключение соглашения о браке.

В ст. 232 УК РСФСР определяются два вида преступления: первое — уплата выкупа за невесту, второе — принятие этого выкупа. С одной стороны, калым заключается в принятии выкупа деньгами, скотом или каким-либо имуществом за невесту ее родителями, родичами или родственниками, а с другой стороны — в уплате этого выкупа женихом, его родными или родственниками.

Основой этого преступления является уплата калыма и он сопровождается совершением других преступлений — принятием калыма и обратным одариванием невестой, в больших размерах родственников жениха и даже его близких друзей (берне).

В целях обхода закона большинство лиц пытаются замаскировать калым под вид подарков, затушевывая калым и берне как адекватную мену подарков со стороны родственников жениха и невесты. Часть ст. 232 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за принятие выкупа за невесту лишением свободы на срок до одного года с конфискацией выкупа или исправительными работами на тот же срок с конфискацией выкупа. Уплата выкупа за невесту, согласно ч. 2 этой же статьи, предусматривает ответственность — исправительные работы сроком до одного года или общественное порицание.

По ст. 127 УК Туркменской ССР получение калыма наказуется лишением свободы на срок от двух до пяти лет с конфис-

скацией калыма, а уплата калыма за невесту — лишением свободы до двух лет или исправительными работами на срок до одного года.

Получение и уплата калыма наказуемы в уголовном порядке вне зависимости от того, вышла ли невеста в результате этого замуж или нет. Ответственность за эти преступления наступает также независимо от того, уплачен или принят калым за невесту до вступления в брак или после, была ли согласна невеста на уплату калыма или нет. Привлечению к уголовной ответственности за уплату и получение калыма подлежат не только лица, принимавшие непосредственное участие в передаче и получении калыма, но также и те, которые подстрекали и склоняли к уплате или принятию калыма, т. е. лица, ведущие переговоры о размерах, порядке, сроках уплаты и прием калыма.

В настоящее время причиной уплаты калыма за невесту у карачаевцев, балкарцев и некоторых других национальностей Северного Кавказа является желание получить берне от невесты и ее близких родственников в большем размере, чем калым. В связи с этим представлялось бы целесообразным усилить санкцию ч. 2 ст. 232 УК РСФСР и внести понятие «берне» в диспозицию ч. 1 этой же статьи с таким примерно изложением: «Принятие выкупа за невесту и обратное одаривание (берне) родителей, родичей или свойственников жениха родителями, родичами или свойственниками невесты деньгами, скотом и другим имуществом». В санкции ч. 1 ст. 232 УК РСФСР предусмотреть также и конфискацию берне.

Другим видом преступления, посягающим на право женщины вступать в брак по своей воле, является принуждение ее к вступлению в брак или продолжению брачного сожительства, либо воспрепятствование женщине вступить в брак, а равно похищение ее для вступления в брак. За совершение этого умышленного преступления виновные лица подлежат наказанию лишением свободы на срок до двух лет (ст. 233 УК РСФСР).

Принуждение женщины к вступлению в брак может заключаться как в физическом, так и в психическом насилии. Это преступление считается оконченным не только тогда, когда женщина вступила в брак, а и когда совершены какие-либо действия, носящие характер принуждения, в частности, угрозы, запугивания, нанесения побоев, истязания.

Воспрепятствование женщине к вступлению в брак может выразиться также как путем физического, так и психического воздействия в связи с получением или уплатой калыма, в связи с необходимостью выдачи замуж старшей дочери. Воспрепятствование к вступлению в брак может выразиться в запрещении вступить в брак в течение определенного срока (наступление ожидаемого события, истечение срока траура и т. п.), а также в брак с лицами другой расы, национальности, происхождения и по другим мотивам.

В ст. 233 УК РСФСР нет указания на то, когда родители, родичи или свойственники жениха или невесты воспрепятствуют женщине к продолжению брачного сожительства, а между тем такие факты имеют место в жизни, и виновные в этом лица остаются безнаказанными.

Воспрепятствование женщине продолжить брачное сожительство выражается по самым различным мотивам, и эти мотивы отражают пережитки местных обычаев. Например, неудовлетворенностью определенных лиц полученным от невестки или ее родственников берие, несоблюдение невесткой вредных обычаев прошлого по отношению к родственникам мужа, другая национальность, вероисповедание невестки и др.

Похищение женщины для вступления в брак представляет собой более опасную форму принуждения женщины к вступлению в брак; в этом случае ущерб причиняется как праву женщины вступать в брак по собственной воле, так и свободе ее. Похищение женщины для вступления в брак — это насильственный увоз или увод вопреки ее воле, сопровождающееся изолированием от обычной для нее обстановки и лишением ее свободы. Преступление это считается оконченным с момента похищения или с момента ее задержания независимо от того, достигло то или иное лицо своего преступного замысла.

Похищение женщины для вступления с ней в брак может быть осуществлено путем обмана, тайно, открыто и т. д.

13 ноября 1973 г. гр-н Х. с целью похищения невесты поехал на автомашине «Победа» из г. Карачаевска в аул Нижняя Теберда. Вслед за ним на служебной машине в аул Нижняя Теберда приехал директор районного дома культуры К., который вызвал из библиотеки гр-ку Ч. и под предлогом необходимости поехать на совещание, привез гр-ку Ч. в аул Каменномост, откуда она была увезена в аул Хурзук Карачаевского района для вступления в брак с гр-ном Х. Гр-ка Ч. была похищена для вступления в брак вопреки ее воле, обманным путем¹. За аналогичное преступление были осуждены к лишению свободы Карачаевским районным народным судом братья О.²

Похищение женщины вопреки ее воле — одна из форм вступления в брак на основании вредных обычаев прошлого, влекущая за собой уголовную ответственность. Однако не всякое «похищение» невесты является преступлением. Например, фиктивное похищение, которое совершается по взаимной договоренности между женихом, невестой и ее семьей. Такое фиктивное похищение основано на чисто экономических соображениях и преследует цель избавиться от некоторой части сильно-возросших свадебных расходов, связанных со сватовством, об-

¹ Архив Карачаевского районного нар. суда за 1974 год.

² Там же, за 1975 год.

меном подарками, пиршеством, а порою, и нежеланием соблюдать отдельные пережившие себя обычаи, ритуалы.

Уголовный Кодекс РСФСР (ст. 234) охраняет физическое и моральное развитие молодого поколения и направлен против пережитков прошлого. Указанная статья предусматривает уголовную ответственность за заключение по местным обычаям соглашения о браке с лицом, не достигшим брачного возраста, или вступление в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости.

Введение этой статьи в УК РСФСР обусловлено тем, что нормы шариата и адата допускают вступление в брак даже между 9—14-летними детьми, если эти дети сами будут подтверждать достижение ими половой зрелости. Вступление в брак в таком раннем возрасте, разумеется, подрывает здоровье и наносит вред духовному развитию несовершеннолетних, отрицательно влияет на здоровье и воспитание вступающих в брак. Несмотря на то, что социально-экономические основы раннего вступления в брак в нашей стране исчезли, в Карачаево-Черкесской автономной области и в других национальных областях и республиках страны эта традиция все еще имеет место и довольно распространена. В связи с этим в осуществлении борьбы с такими пережитками прошлого, как заключением соглашения о браке с лицом, не достигшим брачного возраста, важная предупредительная работа должна вестись не только административными органами, но и всей общественностью.

Вступление в брак в уголовноправовом смысле отличается от вступления в брак в гражданскоправовом смысле.

Правовое регулирование брачных и семейных отношений в нашей стране осуществляется только государством. Религиозный обряд брака — неках, не имеет правового значения. Права и обязанности супругов порождает лишь брак, заключенный в органах загса. Ст. 13 Кодекса о браке и семье РСФСР разъясняет, что регистрация брака в государственных органах устанавливается как в интересах государственных и общественных, так и с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей.

Вступление в брак — событие большой важности для человека. Поэтому закон предусматривает, что брак заключается торжественно. Для заключения брака будущие супруги должны лично явиться в орган загса по месту жительства одного из них или их родителей и подать заявление о желании вступить в брак. Брак может быть зарегистрирован по достижении брачного возраста.

В РСФСР брачный возраст установлен для мужчин и женщин — 18 лет, но в отдельных исключительных случаях с разрешения районных (городских) Советов депутатов трудящихся для мужчин и женщин может быть снижен, но не более чем на два года.

Вступление в брак — это добровольное принятие на себя определенных обязанностей как перед супругом и будущими детьми, так и перед обществом. Поэтому наше государство не пассивно в вопросах расторжения брака. Именно этим объясняется, что расторжение брака, как правило, производится по решению суда при установлении, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными.

Значительные трудности как семейного, так и правового характера создает фактический брак, т. е. брак, не зарегистрированный в законном порядке органами загса. Как известно, нормальные правоотношения возникают лишь по поводу законного брака. Однако в силу того, что на практике встречается еще много случаев фактического, незарегистрированного брака и немало случаев их распада, право вынуждено взять под защиту пострадавшего супруга и детей, хотя законом это прямо не предусматривается. Особо злостные нарушения закона и социалистической нравственности наступают, когда брак распадается по основе реакционных обычаев берпе и калыма.

Одним из моментов соотношения права и обычаев является вопрос о выборе фамилии вступающих в брак. На практике девушка-горянка, выходя замуж, принимает фамилию мужа. Согласно существующим еще обычаям выбор мужем фамилии жены считается позором, ибо рассматривается как женоподобное поведение мужчины, а когда оба супруга сохраняют свои добрачные фамилии, то это вызывает насмешки, упреки по отношению к мужу, проявившему якобы слабость характера. Разумеется, эти факты не должны быть терпимыми и девушки-горянки, выходя замуж, должны в полную меру использовать свое равноправие с мужчинами, которое предоставлено ст. 18 Кодекса о браке и семье РСФСР, где указано, что при заключении брака супруги по своему желанию избирают фамилию одного из супругов в качестве их общей фамилии либо каждый из супругов сохраняет свою добрачную фамилию. Это же право, согласно ст. 41 Кодекса о браке и семье, сохраняется и при расторжении ими брака. Право на фамилию — это личное право гражданина и уступка в этом вопросе устаревшим обычаям должна быть расценена, по меньшей мере, беспринципно.

Вместе с проводимой борьбой против вредных обычаев и традиций прошлого необходимо использовать некоторые традиционные формы, наполняя их новым содержанием в целях коренной перестройки быта и семейных отношений трудящихся.

В действующем советском законодательстве содержатся меры превентивного и принудительного характера, в значительной степени обеспечивающие борьбу с вредными обычаями, традициями прошлого. Вместе с тем советское право и нравственность узаконивают прогрессивные народные обычаи и традиции.

VI. ОТРАЖЕНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ В ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

Фольклор, по меткому определению академика В. Я. Проппа, является «интегрирующей частью обрядов». Как важный этнографический источник фольклор сохранил и донес до нас ценные сведения об обычаях и традициях народов, его общественных институтах, морально-этических нормах и социальной психологии.

Духовные ценности испытываются временем. Взгляд на прошлое с высоты сегодняшнего дня открывает в отдаленных традициях новые ценности и возможности их использования в новых условиях.

В ленинской концепции культурной революции всестороннее развитие и обоснование получила идея исторической преемственности традиций. «Не выдумка новой пролеткультуры, — писал Ленин, — а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»¹.

Победа Октября сделала возможным синтез лучших национальных традиций прошлого с новыми, общесоветскими. В. И. Ленин призывал относиться бережно к той художественной культуре, которая содействует делу социализма. Марксистско-ленинский подход к фольклору как общественному явлению, признание решающей роли народа в историческом процессе, в создании материальных и духовных благ позволяют правильно раскрыть социальную природу и идейно-эстетическую сущность народного творчества.

Эстетический идеал в фольклоре неотделим от этического. Нормы поведения в обществе, нравственный кодекс героя находят отражение во всех жанрах фольклора. В фольклоре нравственные оценки поступков и деяний героев всегда четки и определены, и во всех случаях симпатии народа на стороне обездоленных и эксплуатируемых.

В главных темах фольклора народов нашей области, таких, как изображение классовых и социальных взаимоотношений, борьба личности за свои человеческие права и достоинство, содержится осуждение уродливых обычаев, порожденных эксплуататорским строем.

Отбор прогрессивных элементов в народной культуре и разоблачение реакционных — важное звено в формировании культуры социализма, в выработке коммунистических обрядов и традиций. Современная обрядовая церемония станет много действеннее, если она будет художественно оформлена в духе прогрессивных национальных народных обычаев.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 462.

Накопленный фольклористами опыт по записи обрядовой поэзии, ритуальных гимнов окажет важную услугу в формировании новой, безрелигиозной обрядности. Тенденции к этому имеются в нашей действительности.

Наша задача — раскрыть и продемонстрировать красоту подлинно народных традиций, связанных с такими высокими понятиями, как патриотизм, любовь к труду, доблесть, человеческая честь и достоинство, ибо одной из важнейших функций фольклора, помимо эстетической, была духовная — воспитание человека, его нравственное совершенствование. Это — с одной стороны. С другой стороны — сделать самоочевидным вред идейного содержания целого ряда явлений, уходящих корнями в прошлое, что само по себе очень важно.

Народные традиции — категория историческая. Духовный облик народа складывался на протяжении многих столетий. С изменением быта, социально-экономического уклада менялся, например, этикет народа. На смену старым обычаям приходят новые. Народная память, фольклор и сегодня являются почти единственным свидетельством того, какими были нравы наших предков, что они утверждали и что отрицали. В многочисленных жанрах фольклора, от малых его афористических форм до монументальных эпических творений, народ фиксировал не только свое эстетическое, но и этическое представление о жизни, о назначении человека на земле. Можно понять горцев, которые стоя слушали наиболее величественные песни и баллады о героях, достойных представителях своего народа, получая при этом не только эстетическое удовлетворение, но и возможность проверить свои дела делами предков. Известно, что горцы исполняли героические песни о доблестных витязях перед молодыми воинами, прежде чем их отправить защищать родную землю, дабы они, молодые, достойно несли бы эстафету мужества, стойкости и героизма.

Сила слова воспитывала не только высокие патриотические чувства сограждан; слово помогало в быту избавляться от житейских пороков: нерадивости, лени, тунеядства, алчности, ханжества, лживости. Для «лечения» этих болезней народ прибегал к едкой сатире. Народ сложил великое множество побасенок, притч, четверостиший о лгунах, обманщиках, скупцах. Особенно часто этими пороками наделяются баи, княгини, муллы и другие представители эксплуататорских верхов. Многие произведения фольклора давали четкую социальную оценку распространенных традиций и обычаев.

Так, тщательно разработанные у горцев застольный этикет, место старшего и младшего в доме и на прогулке, почетная доля старшего, послушание и уважение старшего и другие нормы поведения были кодексом правил хорошего тона для всех. Но, по свидетельству фольклора, они имели четко выраженный классовый характер. Так, например, даже младший по возрасту

князь или дворянин всегда садился на почетное место в присутствии старших себя крестьян, крепостных. А ушаутов вообще не сажали за стол. Даже коновязь для князей была обособлена от коновязи для простолюдинов. Когда бедняк резал скотину, лучшую долю он должен был отнести мулле, хотя он был не самым почетным человеком в ауле. Конфликты многих жанров фольклора основаны на стремлении крестьян доказать свое моральное превосходство над князьями, утвердить свое право «человеком зваться» и быть оцененным по заслугам.

Классовый характер носил и обычай гостеприимства. За княжеским столом не было места простолюдину. Зато князь широко пользовался гостеприимством и добротой крестьян. Известны в жизни примеры, когда разорившиеся князья и дворяне проводили всю жизнь в гостях, кочуя от одного хозяина к другому, бесчестно пользуясь добрым обычаем гостеприимства.

Следует сказать, что в фольклоре почитаемые народом качества героя — хлебосольство, гостеприимность, — как правило, никогда не демонстрируются по отношению к недобрым людям — отрицательным персонажам.

В основе этики современного гостеприимства также лежит народный принцип, по которому враг или предатель не может быть гостем в доме честного человека.

Психологически труден и вызывает много разпоречивых мнений похоронный ритуал. Уместно в этой связи напомнить, как бережно относится народ к братским могилам, оставленным войной почти в каждом нашем ауле, городе, станции. Солдаты разной национальности лежат под одной плитой. Святой долг перед Родиной объединил их на земле. Не принадлежностью к разной национальности и вероисповеданию измеряется цена подвига, а тем святым долгом, который они исполнили ради жизни на земле. Эти могилы почитаемы в каждом населенном пункте. Бережное и святое отношение к ним — это яркое выражение новой духовности горцев.

Общность территории, исторических судеб, экономическая и культурная близость народов Карачаево-Черкесии обусловили типологически сходные черты в их богатейшем фольклорном наследии.

Фольклорный герой народов Карачаево-Черкесии предстает в основном в двух планах — в облике борца и труженика. Народ воспевает идеального героя, человека сильного, деятельного, активного и целеустремленного. Этим близок нам народный идеал.

Герой народа — выразитель его дум и чаяний — всегда благороден, честен, бескорыстен. Если проследить поступки любимых народных героев, то по ним можно было бы составить кодекс чести, по которому училось не одно поколение людей жить, трудиться, любить. Свод народной морали, нашедший отражение в фольклоре, предполагал, в первую очередь, идею борьбы

со всяческим злом. В демократических творениях народов Карачаево-Черкесии создана целая галерея образов, истинных представителей народа, воплотивших его этический и эстетический идеал.

Социальный и нравственный портрет героя, соответствующий нравственным представлениям народов Карачаево-Черкесии, может быть соотнесен с портретом Урюзмека — героя карачаевского эпоса «Нарты».

Вызывает одобрение и восхищение мужественное решение одного из героев нартского эпоса уничтожить жестокий обычай избавляться от стариков и больных, не представляющих производительной силы. Мотивы этого гуманистического поступка нартского богатыря коренятся в народной философии: мудрая старость, опыт ее может пригодиться молодым. И впрямь, старики учат молодых нартов ремеслам, сельскому хозяйству. Эта традиция, своеобразно запечатленная в фольклоре, выражает представления народа о гуманистических этических традициях наших предков.

Главное этическое и эстетическое завоевание фольклора: человек должен быть человеком. Истинный герой фольклорных произведений не только прекрасен внешне, храбр, наделен рыцарской честью и манерами, соблюдает лучшие образцы правил народного этикета, но, прежде всего, он носитель возвышенных социальных идеалов:

Не для того, чтобы слыть хабрецами,
Мы хабрецы,— чтобы зваться людьми.

Морально ничтожны слабодушные, трусливые; аморально предательство родины и народа. Безобразны лживые, лицемерные и двуличные представители духовенства и правящей верхушки, чьи гротесковые «портреты» создал народ во всех жанрах устно-поэтического творчества. Важно отметить, что в фольклоре позднего времени на смену традиционному «добрый молодец» приходит герой, представитель конкретных социальных слоев общества, имеющий собственное имя и совершающий конкретные поступки по имя справедливости. Герой выступает как представитель угнетенных, выразитель их интересов, противоположных интересам господствующего класса.

В фольклоре все деяния и поступки представителей господствующих классов объясняются их социальной принадлежностью.

Фольклор настойчиво утверждает мысль о том, что простолюдин, а не князь или феодал является носителем высоких нравственных качеств. Уже в нартском эпосе самые высокие подвиги совершают герои «низкого» социального происхождения. Именно Сосруко, сын пастуха, получивший обидное прозвище тума (незаконнорожденный), совершает великий прометеевский подвиг возвращения огня; он похищает у богов семена

благородного проса и виноградную лозу для своих соплеменников. В своих эпических поединках он обнаруживает не только беспримерное мужество, доблесть, но и рыцарскую, воинскую честность. В схватке с врагом он доказывает свое превосходство не только в силе, но и в моральном отношении.

Гуманизация народного идеала тесно связана с пафосом героических деяний витязей нартского эпоса. В известном мотиве героического эпоса — мотиве богоборчества можно усмотреть идею утверждения общественного человека, посвящающего свою жизнь счастью людей труда.

Какой след оставил человек в жизни, насколько ярок и заметен он — вот те нравственные критерии, по которым воссоздается в фольклоре образ подлинного героя и борца. Исконным желанием бедноты было осуществление идеалов, отчетливо прозвучавших в старинной карачаевской здравнице:

Сыновья — чабаны,
Чтобы горя не знали,
Не знали печали,
Честь берегли,
Чтоб людей уважали...
С хорошими знались,
Плохих избегали.

И горцы жили в постоянной борьбе за осуществление этих естественных человеческих прав. Они утверждали свои моральные принципы, свой этический идеал и тогда, когда они осуждали калым — этот унижающий человеческое достоинство женщины обычай. С гневом и сарказмом говорит героиня карачаево-балкарской песни «Белая Батай, красивая Батай» о своих родных, польстившихся на богатый калым, не посчитавшихся с желанием и волей молодой горянки:

Волосы Батай до пят,
Волосы Батай блестят.
Для чего их заплетать, трудиться.

Твой отец неумолим.
За тебя дают калым,
Взял отец сто пять голов;
Сто баранов, пять ослов
Да еще возьмет шестого зятем.

Чтобы глубоко понять красоту новых взаимоотношений, выявить истоки советского патриотизма, социалистического отношения к труду как творческому деянию на благо родины и других черт, рожденных новым временем, необходимо учитывать житейский опыт и мудрость народа, отразившихся в фольклоре, ибо, как верно сказал Кязим Мечиев,

Хорошее слово с тобой смеется,
С тобою грустит в трудный час:

Мы жизнь покидаем —
Оно остается
И служит живым после нас.

Потомков всегда вдохновляют высокие слова, которыми народ воспел подвиги предков, их трудолюбие, верность, их героизм и патриотизм. Живым небезынтересно знать (и это очень важно), что такие пережитки прошлого, как калым, берие, религиозный фанатизм, ураза, не являются исконно-национальными традициями, а привнесены религией и господствующими классами. Об этом красноречиво говорит фольклор. В нем эти антипародные обычаи никогда не находят поддержки, напротив, — они всегда осуждаются.

В фольклоре отразилось стремление народа к свободе и независимости. Фольклор утверждает не просто подвиг во имя подвига, во славу личной храбрости и мужества, а подвиг во имя Родины, на благо родного народа.

Требовательно и взыскательно народное мнение в оценке лучших качеств героя, прославленных в песне или сказании. Достойны песни герои из героев. Достойны увековечивания лишь те качества, которые находятся в согласии с народной этикой.

В песнях народов Карачаево-Черкесии, продолживших традиции героического эпоса «Нарты», особенно в тех, которые родились в период острых классовых столкновений, слышен социальный протест масс, гнев народа, призыв к открытому действию против угнетателей. В карачаевских песнях «Барак», «Канамат», «Гапалау», черкесских сказаниях «Пшитль Пшиготы-жев», «Князь-злодей», «Крымцы в Кабарде», «Сказание о герое» и др. настойчиво звучит тема нравственного превосходства простолюдина над хозяином. Он выступает носителем истинно народной морали, воплощает его представления о назначении человека на земле.

Героизм и патриотизм нераздельны в народной этике. В карачаевской народной песне «Серый камень» идея патриотизма, любви к родине и родной земле выражается в своеобразных национальных образах: «Лучше быть серым камнем на родной скале», чем жить хорошо на чужбине.

В ряде произведений социально-бытового цикла отразились взаимоотношения членов семьи, регулируемых в прошлом правилами патриархально-феодалного быта, установками и запретами мусульманской религии, пережитками домусульманских языческих и культовых верований. Особенно жестоко это сказывалось на младших, экономически зависимых членах семьи, на женщинах, на невестках — наиболее социально бесправных членах горского общества.

Тема женской доли, эволюционируя и развиваясь, получает в этой связи наиболее яркую социально-философскую окраску. Она вбирает в себя и мотивы сватовства по воле матери-

ально заинтересованных родителей, и мотивы обручения с раннего детства, и мотивы разлуки с любимым по прихоти феодала-хозяина, и мотивы страданий в семье нелюбимого мужа. Эта тема нашла отражение во всех жанрах фольклора народов Карачаево-Черкесии.

Особенно усиливается мотив горькой женской доли в позднем фольклоре, обретая черты социальной трагедии. Продажа девушки за богатый калым, выдача за старика богача, мучительная разлука с любимым — таковы наиболее часто разрабатываемые фольклором аспекты этой темы.

Обычай избегания и запретов, бесправное положение в семье, многочисленные родовые и племенные пережитки и другие консервативные традиции, порожденные определенным укладом жизни, тяжелым бременем ложились на женские плечи, делая ее жизнь горькой и невыносимой.

В лирических песнях-плачах, сочиняемых, как правило, самими жертвами несправедливости, звучит не только плач и горькое сетование на судьбу, но и проклятье виновников, нежелание мириться с уготовленной участью. Полны поэзии строки, выражающие возвышенные чувства героини к любимому, раскрывающие богатство ее души, щедрость любящего сердца.

Любовная лирика свойственными ей средствами противоборствовала исламу, призывающему женщину к покорности судьбе, уготовленной для нее самим богом. Наперекор идеологии ислама, доведенные до отчаяния женщины-горянки слагали песни, в которых они отстаивали свое право на самое святое чувство — любовь.

Небезынтересно отметить, какую оценку получает калым в истинно народном творчестве. В черкесской песне «Плач Фатимат, выданной за старика», песне, вобравшей в себя гамму чувств и переживаний молодой женщины, отчетливо звучит мотив осуждения калыма и утверждения человеческого достоинства, гневный протест против уродующего душу и жизнь обычая:

Девушкам нам старики не милы,
И я полюбила тебя — молодого.
Любила я, но недолюбила,
Выдали замуж меня за седого.
Был девичий платок голубым, как небо,
Был голубым, а стал он серым.
Большие поминки по мне устроят
На калым, что родне за меня заплатили.
Я, как на грех, тебя, молодого,
Больше всех на свете любила,
Почему ты грустить меня заставил,
Почему увезти меня не решился?
...Стяните потуже холстиную белой
Тело мое, что от горя сгорает.
Любовь из груди ни за что не вырвешь,
А если вырвешь, то с сердцем вместе.

Господствовавшее на протяжении многих веков бесправное положение женщины в быту и общественной жизни породили в фольклоре своеобразную поэтическую биографию-судьбу. Тема неравной любви, широко разрабатываемая в фольклоре народов Кавказа и Средней Азии, находит глубокое психологическое воплощение в ногойской поэме «Карайдар и Кызылгуль». Высоким поэтическим чувством наделил народ бедняка Карайдара. Он богат только своей любовью к любимой Кызыл-Гуль, поэтический образ которой, одухотворенный высокими чувствами юноши, воссоздан в поэме:

Бел зимою первый снег —
Кызыл-Гуль того белей;
Поздним летом ал гранат —
Губы Кызыл-Гуль алей;
Словно мед, ее слова —
Слаще всех других сластей!

У ее густых ресниц
Самый черный в мире цвет.
Как тростинка, тонкий стан
Прям и гибок с юных лет,
Вся она цветка нежней
И ее прекрасней нет!

По своей идейной направленности к поэме «Карайдар и Кызыл-Гуль» примыкают и такие песни, как «Свадебная», «Песня второй жены», «Чекмень», «Певец и волк» и др. Песни эти — о тяжелом прошлом ногойки, лишенной не только личной свободы, но и элементарных общественных прав. Достаточно сказать, что уже в 12—13 лет она уходит в дом мужа, для которого ее сосватали еще с пеленок. В песне воссоздана тяжелая доля ногойки до революции, в сжатой динамической форме воскрешается жизнь по этапам — от года до 13 лет, т. е. до замужества, когда ее жизнь фактически кончалась:

В год — по кибитке ходить я стала,
В два — говорить я с матерью стала.
В три — с подругами я играла,
А в четыре — играть перестала.
В пять — меня золотом шить учили,
В шесть — красоту мою расхвалили.
В семь — я наряжаться стала.
В девять — первое горе узнала,
В десять — баю сквозь щель показали.
В одиннадцать — сваты его приезжали.
В двенадцать — калым за меня прислали,
В тринадцать — кончилась моя песня!

Это песня — не только сетование на тяжелую женскую долю; это — поэма о судьбе ногойской женщины до Октября.

В фольклоре ногойцев, наряду с образами женщин, оплакивающих свою тяжелую жизнь, есть и героини, которые поднимаются (наравне с мужчинами) на борьбу с ханом. Мотивы

борьбы «амазонок» против феодалов, борьбы, вызванной жестокостью и притеснениями хозяев, встречаются в фольклоре всех народов Карачаево-Черкесии.

Под стать девушке-воину (по силе свободолюбивого духа) и героиня «Песни второй жены»; и она бросает дерзкий вызов старику мужу, который купил ее за богатый калым:

Эй старик! Я для джигита
Быть подругой рождена.

Так, еще в недрах старых представлений о нравственности и моральном облике женщины рождался активный протест за утверждение человеческого достоинства и прав личности.

Народная эстетика с особой симпатией утверждает идею самоотверженного труда на земле. Народ мечтал о труде без богатей, о труде на благо человека и во имя красоты родной земли. Фольклор не знает ни одного героя, пренебрежительно относившегося к труду. В пословицах, поговорках, метких выражениях отражена народная философия труда.

Гимн человеку, побеждающему языческий страх перед природой, познающему ее тайны, с эпической широтой звучит уже в нартском эпосе и связывается с образами кузнецов — Тлепша, Дебеча и др.

В душу каждого камня он чудно проник,
Потому что камней понимал он язык.
Как лепешкой ячменной, камнями питался
И камней существо он постигнуть пытался.
Бог огня помогал ему, полон веселья,
Из камней всевозможные делать изделия,
А железо, как тесто, покорно, любовно
Подчинялось могучему беспрекословно.
Говорил он с огнем, говорил он с водой
И наречье земли понял нарт молодой.
Он впервые постиг кузнеца ремесло.
Все, что в камне таилось, Дебеча влекло,
Извлекал из камней, все, что людям потребно,
Ибо в их естество проникал он волшебю.
Он из камня щиты мастерил и кольчуги,
Он искусством прославился в нартской округе...

Освоение ремесла, поэтизация труда, подчиняющего и организующего природу, коим заняты почти все без исключения герои нартского эпоса, символизируют этику народа. С восхищением рассказывается в нартском эпосе о том, что Сосруко добыл такие семена проса, одним зернышком которого можно накормить целое племя. Нарты варят напиток сано, выращивают виноград, пашут, сеют, ходят на охоту, ловят рыбу. Эти трудовые традиции и получают развитие в фольклоре. Известны многочисленные сюжеты об умелой девочке-сиротке, которая, как правило, справляется со всеми трудными заданиями, которые она получает от недобрых людей — мачехи, князя-злодея. Выткать за ночь несколько аршинов полотна, со-

брать рассыпанный мешок проса по зернышку и другие виды невероятных условий помогают ей выполнить птицы, животные и добрые силы природы. Это выражает любовь народа к жертве произвола, а также здесь налицо поэтизация умелых человеческих рук, трудолюбия. Мораль притчи — нет такой работы, на которую не способен человек.

С мечтой об изобилии, с красотой деяний рук человеческих связан поэтический образ нарта Ачемеца. От звучания его волшебной свирели «нивы тучнеют, луга пестреют, переливаются все в цвету». Гармонию человека с природой являет собою образ Лашин из адыгского нартского эпоса.

Философия труженика-горца, его трудовой идеал ярко обнаруживают себя в жанре здравиц.

В добрых пожеланиях настойчиво проводится мечта трудового народа жить в достатке, пользоваться щедротами и благами земли, результатами своего труда.

В земледелии им — удача,
Их просу — плодородие,
В час первой вспашки — бездождие,
Перед началом пахоты — дождичек,—

говорит черкес-хлебопашец. Этим пожеланиям сродни пожелания карачаевца-скотовода:

Загоны пусть будут полны скота,
Ульи пусть будут медом полны.
Пусть не будет овцы, не давшей приплода.

Животворный созидательный труд землепашца, вера в могущество человека составляют нравственный пафос многих абазинских и ногойских фольклорных памятников. Человек — не раб, а господин природы. Это идейно-философская проблематика фольклорных произведений о вере в человека-творца и создателя, в его духовные и физические силы нашла художественное воплощение в абазинской сказке «Всех побеждающий».

Горский фольклор отразил не только настоятельную потребность человека осмыслить окружающую его природу, свое отношение к ней, но и выработал целый ряд этических норм, которыми регулировались не только поведение каждого члена общества, но и в целом отношения между людьми разных национальностей.

В пословицах и поговорках народов Карачаево-Черкесии в очень емкой и образной форме выражены моральные заповеди, с помощью которых осуществлялись и поддерживались взаимоотношения людей: «Хороший друг лучше плохого брата», «Цена человека — его работа», «Сила народа вдребезги утесы разрушает», «Кто сберегает только для себя — тот мышьяк», «Чем

в каждом ауле иметь по одному быку, лучше иметь по одному другу», «Где нет чести, там нет счастья», «С гостем приходит счастье», «Из одного кола изгороди не поставишь».

Этический кодекс народов области предусматривал и проводил в жизнь посредством фольклора, используя его воспитательные функции, такие черты духовного облика человека, как трудолюбие, бережливость, умелость, доброе и хозяйское отношение к земле, щедрость.

В черкесской сказке об умной и рачительной хозяйке дома, идейно-тематические соответствия которой имеются у всех народов Карачаево-Черкесии, рассказывается о том, как ее бережливость спасла от голода весь аул, ибо каждый раз, отправляясь на мельницу, она откладывала про черный день горсть пшеницы в чулан.

Известен и распространен у многих народов Кавказа и сюжет сказки «трудовые деньги». Ее мораль — деньги только тогда ценятся, когда они добыты честным и самоотверженным трудом.

Все отмеченные нами основные моменты нравственной характеристики героя тесно взаимосвязаны; их сочетание раскрывает перед нами идеальную личность, соответствующую народной этике, выражают художественный опыт изображения норм поведения героя, накопленный в фольклоре.

Не случайно, профессиональная художественная литература из фольклорного арсенала почерпнула добротные, национально окрашенные приемы воссоздания характерных черт труженика и поставила их на службу воспитания нового социалистического идеала, человека страны социализма.

В основу нашего сегодняшнего отношения к фольклору, как части культурного наследия народов Карачаево-Черкесии, должен быть положен ленинский принцип решения вопросов, связанных с освоением художественного наследия прошлого. «Красивое нужно сохранить,— говорил Ленин в беседе с К. Цеткин,— взяты его как образец, исходить из него, даже если оно «старое»¹. Ленин призывал не только к бережному отношению к той художественной культуре, которая содействует делу социализма, но требовал быть внимательным к тому новому, что рождалось под влиянием революции.

Наша современность — эпоха небывалых общественных перемен в духовной жизни горцев, их быту, психологии. В центре внимания находится проблема сложного, многоступенчатого восхождения народного сознания к более высоким формам социалистического миропонимания и нравственности, формирования нового национального характера, складывающегося в процессе преодоления косных, исторически изживших себя

---

¹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. Издание четвертое. Изд-во «Художественная литература». М., 1969, с. 663.

представлений, форм человеческих отношений в семье и обществе.

Л. И. Брежнев, выступая на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховных Советов СССР и РСФСР, подчеркнул: «Общенациональная гордость советского человека — это огромное, емкое, богатейшее по своему содержанию чувство. Оно глубже и шире естественных национальных чувств каждого в отдельности из народов, составляющих нашу страну. Оно вобрало в себя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творческим гением миллионов и миллионов советских людей»¹.

Новая безрелигиозная обрядность, рожденная новым социалистическим строем, вобравшая в себя все лучшее, что накоплено коллективным опытом народов нашей страны, уходит своими корнями в народный этический опыт, нашедший ярчайшее выражение в фольклоре.

VII. ТРАДИЦИИ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Социалистическая культурная революция, осуществленная советским народом под руководством КПСС, обусловила пополнение рядов советского искусства все новыми творческими коллективами и целыми национальными школами народов, в дореволюционном прошлом не имевших своего развитого профессионального искусства. Это явление наиболее полно отвечает самому духу и характеру советского многонационального искусства. Оно хорошо прослеживается на процессе развития декоративно-прикладного искусства народов области.

Сложность исторических судеб народов Карачаево-Черкесии отразилась и на их культуре, на которую в разное время и в различной мере оказывали прямое или косвенное воздействие культуры древней Греции и Персии, Византии и древней Руси, Рима и Ирана, Турции, Грузии и Арабского Востока. Все заимствованное активно переосмысливалось в соответствии с национальными традициями и глубоко самобытным творчеством коренных народов.

Еще в далеком прошлом у народов Карачаево-Черкесии весьма распространены были изделия из глины. Керамическая посуда — горшки, кувшины, миски, чашки — до V века до н. э. изготовлялись без гончарного круга, т. е. лепные, покрывались орнаментом-рельефом или резным. Гончарный круг в Карачаево-Черкесии стал известен на рубеже нашей эры.

---

¹ Л. И. Брежнев. «Ленинским курсом. Речи и статьи», т. 4. Политиздат, М., 1975, с. 100.

Из металла горцы изготавливали высококачественные, отличавшиеся большим изяществом орудия труда, посуды и вооружения — ножи, скребки, миски, кинжалы, топоры, наконечники копий и т. д. Из сплавов металла изготавливались также украшения и детали одежды горцев, амулеты в виде фигурок и голов животных. На оружие и некоторые другие изделия из бронзы иногда наносились изображения сцен охоты.

На территории области под влиянием Византии строились христианские храмы. Помятью о тех временах стоят и поныне Шоанинский храм близ села Орджоникидзевского (X—XI вв.), храмы в Архызе (XII в.) и Сентинский храм в районе аула Нижняя Теберда (X—XI вв.), фрески на стенах которого являются образцом византийского искусства того периода и по существу самым ранним произведением живописи на территории Карачаево-Черкесии.

На протяжении многих веков дерево являлось основным строительным материалом при возведении жилищ у карачаевцев. В этом плане чрезвычайно интересен для исследователей аул Хурзук. В этом селении, которое заслуженно называют музеем народного зодчества, до наших дней сохранились одни из древнейших карачаевских построек. Последние свидетельствуют об умелом использовании местным населением опыта половцев и восточных славян.

Можно усмотреть ассоциативную связь между природными условиями района, населяемого карачаевцами, и карачаевским жилищем. С одной стороны, поросшие густым лесом горы, каменные глыбы у подножия суровых и величественных скал, чередование глубоких теней в ущельях с ослепительно сверкающими ледниками, насыщенная зелень лугов и разноцветье южных цветов. С другой — суровая в своей лаконичности каменная кладка фундамента, графическое сочетание глубоких теней галерей с выбеленными стенами сруба, освещенными солнцем.

Жилища абазин и черкесов, в чем-то близкие адыгейским и кабардинским, гораздо более «легкие» по сравнению с массивными срубами карачаевцев. Здесь, как нам кажется, можно выделить две основные особенности жизни этих народов, сказавшиеся на формировании характера их жилища. Первая — нехватка пригодного для строительства «капитальных» домов материала. Вторая — и черкесы, и абазины нередко вынуждены были менять места своих поселений из-за внутренних междоусобиц и «капризов» племенных вождей.

Кроме того, возможно, тип жилища черкесов в какой-то мере сложился уже в период их жизни в Приазовье и Причерноморье, т. е. в местах, богатых камышево-тростниковыми строительными материалами.

Помимо оседлого вида жилища — дома, у ногайцев почти вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции

сохранялась и юрта. Основное условие, которому она должна была отвечать, — это транспортабельность. При передвижении с одной стоянки на другую юрту в сложенном виде перевозили на арбе.

Одна ногайская семья имела несколько юрт: для стариков родителей, для мужа и жены, для находящихся на выданье девушек, для детей. Войлочные кийизы, которыми покрывался каркас юрты, как правило, являлись одноцветными. Многоцветные же кийизы использовались в качестве покрывала, подстилки, различных накидок.

Рисунок орнамента ногайских войлоков обычно состоял из геометрических мотивов. Очерченный в ряде композиций круг имел в своих истоках изображение символа языческого божества — солнца. Часто встречался стилизованный рисунок бараньей головы, к стати — весьма распространенный в народном искусстве всей Карачаево-Черкесии. Серый, коричневый, белый, черный, желтый — наиболее распространенные оттенки, использовавшиеся ногайцами при изготовлении узорчатых войлоков.

Подобного рода ковры изготовлялись и черкесскими мастерицами, использовавшими в качестве основы не только войлок, но и сукно, бархат, плотный доброкачественный холст.

Черкесские войлочные ковры также весьма графичны. Их цветовая гамма зачастую состоит из двух-трех оттенков. Обычно это — черный, желтый, белый, серый. Наряду с геометрическими фигурами, узор образуется и растительными мотивами, самый распространенный из которых — трилистник. В целом орнамент черкесских узорных войлоков очень лаконичен и выразителен, композиционное решение отличается четкостью, отсутствием малозначительных деталей. У черкесов, абазин, ногайцев помимо разного рода войлоков, большой популярностью пользовались и циновки различных размеров.

Большого искусства достигли в этом абазинские мастера. Цинковка — важный предмет в горском обиходе. Она служила и подстилкой, и завесой, в ряде случаев — покрывалом, ковром и постелью. На ее изготовление шла разновидность камыша. Путем предварительной обработки сырья (выдерживание в воде, просушка на солнце или под навесом) получали материал разного цвета: черный, желтый и зеленый.

Одно из достижений народного творчества Карачаево-Черкесии — это карачаевские кийизы.

Проанализировав все разнообразие карачаевских кийизов, можно заметить постепенное возрастание сложности орнаментального украшения. Развитие орнаментальных форм шло от простых к более сложным. Наиболее простой рисунок — это композиция из треугольников и квадратов или проходящая по темному полю светлая зигзагообразная линия.

При изготовлении своих кийизов отдельные мастерицы используют красители, вошедшие в употребление лишь недавно и

расширившие цветовой диапазон орнаментального оформления войлоков. Так, кресты и мелкие треугольники окрашены в красный цвет, нашедший применение в изделиях многих современных мастеров¹.

На протяжении веков в народном декоративно-прикладном искусстве Карачаево-Черкесии мастерами использовались несколько древних мотивов, устоявшихся и ставших канонами.

Широкое распространение в Карачаево-Черкесии получило искусство художественной обработки камня. Еще в эпоху раннего железа (конец VII в. до н. э.— IV в. н. э.) значительное развитие получила мелкая пластика — изображение фигур или голов животных, игравшие роль амулетов, способствовавших по тогдашним повериям удаче в делах. Уже в этот период, судя по находкам археологов, мастерство скульпторов достигло на территории области сравнительно высокого уровня. Одни из предков карачаевцев, жившие в верховьях Кубани и Зеленчуков, оставили образцы своего скульптурного искусства. Искусство ваяния было известно (также в домусульманский период) и адыгам. В основном это были каменные статуи.

Искусство ваяния, так как это было искусство изобразительное, было убито исламом. На смену ему пришла резьба по камню.

Первое время — в период распространения и упрочения мусульманской религии — в решении формы и декора сынташа чувствовалось влияние Востока, в первую очередь Турции. Но постепенно восточные каноны были творчески переработаны.

В архитектонике сынташа это проявилось прежде всего в переходе от традиционной формы — монолитного прямоугольника с закругленной верхней частью — к форме более сложной. Все чаще стали встречаться и различные выемки в монолите, и расчленение основного прямоугольника на отдельные мелкие части, и решение надгробия в виде комбинации прямоугольного основания с покоящимся на нем каменным шаром и т. п.

Фантазия резчиков Карачаево-Черкесии проявилась и в формировании орнаментальных элементов сынташа. Традиционный декор надгробного камня, как известно, состоит из вязи, образуемой арабскими письменами и особенно орнаментом.

Непременные компоненты декора — многоконечная звезда и появившийся позднее нее полумесяц. Характерная для более старых образцов манера исполнения отличается лаконичной, графической резьбой, глубокими выемками, подчеркнутым контрастом.

Постепенно техника становится более тонкой, гораздо детальнее прорабатываются элементы декора, в лепке орнамента появляется присущая скульптуре многоплановость.

¹ Кийизы Халимаг Хасановой из аула Кумыш, Разият Бархозовой из аула Учкулан и др.

Сам орнамент строится на растительных мотивах. Арабские письмена на поздних надгробиях подверглись значительной стилизации, образуя близкие орнаменту композиции. Чаще всего надпись располагалась на центральной и верхней частях камня, а орнамент обрамлял ее идущей по краю окантовкой. Карачаевские мастера иногда подчеркивали отдельные элементы композиции подкраской, благодаря чему орнаментальное оформление некоторых надгробных камней отличается своеобразной выразительностью.

Присутствовали в художественном решении надгробия и элементы изобразительного искусства, что, видимо, объясняется пережитками язычества у народов Карачаево-Черкесии. На задней стороне камня наносились изображения различных предметов. На мужских надгробиях обычно изображено оружие, на женских — необходимые в быту предметы: ножницы, кувшин, гребень и т. п.

Как видим, на земле Карачаево-Черкесии имелись ростки изобразительного искусства. Однако они остались неразвитыми из-за пагубного влияния ислама.

Большим мастерством отличались черкесские ювелиры. Ремесленники-ювелиры изготавливали различные бытовые предметы, детали конской сбруи, оружие, женские украшения, различные застежки, пряжки и т. п. Здесь, на первых порах, можно усмотреть элемент подражательства знаменитым дагестанским мастерам, чьи произведения попадали в Карачаево-Черкесию в небольшом количестве, но постепенно все более четко проявляются особенности, присущие творчеству местных ювелиров. Это, в частности, отсутствие изощренной «вязи», подчеркнутый лаконизм декоративного решения, преобладание в орнаменте геометрических мотивов.

Важную роль в формировании и развитии искусства орнаментизации сыграли и мастерицы шитья золотом и серебром (этим видом народного искусства занимались исключительно женщины). Шитьем издавна украшалась одежда, головные уборы, обувь, седла, воинское снаряжение (например, футляры для стрел и лука), различные сумочки и покрывала.

Золотое шитье абазин и черкесов отличает тонкий вкус, лаконизм. Орнамент наносится тонкими линиями, образующими четкий, тщательно скомпонованный узор.

Весьма распространены у ногайских золотошвеек сочетания тонких линий с орнаментальными элементами иного характера — аппликацией из материала, близкого цвету ниток. Контраст больших цветных пятен аппликации с тонкими, изящными линиями шитья рождает своеобразную, довольно-таки эффектную композицию. Таковы, например, нарукавники женского платья работы Муратхан Наймановой из аула Икон-Халк Адыге-Хабльского района.

Карачаевское шитье основано на тщательно разработанной

композиции из ритмически повторяющихся растительных мотивов. К примеру, мастерица из аула Кызыл-Октябрь Зеленчукского района Айшат Татаркулова строит декоративное оформление карачаевского женского платья из двух параллельных полос на передней части платья, образованных повторяющимися растительными мотивами. По нижнему краю платья и рукавов проходят орнаментальные полосы из тех же элементов.

У ногайцев распространена резьба по дереву. Ею покрыты и кровать, и ногайский диван (урундук), и сундук (сандык).

Весьма характерна ногайская кровать, значительно отличающаяся от известных нам образцов. Делается она с перилами и решетками, окружающими ее с трех сторон. Низкие ножки переходят в высокие столбики, увенчанные круглыми маковками. Кровать завешивается пологом (шемылдык) довольно сложного покроя. К навесу, часто коленкоровому, крепятся с четырех сторон боковые части, одна из которых разделена надвое, образуя «вход». «Шемылдык» в корне связан с институтом избегания. Декоративное оформление его образуется аппликацией из шелка и войлока, располагаемом обычно на передней части полога. В орнаментальных мотивах преобладают геометрические фигуры — треугольники, круги, ромбы, сочетающиеся с тонкими полосками, а также и стилизованный растительный орнамент, но это — реже.

Значительным достижением декоративно-прикладного искусства ногайцев было изготовление музыкальных инструментов. Наибольшее распространение получил кобуз — смычковый инструмент, состоящий из корпуса и шейки (майын). Помимо широко распространенной резьбы, кобуз покрывался орнаментом, образуемым медными гвоздиками с плоскими головками. Вообще говоря, декоративное оформление кобуза довольно-таки разнообразно. Очень часто применялись для этой цели детали из меди: кольца (серьга), различной формы полоски (джерлеух) и колокольчики. Нередко на корпусе укреплялись оловянные украшения и небольшие кусочки зеркала.

Большое распространение получили резные детские игрушки (ортэкс), имевшие форму лошади, барана, козы, собаки и т. п. и укреплявшиеся на стержне. Дергая за шнур, продетый в отверстие в игрушке, можно было привести ее в движение. Обычно игрушки изготовлялись из дерева, но нередко встречались и комбинации из дерева, рога, кости, кусочков ремня и холста.

Фигурки животных можно найти не только в роли игрушек, но и в виде украшений различного рода, например, на хомуте. Одним из наиболее распространенных в Карачаево-Черкесии промыслов издавна было производство деревянной посуды — легкой, прочной и дешевой, вполне удовлетворявшей потребности горцев и особенно чабанов. Крайне просты инструменты, которыми пользовались мастера при изготовлении деревянной посуды.

Искусство резьбы по дереву — одно из наиболее развитых у народов Карачаево-Черкесии. Кроме посуды, из дерева изготовлялись многие другие необходимые предметы быта. Довольно примечательны карачаевские люльки-качалки, стоящие на четырех покоящихся на дугах ножках. Декоративное оформление люльки весьма лаконично, что вполне соответствовало спартанскому образу жизни горцев в целом и воспитанию детей в частности. Наряду с этим горцы Карачаево-Черкесии изготовляли довольно красивые корзины самой разнообразной формы. На их изготовление употреблялись прутья различных деревьев, но чаще всего вербы. Плетение корзин — это уже «монополия» мужчин.

Все народы области достигли высокого уровня мастерства в изготовлении одежды. Отдельные элементы платья горцев, особенно мужского, получили довольно широкое признание и распространение и за пределами Кавказа, в частности, на юге России. У донских и кубанских казаков северокавказское платье, претерпев минимальные изменения, превратилось в национальный костюм¹. Как мужское, так и женское платье разных народов области имеет много общих черт. Впрочем, это характерно для всего Северного Кавказа.

При изготовлении одежды (чем в основном занимались женщины) встречались несколько видов декоративно-прикладного искусства. Это и шитье золотом или серебром, и художественная обработка металлов (металлические пуговицы, газыри, детали пояса и пр.), и резьба по рогу. Резьба по рогу, получившая наибольшее распространение у черкесов, была одним из значительных достижений искусства области. На изготовление различных бытовых предметов, деталей оружия и конской сбруи, газырей и других деталей одежды шел в основном коровий рог. Очень ценился рог тура. Изделия из рога нередко покрывались резным орнаментом, основанных чаще всего на растительных элементах. При всем родстве основных черт в изготовлении одежды проявлялись и нюансы, характерные для какого-то одного народа области. Так, скажем, металлические детали одежды работы абазинских мастеров отличаются более тонкой проработкой декоративных элементов, ювелирностью техники исполнения. Как бы мала ни была, например, пуговица на женском платье, узор, нанесенный на нее, впечатляет. Наиболее наглядно эти качества выявляются в орнаменте, состоящем из растительных мотивов. Здесь присутствует элемент большого творчества, проявляющийся, в частности, в грамотном, оригинальном композиционном решении, знании материала, безупречной технике исполнения.

Обработка металлов — это, кстати говоря, вид народного промысла и прикладного искусства, получивший наибольшее

¹ Это касается мужского платья.

распространение среди абазин. Издавна славились абазинские кузнецы и шорники, в совершенстве владевшие своим ремеслом. Предметы, изготовленные ими, охотно покупались и жителями других районов Карачаево-Черкесии.

Бурное развитие и коренное качественное преобразование искусства народов Карачаево-Черкесии приобрело после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Знаменательным оказалось рождение профессионального национального искусства. По ряду причин, в основном из-за влияния ислама, Карачаево-Черкесия до революции не имела своего профессионального изобразительного искусства. Появление карачаевского живописца Ислама Крымшамхалова (1864—1910) — исключительное событие, оказавшееся возможным благодаря счастливому стечению обстоятельств: пробуждению незаурядного личного дарования художника под непосредственным влиянием и помощью выдающегося русского художника Н. Ярошенко, часто гостившего у Ислама в Теберде. Искусство И. Крымшамхалова занимает достойное место в истории искусства нашего края.

С первых же дней утверждения Советской власти начала разворачиваться во всю ширь и глубину социалистическая культурная революция. Огромное значение вопросам культурного строительства придавал В. И. Ленин. В работе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» он писал: «После решенной задачи величайшего в мире политического переворота перед нами стали иные задачи — задачи культурные...»¹. И далее: «Задача подъема культуры — одна из самых очередных»².

Искусство повернулось лицом к народу и перестало быть привилегией небольшой кучки людей, как это было до революции. Народ получил возможность развивать свои творческие способности, духовно обогащать свою жизнь.

В 20—30 годы формируется советская национальная интеллигенция, зарождается самобытная художественная литература на национальных языках. Это были первые этапы коренных преобразований в Карачаево-Черкесии, и на решение самых насущных задач требовалась мобилизация всех сил и ресурсов.

В те трудные годы невозможно было глубоко разработать и осуществить программу локального характера — активизацию развития народного декоративно-прикладного искусства Карачаево-Черкесии. Задачей первоочередной важности являлась ликвидация сплошной неграмотности. Напомним, что в начале 20-х годов на сто жителей области приходилось лишь 5—6 грамотных. Расширялась сеть школ ликбеза, росло количество ликпунктов. Партия не жалела на это важнейшее дело ни сил, ни средств. Наряду с сугубо просветительными заведениями появи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 168—169.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 169.

лись и кружки художественного творчества, рукоделия, руководителями которых были местные комсомолы и учителя.

Трудно было ожидать в этот период кардинальных перемен в области декоративно-прикладного искусства. Народные мастера — каменотесы, кузнецы и резчики по дереву, ковровщицы и ювелиры работали в одиночку, удовлетворяя плодами своего ремесла нужды семьи или отправляясь со своими изделиями на базар.

В 30-е годы в Карачаево-Черкесии начали создаваться небольшие артели, объединяющие мастериц золотого шитья и изготовления шерстяных изделий. Изучением народного искусства занимались профессиональные мастера. В 1931 году в Черкесию и Карачай были направлены для организации Домов народного искусства специалисты.

Крупным событием в культурной жизни всего края явилась состоявшаяся в Ростове-на-Дону в 1931 году «Олимпиада культуры и искусства народов Северного Кавказа». На этом смотре творческих сил развивающихся народов достижения не всех областей выглядели равноценно. Если Северная Осетия и Дагестан были представлены весьма многочисленными произведениями своих народных мастеров и профессиональных художников, то Карачаево-Черкесия могла представить изделия лишь нескольких народных умельцев. На фоне сравнительно больших успехов, достигнутых республиками Средней Азии, особенно Закавказья, Олимпиада выявила множество пробелов и слабых мест в развитии изобразительного искусства автономных республик и областей Северного Кавказа, в частности Карачаево-Черкесии. Этот смотр помог наметить пути устранения недостатков и реализации тех потенциальных творческих сил народа.

В послевоенное десятилетие многие традиционные художественные промыслы получили значительное развитие. Несмотря на трудности, связанные с восстановлением промышленности и сельского хозяйства, жизнь народа постепенно улучшалась.

В конце 50-х годов выделялось своей популярностью изготовление тоновых и красочных ковров из войлока и его комбинаций с другими материалами. Причем стало заметным обогащение орнаментальных мотивов, составивших декоративное оформление. Так, карачаевские и ногоайские мастерицы стали нередко применять такие символы, как голуби, пятиконечные звезды, иногда вводили обобщенное изображение животных, чаще всего барана и тура.

В 1957 году, в дни празднования 400-летия добровольного присоединения Карачаево-Черкесии к России, в областном центре была организована выставка достижений народов области в различных видах искусства.

Представили свои произведения и народные мастера декоративно-прикладного искусства. У посетителей выставки заслуженным успехом пользовались великолепные кошмы и разнообраз-

ная деревянная посуда, ювелирные изделия и изысканное золотое шитье. Все это наглядно свидетельствовало о неистощимости родника народных талантов, об одаренности горских мастеров, о тяге народа к прекрасному, о желании принести в свою жизнь, в будни как можно больше эстетических элементов.

В 60-е годы систематически проводились городские и областные выставки произведений народного творчества наряду с показом работ профессиональных мастеров. Вели активную творческую жизнь, систематически участвовали в городских и областных выставках мастера старшего поколения художников-прикладников: Муратхан Найманова, Айшат Татаркулова, Кулистан Боташева, Харламий Мацукатов и многие другие.

В начале 70-х годов в области выдвигается ряд молодых перспективных мастеров декоративно-прикладного искусства. Это — чеканщики Билял Узденов, Хабиб Абазалиев, Али Хашхожев, Алексей Дорунов; резчики по дереву Магомед Даутов, Александр Игнатков, Тамерлан Гозюмов и Нина Ахмедова; самобытный мастер художественной обработки войлока Разият Бархозова, одаренные керамисты Михаил Литвинов, Сергей и Надежда Чомарян; мастера деревянной мозаики Сергей Нашев и Мухамед Хутов; кружевница Софиаз Каппушева.

Появление группы молодых мастеров совпало с зарождением, а иной раз и с возрождением некоторых видов декоративно-прикладного искусства, не развивавшихся в Карачаево-Черкесии никогда или давно забытых. Это, в первую очередь, касается деревянной мозаики («маркетри»), керамики, различного рода рельефных деревянных панно и крупномасштабных ковано-чеканных изделий.

Влияние времени отразилось и на формировании мироощущения художников, их восприятию окружающей действительности. Наряду с традиционными, унаследованными от предков символами, все шире стали применяться орнаментальные мотивы, навеянные современностью, «подсмотренные» у нашей действительности. Смелее стало использоваться изображение человека и всего живого или соответствующих символов, что, кроме прочего, в известной мере объясняется и устранением влияния религиозной идеологии (в данном случае мусульманской), запрещавшей, как известно, изображение живого существа или тождественного ему символа.

За последнее десятилетие художественная жизнь области заметно оживилась, наступила пора плодотворного развития изобразительного искусства. Достаточно сказать, что только за последние восемь-девять лет в областном центре разворачивались экспозиции больших и весьма представительных областных художественных выставок произведений профессиональных художников и народных мастеров, в том числе посвященные пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции (1967 г.), столетию со дня рождения В. И. Ленина (1970 г.)

и пятидесятилетие национальной автономии народов Карачаево-Черкесии (1972 г.). Эта выставка продемонстрировала возросшее мастерство как профессиональных художников, так и некоторых народных мастеров декоративно-прикладного искусства и самодеятельных художников.

Уже сейчас сформировалась группа художников, достаточно известных за пределами области и представляющих изобразительное искусство Карачаево-Черкесии на краевых, зональных, республиканских и всесоюзных выставках. К их числу прежде всего относятся члены Союза художников СССР М. Чомаев, А. Гречкин, И. Аков, а также Н. Крицкий, Ф. Марков, А. Власенко и другие.

Дальнейшее развитие получили богатейшие многовековые традиции народного декоративно-прикладного искусства и ряда близких ему ремесел. Мы уже говорили, что на всех областных выставках, наряду с произведениями профессиональных художников, демонстрировались пользовавшиеся большим успехом изделия народных мастеров. Особо следует отметить великолепное золотое шитье М. Наймановой, замечательные войлочные кийзы С. Боташевой, Х. Мамчуевой и Х. Хасановой, художественное шитье Е. Ерохиной, пластичную деревянную посуду резчиков из Преградненского района и Теберды, изделия искусных рукодельниц из села Хасаут-Греческого и аула Кызыл-Октябрь.

В то же время творческие успехи отдельных мастеров не должны заслонить того факта, что, начиная с пятидесятых годов, развитие народного искусства приняло, в известной мере, однобокий утилитарный характер, пошло вширь, а не вглубь. В области обработки шерсти основное место заняло изготовление вязаных изделий. Немало их (причем превосходных экземпляров) можно было увидеть и на упоминавшихся выше выставках. Однако чаще на базарах можно встретить изделия низкого эстетического уровня. Деревянная посуда нередко имитирует посуду промышленного производства. Люльки не всегда удачны — покрываются не местной оригинальной резьбой, а известной росписью «под Хохлому». В то же время радуют глаз прялки, кийзы и некоторые другие виды декоративно-прикладного искусства, что говорит о больших потенциальных возможностях народных мастеров.

Народное декоративно-прикладное искусство Карачаево-Черкесии нуждается в неотложной действенной помощи. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» следует осуществить систему определенных мероприятий. Возможностей здесь немало.

Прежде всего, как нам кажется, необходимо провести глубокое изучение богатейших традиций народного искусства в различных его видах. Это приведет к определенным выводам и рекомендациям на сегодняшний день.

Резьба по камню в былые времена развивалась как изготовление надгробных камней с вырезанными на них арабскими письменами и орнаментальными мотивами. Ныне благодатное поле деятельности для резчика-архитектора во всем ее прикладном многообразии. К сожалению, возводящиеся на территории области здания и сооружения в целом стереотипны. Их можно было бы обогатить национальным оригинальным оформлением.

Кстати, орнамент может находить новое применение не только в архитектуре, но и в местной промышленности. По-видимому, имеет смысл организовать при райбыткомбинатах сувенирное производство, с учетом того, что горы Карачаево-Черкесии привлекают большое количество туристов, а какой же турист без сувенира! Привлеченные к этой работе лучшие из народных умельцев не только изготавливали бы произведения декоративно-прикладного искусства в духе народных традиций, но и передавали бы эти традиции молодому поколению мастеров, а не уносили бы с собой свои ремесленные секреты. Здесь, как говорится, работы непочатый край.

Богатые и многогранные художественные традиции народов Карачаево-Черкесии, уходящие корнями в глубь веков, являются ценным и своеобразным вкладом в общую сокровищницу многонационального искусства нашей страны. В то же время эти традиции служат надежным фундаментом и неиссякаемым источником национальной школы профессионального искусства.

Последнее десятилетие стало временем его очень интенсивного и плодотворного роста, первых значительных успехов живописцев, графиков, профессиональных мастеров декоративно-прикладного искусства.

Профессиональное искусство Карачаево-Черкесии развивается как искусство социалистического реализма, одухотворенное великими ленинскими идеями народности, партийности, яркой национальной самобытности.

VIII. РОЛЬ НАРОДНЫХ РЕМЕСЕЛ В НОВОМ БЫТУ ГОРЦЕВ

Сохранившиеся до наших дней памятники истории и культуры горцев свидетельствуют о том, что у них существовало самобытное народное творчество, которое являлось непосредственным источником материальных и духовных ценностей. Народное творчество аккумулировало в себе все достижения культуры и представляло сложившиеся веками черты и особенности традиций и обычаев. Оно играло важную роль и в воспитании трудящихся масс.

Среди населения существовали своеобразные неписаные

моральные принципы и требования к подрастающему поколению. Согласно этим принципам сравнительно рано приобщалось подрастающее поколение к труду, воспитывалось в нем трудолюбие, уважительное отношение к результатам труда старшего поколения. Обычно мальчиков с малых лет занимали посильным трудом в скотоводстве, земледелии, а девочек — обработкой шерсти, шитьем, вязанием и т. д.

Различные мотивы и элементы национальной орнаментики в народном творчестве отражали идеалы, взгляды и убеждения, радость и горе горского населения в различные исторические периоды. Мастерницы изображали в своих ручных изделиях различные исторические события. Например, мастерница на циновке изобразила обезумевшую мать, у которой феодал отнимает ребенка для продажи в рабство.

Помимо отображения реальных исторических событий, в изобразительном искусстве большое место занимали элементы и мотивы, связанные с различными поверьями и древними культурно-магическими представлениями, языческими верованиями. Так, с прочностью петли для бурки связывалось представление горцев о счастье мужчины. Поэтому петлю изготовляли из кожи и пришивали так, чтобы она крепко держалась до износа. Отдельные элементы мотивов о животных, вводившиеся в качестве украшений, имели различные смысловые значения. Им приписывались не только магическая сила предохранения от злых духов, но и способность вызывать обилие продуктов, богатство и человеческое счастье¹.

В условиях социализма организация художественного воспитания горского населения стала государственной задачей. Заботами партии и правительства с первых же лет Советской власти в области была создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений, организована внешкольная форма обучения населения. В каждом населенном пункте области открывались специальные курсы, кружки и школы для обучения представителей местного населения грамоте, художественному творчеству, кройке, шитью, вышиванию, вязанию на чулочных машинах, а также тканью ковров с применением мотивов национальной орнаментики. Как указывал В. И. Ленин, каждое учебно-просветительное учреждение, каждое предприятие страны в то время становились звеном гигантской воспитательно-просветительной системы, которая на основе отбора прогрессивных традиций национальной культуры могла обеспечить победу культурной революции среди горцев. Многочисленные мероприятия создали условия для воспитания у горцев способностей глубже понимать и оценивать красоту природы, общественной жизни, труда, произведений искусства.

В настоящее время почти в каждом ауле, станице, городе

¹ Адыгейский народный орнамент. Майкоп, 1960, с. 9.

проживают умельцы народного искусства, которые изготавливают различные изделия для себя и своей семьи.

Эти люди способны создавать произведения народного искусства. Их усилия необходимо использовать для возрождения того или иного вида ремесла местного населения и на основе бурно развивающейся науки и техники способствовать дальнейшему его развитию.

Одним из главных видов народных ремесел горцев, которые желательно возродить в связи с общественными потребностями и интересами местного населения, является производство изделий из дерева, камня и кости. К сожалению, искусство народной резьбы по камню, дереву и кости почти угасает. Все реже встречаются мастера, способные работать в традиционной манере. Резьба по дереву несколько сохраняет свое значение. Деревянная посуда удобна в передвижных хозяйствах, ее любят за легкость, прочность и красоту.

Заслуживающим внимания видом народного ремесла является шитье золотом. Для развития этого вида производства в современных условиях имеются все условия. Необходимо лишь уделить этому вопросу внимание и проявить заинтересованность.

Неизбежной принадлежностью курортного быта давно стали традиционные войлочные шляпы, женские шапочки, украшенные шнурками и бантиками, теплые свитера, джемпера из полушерстяной ткани разных цветов ручной вязки и мн. др. Эти изделия из шерсти имеют широкое распространение и спрос среди народов области, и в особенности среди туристов.

Представители как старшего, так и современного поколений с сожалением относятся к прекращению производства национальной формы одежды — черкески и ее атрибутов. Мастерская в а. Псауче-Дахе по производству национальной формы одежды не удовлетворяет спрос и потребность местного населения. Она функционирует в основном для изготовления женской и мужской национальной формы одежды по заказам различных коллективов художественной самодеятельности, а народы области хотя и видят эти формы в продаже наравне с другими видами современной одежды¹.

Советский социалистический строй за годы своего существования внес глубокие изменения в характер городского и сельского строительства. Зажиточная жизнь и социальная обеспеченность народов области позволяет строить удобные, светлые дома, которые по своему красивому оформлению и удобному внутреннему убранству как нельзя лучше удовлетворяют культурно-бытовые потребности населения, воспитывают у него чувство нового и возвышенного. Вместе с тем вся обще-

---

¹ См. Материалы этно-социологического исследования КЧНИИ. Черкесск, 1974, № 9, с. 32; № 12, с. 40.

ственность области обращает свое внимание на то, что архитекторы, разрабатывающие проекты новых многоэтажных домов, далеки от использования элементов национальной архитектоники. Мало применяются опыты мастеров камнерезного производства и богатство местного строительного материала. Применение и сочетание богатой национальной архитектоники с современным строительством устранил однотипность строящихся в современных условиях жилых и служебных домов, обеспечит моральное и эстетическое удовлетворение трудящихся.

Народы Карачаево-Черкесии проявляют интерес к использованию национальных музыкальных инструментов для дальнейшего развития своей музыкальной культуры. Трудящаяся масса желает видеть национальные музыкальные инструменты в профессиональных ансамблях и самодеятельных кружках художественной самодеятельности. В а. Псауче-Дахе создана мастерская, которая, к сожалению, недостаточно производит национальные музыкальные инструменты. В прошлом такие инструменты в области были достаточно разнообразны (скрипичные инструменты, флейты, ударный инструмент, большие и малые бубны). Широкое применение они имеют в братских республиках Кавказа. И в нашей области следует использовать национальные музыкальные инструменты и опыт старшего поколения в исполнении на них национальных мелодий и песен.

В настоящее время во многих семьях городского и сельского населения, культпросветучреждениях имеются классические музыкальные инструменты (пианино, скрипка, баян, аккордеон, гитара и т. д.). Песни и мелодии народов области исполняются на этих инструментах. Применение классических музыкальных инструментов говорит о широком размахе песенного творчества народов области, его обогащении достижениями других народов СССР. Однако нельзя пренебрегать и национальными музыкальными инструментами, без их применения песни и мелодии «ежу» не сохраняют своего национального колорита.

Народы области проявляют интерес к дальнейшей подготовке специалистов, способных обработать народные песни, использовать самое ценное в национальной культуре в сочетании с лучшими традициями музыкального творчества всего советского народа.

В пропаганде песен народов области большую роль сыграет созданный при Карачаево-Черкесском областном комитете по радиовещанию и телевидению инструментальный ансамбль, в состав которого входят аккордеон, гитара, контрабас, кларнет, саксофон и ударные инструменты. Главная его цель — пропаганда музыкальной культуры народов области¹. Участники эстрадной группы «Абазинка» своим умением и мастерством

¹ «Ленинское знамя», 30 августа 1974 г.

исполнения художественных померов, в особенности абазинских песен, снискали заслуженное уважение у тружеников города и деревни.

В Карачаево-Черкесии различными организациями и учреждениями проводится работа по изучению и дальнейшему развитию народного творчества местного населения.

Работниками областного краеведческого музея собрано более 12 тыс. экспонатов. Эти бесценные реликвии народного творчества являются богатым материалом для дальнейшего изучения и выявления эстетической ценности и художественного достоинства того или иного вида народного промысла и ремесла горцев. Сотрудники музея совместно с этнографами научно-исследовательского института, хорошо понимая то, что быстро уходят из жизни памятники старины, вновь и вновь отправляются в поиски для выявления памятников народного зодчества, сбора историко-бытовых предметов с орнаментикой и музыкального и поэтического фольклора. Участниками экспедиции в аулах Карт-Джурт, Учкулан собраны 95 уникальных предметов, большинство из которых датируются прошлым столетием¹. Ей удалось найти инструменты для обработки дерева, резную деревянную посуду и утварь работы мастеров Муссы Хапаева, Муштрая Чотчаева, Сагида Бостанова.

Впервые экспедицией обнаружены два ларя, сделанные без единого гвоздя. Их украшение тонкой художественной резьбой свидетельствует о высоком эстетическом вкусе. Найдены два ковра, изготовленные на основе применения старинных традиций: один с икструстальным узором (мастерица Марсият Бостанова), второй с аппликативным узором, с изображением родовых карачаевских тамг (мастерица Захрет Айбазова, а. Карт-Джурт). В одной семье обнаружена праздничная и повседневная одежда традиционного покроя из ткани домашнего производства с использованием золотого шитья².

Постановление Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов» предусматривает, что Советы Министров союзных республик, а также министерства и ведомства СССР должны обеспечить всемерное развитие народных художественных промыслов: миниатюрной живописи, росписи по дереву, резьбе по камню и кости, художественной обработки металлов, ручного изготовления ковров и декоративного узорного ткачества, строчевышивания, кружевоплетения и др., имея в виду максимальное удовлетворение спроса населения и гостей на эти изделия.

В настоящее время в нашей области, как и по всей стране, проводится большая работа по восстановлению и дальнейшему

¹ «Ленинское знамя», 24 августа 1974 г.

² См. Материалы этно-социологического исследования КЧНИИ, 1974, № 19, с. 31.

развитию народных художественных промыслов. Еще в 1968 году создано областное местное промышленное объединение. В ряде районов области функционируют филиалы этого объединения, которые с учетом особенностей национальных аулов и необходимости дальнейшего развития художественного мастерства местного населения специализируются по изготовлению изделий народных промыслов для нужд населения.

В частности, Учкуланская ковровая фабрика, активно привлекая местное трудоспособное население, занимается производством ворсового ковра, паласа машинной обработки, носков, шапочек и т. п. Наблюдается привлечение и использование мастерства представителей местного населения как надомников. В Карачаевском и Малокарачаевском районах организована работа по изготовлению сувениров «каштан», «черешня», «вишня», «смородина» и т. д.

В области еще недостаточно развивается народное искусство¹. Облместпромобъединению с его филиалами большую трудность причиняет доставка сырьевого материала из других городов нашей страны. А богатый, местный и дешевый сырьевой материал недостаточно используется. Например, при самой Учкуланской ковровой фабрике имеются все возможности для производства пряжи, которая доставляется ей из других городов страны. Производство такой пряжи положительно скажется на экономике фабрики, создаст возможность обратиться к национальным традициям народного творчества. При использовании местного сырья облместпромобъединение могло бы перенять опыт народных мастеров в аппликации по коже. Домашняя обувь с национальным орнаментом могла бы стать ценным сувениром в нашем курортном крае.

В целом местная художественная промышленность недостаточно использует имеющиеся условия на местах, нерационально использует хранителей и носителей прогрессивных традиций народного художественного искусства.

Развитие художественных народных промыслов требует изготовления и применения нестандартного оборудования и инструментов. Для разрешения этого вопроса следует руководствоваться постановлением Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов», которое предусматривает возможности улучшения материально-технического снабжения народных промыслов необходимым оборудованием, сырьем и материалами. Это связано с тем, что производство тех или иных изделий художественных промыслов осуществляется не в обычном понимании. Здесь требуется высокий вес ручного труда, в процессе которого происходит частая смена декоративного оформления и отделки.

¹ Текущий архивный материал Карачаево-Черкесского исполкома областного Совета депутатов трудящихся, 1974.

Поэтому при планировании такого производства необходимо организовать экспериментальные лаборатории и творческие группы по разработке новых видов изделий и совершенствованию технологических процессов производства художественных изделий.

Необходимость возрождения и восстановления художественных промыслов и сама специфика производства на таких предприятиях неизбежно выдвигает задачу подготовки кадров для этой сферы деятельности. Для реализации этой социально важной задачи Министерству просвещения СССР и Советам Министров союзных, автономных республик и исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся предложено, начиная с 1968—1969 учебного года, ввести обучение учащихся на уроках труда в общеобразовательных школах приемам изготовления художественных изделий.

Другой важной стороной разрешения вопроса о возрождении того или иного вида художественного промысла народов области является создание специализированных и фирменных магазинов в областном и районных центрах нашей области с тем, чтобы художественные изделия дошли до потребителей. В связи с этим необходимо подготовить в специальных учебных заведениях и профессионально-технических училищах товароведов и продавцов, которые в состоянии будут реализовать изделия художественных промыслов.

Предприятие Советом Министров СССР меры, объективные потребности общества и интересы со всеми народами страны и народов Карачаево-Черкесии дают полное основание для возрождения различных видов художественных промыслов. В частности, миниатюрной живописи, росписи по дереву, резьбы по камню и кости, художественной обработки металла, ручного изготовления ковров и декоративного узорного ткачества, строчевышивания, кружевоплетения, обработки кожи и возрождения издавна прославившегося седельного производства и многих др.

Выполнение всего комплекса указанных мероприятий обеспечит возрождение и оживление народного творчества, создаст условия для более глубокого и внимательного изучения всего культурного наследия — основного и главного источника сложившихся веками национальных особенностей, традиций и обычаев горцев.

Нет народа, который не имел бы своей культуры. И нет такой национальной культуры, которая не имела бы своей истории и особенностей традиций. Так и культура народов области, в частности, их народное творчество, уходит в глубокую древность и обладает прогрессивными чертами. Как и любая национальная культура, она обязательно содержит в себе элементы интернациональной, общечеловеческой культуры.

Возродить производство того или иного вида художественного народного творчества не означает держаться за старое,

архаическое. Как говорил В. И. Ленин, «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством»¹. Необходимо поваторство, умелое сочетание лучших национальных традиций прошлого с новыми традициями нашего социалистического общества.

Путь к национальному возрождению проходит не через национальную ограниченность и обособленность, а через утверждение интернационального в национальном. При оценке наследства культуры того или иного народа не следует упускать классовую позицию. То есть культурное наследие, в частности искусство того или иного народа, должно оцениваться с классовых позиций, с позиции утверждения в нем интернациональных начал.

Советское многонациональное искусство принадлежит всем нациям и народностям нашей страны. В нем выражены самобытные художественные идеалы, представления о трудовом, творческом призвании советского человека, о его патриотизме и красоте жизненных стремлений. Искусство каждого народа сохраняет поэтическую свежесть национального колорита, оно глубоко коренится в животворной почве народной жизни. Социалистическое содержание советского искусства, воплощаясь в соответствующей ему художественной форме, определяет меру национального своеобразия в искусстве, отбирает в самом процессе творчества те особенности труда, быта, культуры, эстетических взглядов, которые выражают прогрессивную, революционную, интернациональную сущность советского искусства.

IX. ОТМИРАНИЕ СТАРЫХ И УТВЕРЖДЕНИЕ НОВЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ В БЫТУ

Коренным преобразованиям в общественном быту и культуре народов Карачаево-Черкесии, происшедшим за годы Советской власти, соответствуют и глубокие прогрессивные изменения в развитии их национальных обычаев и традиций. Такое развитие, как показывает практика и научные исследования, осуществляется на пути создания и укрепления всеобщих для всех народов СССР советских общественных традиций и соответствующей им советской гражданской обрядности.

Возникнув в первобытном обществе, обычаи и традиции в течение многих столетий претерпели существенную трансформацию. С разложением первобытнообщинного строя и появлением классов многие обычаи и традиции стали наполняться классовым содержанием. Исходя из своих интересов, господствующий класс стремился либо сохранить отдельные обычаи

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 542.

и традиции или их элементы, либо преобразовать их в определенном направлении, либо изжить их. В отдельных случаях некоторые подлинно народные обычаи и традиции стали выдаваться как творение господствующей верхушки.

Представители господствующих классов в своих интересах использовали такие народные обычаи, как гостеприимство, взаимопомощь, уважение старших и т. д. Особой опорой эксплуататорских классов была религия, которая, глубоко проникнув в быт, оказывала значительные влияния на народные обычаи и традиции. Более того, многие религиозные обряды и традиции, по своей сути реакционные и антинародные, выдавались за народные, национальные.

С переходом общества к социализму происходит формирование новой пролетарской культуры, основанной на прогрессивных элементах народной культуры, на демократических традициях пролетариата. В. И. Ленин указывал, что это «развитие лучших образцов, традиций, результатов *сущестующей* культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»¹.

Современное состояние обрядов, обычаев и традиций народов Карачаево-Черкесии еще в известной степени характеризуется сохранением в среде некоторой части людей пережитков прошлого. Они реально существуют и, порой, активизируясь под влиянием религиозных и других отсталых элементов общества, мешают нашему движению вперед в деле коммунистического воспитания трудящихся.

Наиболее прогрессивные традиции прошлого и их элементы, отвечающие новым социалистическим общественным отношениям, новому советскому образу жизни, нашли благодатную почву для своего развития в нашей стране и, в частности, в нашей области. Вместе с развитием обычаев и традиций, проникнутых интернационализмом, изживаются реакционные и архаические обряды и обычаи, не отвечающие нормам коммунистической морали. Современное состояние обычаев и традиций характеризуется и другим существенным процессом: изменившиеся условия быта порождают и совершенно новые обычаи и традиции.

Проблема труда — одна из важнейших в материальной и духовной культуре каждого народа — широко представлена и в культуре народов Карачаево-Черкесии, в их обычаях, обрядах.

В целом ряде обрядов и обрядовых церемоний нашли отражение трудовые традиции народов, связанные с их представлениями об идеалах человека труда.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 462.

Имеются в виду обряды, связанные с началом и завершением сельскохозяйственных работ, с выездом на горные выпаса, с выходом на сенокос и т. д.

Многие положительные обряды, полные народных воспитательных элементов, заслуживают тщательного изучения и при необходимости возрождения. Естественно, при этом их необходимо наполнить социалистическим содержанием. Схожие трудовые праздники существуют у всех народов нашей страны. Так обстоит дело и с ногойским праздником «Сабантой», с черкесскими и абазинскими обрядами, связанными с земледельческим трудом.

Эти обряды имели глубокое эстетическое и морально-этическое значение. Так на черкесский обряд первой борозды, карачаевский обряд выхода на сенокос и другие участники выезжали на место предстоящих работ со всем необходимым снаряжением и питанием. Они объединялись в супругу (у карачаевцев — «чалкъынчы джыйын», своеобразный «кооператив косарей»), в которой могли быть пахари или косари одной семьи, фамилии, рода, квартала («тийире» — у карачаевцев и ногойцев, у черкесов — «хьаблэ», клядыпв — по-абазински), селения. Всеми работами руководил тамада (вакӀуэ тхьэмадэ — тамада пахоты, джыйын тамада — тамада коллектива). В его обязанности входило: организация высокопроизводительного слаженного труда и веселого отдыха, организация питания, поощрение отличившихся, наказание провинившихся и т. д. Отдых сопровождался театрализованными представлениями. В числе действующих лиц — народный певец-импровизатор с музыкантами, ряженный в маску козла (у черкесов — джэгуакуэ, ажыгъафэ, у карачаевцев — аксакал, теке) и другие участники танцев, игр, всевозможных спортивных соревнований, соревнований по бегу, конным скачкам, борьбе и т. д.

Эти обряды, бытовавшие еще в конце 30-х годов, незаслуженно забыты. О необходимости их возрождения справедливо говорилось на областной научно-практической конференции «Новым обрядам — широкую дорогу», проведенной Карачаево-Черкесским обкомом КПСС в 1972 году. Разумеется, ряд элементов из традиционных обрядов уже не соответствует современному уровню экономического и культурного развития наших сел. Однако в основе этих обрядов немало полезного и рационального.

Трудящимся горцам, как и всем советским людям, присуще глубокое уважение к труду, бережливое отношение к трудовой копейке. Труд и трудолюбие всегда были единственным источником жизни трудового народа, источником жизни простых горцев. «Люди знали, — говорит 69-летний пенсионер из аула Псыж Кишмахов Джига, — что сколько труда приложишь к земле, столько от нее и получишь...»¹, и это действительно так.

¹ Материалы ЭСИ КЧНИИ, 1974, № 16, с. 3.

До Октябрьской революции трудящийся горец поливал потом буквально каждый клочок земли, тем более, что беднякам доставались самые каменистые участки.

У живущих в высокогорных районах карачаевцев эти «клочки земли» назывались «устукку джер», т. е. кусочки земли среди скал и камней. Известные этнографы Г. Ф. Чурсин, В. М. Сысоев и другие, отмечая тщательное и любовное возделывание этой земли карачаевцами, писали: «Каждый вершок земли добыт потом и кровью человека. Внушительные курганы собранных в кучу камней, напоминающие египетские пирамиды — вот молчаливые свидетели великого труда, вложенного в каждую пядь земли»¹.

Также трудно жилось трудящимся черкесам, абазинам, ногайцам, русским и всем другим беднякам области.

Поэтому-то на службу сбережению и развитию трудовых традиций и поставлены буквально все институты духовной и материальной культуры народов Карачаево-Черкесии. В теме труда фольклора отражается многообразие народных промыслов, самый характер народного труда, тяжелого и подневольного, придается большое значение воспитательной роли труда, подчеркивается, каким почетом пользуется у народа хороший труженик. Это отражено в фольклоре народов Карачаево-Черкесии, в частности, в пословицах и поговорках. Таковы: «шилемеген-тишлемез» — карачаевская и «ислемеген-тислемес» ногайская («кто не работает, тот не ест»); «Уламжъэмэ, лыжь пшхыцц, умылажъэме лажъэ бгъуэтыцц» («Будешь работать, будешь хорошо мясо есть, не будешь работать — беду наживешь») — черкесская; «Иихауа йчуан гымцырахум» («Кто работает, у того котел не бывает пустым») — абазинская.

Старинные горские обычаи взаимопомощи всегда объединяли людей труда, давая им почувствовать силу своего единства², общности интересов, воспитывая в молодежи борцов с природной стихией и общественным злом. Этим целям служили и все остальные трудовые традиции народов Карачаево-Черкесии.

Новые советские трудовые обряды — посвящение в рабочие, чествование передовиков производства, трудовые юбилеи и т. д. стали предметом заботы партийных и общественных организаций Карачаево-Черкесии. Вместе с тем материалы исследований показывают, как сильно отстают во внедрении новой советской трудовой обрядности аулы и станицы от городов области и края. Они же свидетельствуют о том, насколько актуально и безотлагательно усиление этой работы.

¹ Г. Чурсин. Поездка в Карачай. ИКОРГО, 1916, т. 23, в. 3, с. 249; его же, Экономическая жизнь Карачая. «Кавказ», 1900, № 305.

² «В единстве бодрость» («Бирликде — тирилик») — говорит, например, карачаевская поговорка.

Гостеприимство, как одна из нравственных норм народов области, относится к разряду древних обычаев. Обрядность, связанная с обычаем гостеприимства, подверглась трансформации, обрела новое качество, как и трудовая обрядность.

Социалистическая действительность выработала новые нравственные нормы общения людей, в которых широко представлены и современные законы гостеприимства.

Если в прошлом степень почетности гостя, его место за столом определялись его сословной принадлежностью, то теперь степень почетности определяется его боевыми, трудовыми заслугами перед Родиной, народом. Нередко за одним столом можно встретить знатного хлебороба и ученого, рабочего и артиста и т. д. Их всех объединяет общность интересов.

В наши дни обычай гостеприимства вышел за рамки личных и семейных отношений. В условиях советской действительности гостеприимство, свободное от пережиточных элементов прошлого, способствует укреплению братских уз между людьми, различными народами, обмену достижениями в области экономики, науки, культуры и т. д. Яркими примерами этого могут служить дружественные интернациональные связи людей на производстве, в общественной жизни.

Жизнь показывает, что социалистический строй способствует как возникновению и развитию новых традиций, так и процветанию лучших прогрессивных национальных традиций прошлого. Характерной чертой новых традиций гостеприимства в быту является то, что, сохраняя национальную специфику, они развиваются благодаря творческому общению народов Карачаево-Черкесии с другими народами. К числу новых традиций, глубоко вошедших в быт, принадлежат дни и декады литературы и искусства. Эти декады литературы братских республик в нашей области, а также декады литературы, искусства народов Карачаево-Черкесии в различных городах нашей Родины (Москве, на Херсонщине, Волгограде, Ленинграде и др.) и за рубежом (Польше, Венгрии, ГДР), это приезд в гости к школьникам г. Черкесска дагестанского поэта Расула Гамзатова, композитора Александры Пахмутовой, это встречи друзей-фронтовиков, героев труда и т. д. Перед ними гостеприимно распахиваются двери, гостей ведут в передовые колхозы, совхозы, на предприятия, демонстрируют перед ними трудовые достижения, социалистический достаток, интернациональное единство трудовых коллективов. Мудрая народная пословица гласит: «Дружба не знает границ». Тесные узы дружбы связывают рабочего-карачаевца, врача-черкеса, инженера-абазина, поэта-ногайца с их коллегами из болгарского города-побратима Пештеры.

Отмечая все то хорошее, что унаследовало гостеприимство из прошлого и чем обогатилось в наши дни, мы не должны

проходить мимо извращений обычая гостеприимства. К сожалению, приходится отметить и такие явления, когда, прикрываясь святостью обычая гостеприимства, некоторые оказывают всевозможные почести бывшим изменникам Родины в годы Великой Отечественной войны, приехавшим к нам в качестве иностранных туристов. Нельзя умолчать и о той уродливой стороне гостеприимства, когда между людьми устанавливается искусственное общение с точки зрения «необходимости человека на сегодняшний день». Нужна мобилизация общественного мнения на борьбу с подобными извращениями обычая гостеприимства, следует добиться того, чтобы это рассматривалось как проявление чуждой нам идеологии и нравственной беспринципности.

Воплотив в себя все лучшее от традиционного обычая, гостеприимство в наши дни прониклось новым содержанием, стало важным моментом в укреплении дружбы между народами, в подъеме экономики, обогащении культурного наследия каждого из них.

Одним из важных обычаев прошлого является традиция уважения к старшим. Уважение это выражалось во всем многообразии жизни. Горский этикет предусматривал целую систему взаимоотношений молодежи со старшим поколением: «оказывать почтение любому старшему, вставать при его появлении, уступить ему место, не садиться без его разрешения, не вступать первым в разговор со старшим, не перебивать его речи, с почтительным уважением выслушать мнение старших и с их позволения коротко и ясно отвечать на вопросы, не курить при них, не показываться старшим в непристойном виде и т. д.»¹. И вся система воспитания была направлена на то, чтобы вызвать в детях с самого раннего возраста соответствующие целям воспитания желания, стремления, потребность вести себя определенным образом и подчинить его способам такого воспитания.

Все вышеизложенные нормы поведения молодежи являются неписанным правилом и в современном семейном и общественном быту. Но основаны они не на беспрекословном повиновении, как это обычно бывало раньше, а соблюдается под влиянием авторитета старших, когда рождается потребность в самовоспитании, в стремлении выработать у себя те качества и черты, какие особенно высоко оценивает в других людях, в тех, кого он считает для себя нравственным эталоном. И очень важно, чтобы таким эталоном нравственности становились самые близкие люди — родители, старшие, ибо «несоблюдение правил поведения со стороны старшего может служить причиной неуважительного отношения к нему самому»². Долг каждого родителя состоит в том, чтобы наличие или отсутствие положительных

¹ МЭСИ КЧНИИ, № 12, 22, 23

² МЭСИ КЧНИИ, № 7, 11, 22.

качеств стали предметом оценки окружающих, чтобы от этого зависело реальное положение ребенка в кругу семьи, его эмоционального благополучия.

Одной из характерных особенностей семейно-брачных отношений у народов Карачаево-Черкесии была целая система запретов и избеганий. Это запреты и избегания между молодой невесткой и родителями, родственниками мужа, между мужем и родителями, родственниками жены, и, наконец, между самими супругами¹. В настоящее время они (там, где еще соблюдаются) сохраняются как дань уважения к старшим (несоблюдение этих обычаев рассматривается ими как результат невоспитанности) и носит чисто условный характер.

Строгие взаимоотношения устанавливались в прошлом между родителями и детьми. Молодые родители не имели права в присутствии старших ухаживать за своими детьми, брать их на руки, приласкать, называть их собственными именами. Если мы внимательно проследим за пожилыми людьми в возрасте 55 и более лет, то, как правило, у них по два имени: одно, данное при рождении, другое — имя, которым называла его мать, не имея права называть его собственным именем (например: Хамзат — Плату; Джыба — Плата; Хаджыат — Баба и т. д.). Дети также не имели права называть своих родителей при живых бабушках и дедушках «папа», «мама», называли их по именам или «невестка» (келип — карач.; нысэ — черк.; атаца — абаз.; келин — ног). И потому очень отродно отметить те огромные изменения, которые произошли в семье. Полностью изжито неравное отношение к рождению мальчика и девочки. Дети с момента рождения окружены постоянной заботой не только родителей и всех членов семьи, но и общестственности. Современные аулы нельзя представить без детских яслей и садов. В них создаются хорошие условия для детей. Колхозники тратят значительную часть семейного бюджета на приобретение продуктов детского питания, детской одежды, книг, игрушек. Современные родители уделяют большое внимание школьным занятиям своих детей, прививают им с детских лет трудолюбие, поддерживают их спортивные интересы. Воспитывается в детях также и уважительное отношение к старшим.

В воспитании детей, в отличие от прошлого, значительно повысилась роль матери. В семье большое внимание уделяется личному примеру родителей. Важным моментом в воспитании детей остается стремление привить детям любовь к труду, Родине, моральные устои. Большую работу в этом направлении выполняют школы, производственные ученические бригады.

Многие устаревшие обряды, от которых следовало бы давно отказаться, бытуют до наших дней. Например: «калым», «берне», «сый», «нысатын», обряд избегания невесткой родителей,

¹ Подробнее см. Я. С. Смирнова. Обычаи избегания адыгейцев и их изживание в советскую эпоху. «Советская этнография», 1961, № 2.

старших родственников («намыс сакълау», «темыхъэн», «квнам-шырла», «кашув»), поселение невесты и жениха в «другом доме» и т. д.

В борьбе со старым, отжившим идет постепенное становление современных свадебных обрядов. Эти обряды должны соответствовать нашей советской действительности, нашему образу мышления.

Много новых, положительных черт возникло в горской свадьбе в советское время. Современные свадьбы в применении обрядовых действий стали проще, а в иных случаях некоторые действия совсем исключены. В настоящее время молодые люди в вопросах вступления в брак в большинстве случаев самостоятельны. Теперь обоюдный выбор вступающих в брак является выражением общности взглядов, дружеских отношений, любви, основанных на равноправии. Современная девушка в отличие от прошлого участвует в общественном производстве наравне с мужчиной, что обеспечивает ей полную независимость и позволяет самостоятельно решать вопросы будущей жизни. Добрачные отношения молодых людей отличаются сдержанностью, а в некоторых случаях и строгостью. Воспитанные с детства сдержанности, строгому отношению к собственным действиям, современные юноши и девушки придерживаются их и в период брачного возраста.

Современной свадебной обрядности карачаевцев, черкесов, абазин и погайцев характерно приспособление старых форм проведения свадьбы к современным требованиям.

Свадьба обставляется целым рядом обрядов и ритуалов. Причем некоторые из них возникли в глубокой древности, а другие начинают возникать в настоящее время. Например, остатком дислокального поселения молодых следует считать раздельное поселение невесты и жениха до проведения свадьбы. При поселении невесты в отдельном доме, здесь, до перевода ее в дом жениха, устраиваются танцы, игры, где собирается молодежь аула. Как заметили, от традиции поселения молодых в «другом доме» постепенно начинают отказываться. Свободнее стали держать себя женихи, они теперь могут и сами помогать в подготовке и проведении свадьбы. В этом отношении очень упростили обычай «скрывания» жениха в «другом доме» у погайцев. Жених, поселив невесту в «другом доме» или же приведя ее в собственный дом, живет свободно у родителей. Начинает упрощаться обычай «скрывания» и у других народов области. Например, у черкесов, накануне свадьбы, вечером невесту из «другого дома» везут в дом, где поселился жених. Здесь собирается молодежь, проводятся танцы, игры. Затем все садятся за стол. За праздничный стол, вместе с гостями, сажают жениха и невесту. Такого явления в прошлом не было. Это пример формирования новой обрядности в процессе отмирания старой.

Изменилась форма регистрации брака в загсе. За последние годы в нашей области по торжественному оформлению этого обряда накоплен немалый опыт. Форма регистрации в Домах культуры, в клубах, в сельсоветах стала ярче, торжественнее. В аулах Псыж, Хабез, Икон-Халк, Бесленей, с. Учкеек при регистрации брака присутствуют представители райисполкома или сельсовета, партийных, комсомольских органов.

Традиционный свадебный обряд претерпевает существенные изменения. Одни элементы вводятся, другие исключаются или, не оправдав себя, забываются. Некоторые сохранившиеся старые обряды нередко наполняются новым содержанием.

Никто не станет возражать, например, против таких элементов старинной свадебной обрядности, как «орайда» — песни-экспромты, в центральные, кульминационные моменты; участие зазывал (оюнчу, джэгуагуэ, джъагафа, бақыранык), которые веселым юмором, шуткой организуют массовое веселье, игры, танцы, соревнования борцов, силачей по поднятию тяжестей, состязания конников, певцов.

Какие же моменты при вступлении в брак, проведении свадьбы изменились или изменяются? Прежде всего здесь следует отметить брачный возраст. Согласно источникам, в прошлом брачный возраст для девушек определялся в 13—14 лет, для юношей с 16 лет¹.

Выдача девушек замуж в раннем возрасте объяснялась экономическими причинами: с одной стороны, на девушку смотрели как на товар, который нужно скорее и выгоднее сбыть (девушка в 20—25 лет считалась «старой девой» и могла выйти замуж только за вдовца, за мужчину с физическими недостатками, за старика); с другой стороны, стремились приобрести в дом даровую рабочую силу. Вопрос был связан с присущим всем горским народам, выкупом невесты — «калымом». В состав калыма входили скот, сено и т. д. Определяющим моментом, разумеется, были деньги. Размер его зависел от социального и имущественного положения сторон. В среднем для всех народов области у высшего сословия размер калыма доходил до 2000 рублей, а низшего — от 50 до 100 рублей.

В отличие от прошлого вступление в брак в настоящее время очищается от груза обветшалых обрядов. Взаимная любовь молодых, поддерживаемая их родителями, — вот основной критерий создания новой семьи. Молодые люди вступают в брак, достигнув узаконенного государством брачного возраста. Брачный возраст современной девушки, как свидетельствуют этно-социологические исследования, в среднем колеблется от 18 до 25 лет, юноши — от 20 до 30 лет. Вступающие в брак обычно имеют уже среднее образование, специальность, прошли службу в Советской Армии, окончили учебное заведение.

¹ См. Ф. И. Леонтович. Алаты кавказских горцев, т. II, Одесса, 1882; С. В. Фарфаровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис, 1909.

Отличительной чертой современности является рост числа смешанных браков¹. Этнические различия, так называемые «межрелигиозные барьеры», в современных бракосочетаниях потеряли былое решающее значение. В прошлом вступление в брак с людьми иной религиозной веры строго каралось адатом и шариатом. В иных случаях и в настоящее время люди старшего поколения препятствуют женитьбе на «иноверках» и выходу замуж за «иноверцев». Однако молодые люди мало прислушиваются к таким запретам. Следует отметить, что в городе, особенно среди интеллигенции, процент межэтнических браков несколько выше, чем в селе.

Почти изжиты ранее встречавшиеся у народов Карачаево-Черкесии левиратная и сороратная формы брака. Левират — это вступление мужчины в брак с вдовой брата. Сорорат — выход замуж девушки за овдовевшего мужа сестры. Обе формы брака были вызваны в прошлом экономическими причинами. Теперь не осталось основания для их существования.

Исчезла форма так называемого «колыбельного сговора». Эта форма брака, когда родители новорожденных детей между собою договаривались об обязательном брачном союзе их при достижении ими брачного возраста.

В настоящее время гражданский обряд бракосочетания прочно утвердился при создании новой горской семьи. Однако, в некоторых случаях, после гражданской регистрации брака прибегают и к его религиозному оформлению (неках). Молодежь в своем большинстве к «некаях» абсолютно равнодушна. Но это не дает еще повода к успокоению. Встречаются еще некоторые молодые юноши и девушки не достаточно принципиальные в этом вопросе. В аулах находятся люди, с отсталым сознанием, пытающиеся религиозную форму бракосочетания выдавать за законно национальную форму бракосочетания. В этом отношении необходима постоянная принципиальная разъяснительная работа о реакционности и вреде религиозного культа, никогда не имевшего ничего общего с самобытной формой национальной культуры. Для изживания подобных вредных заблуждений, нужна организация торжественной регистрации брака и комсомольской свадьбы.

Самым отрицательным являются встречающиеся еще в нашей жизни «калым», «берне», «насатын», «сый», о чем уже говорилось выше. Бытование их вызывает справедливое возмущение у большей части населения.

Обычаи и традиции народов Карачаево-Черкесии в современных условиях освобождаются от чуждых народу наслоений, преобразуются на социалистической основе и продолжают свое развитие в составе единой многонациональной культуры нашей страны.

¹ Подробнее по этому вопросу см. Я. С. Смирнова. «Национально-смешанные браки народов Карачаево-Черкесии», «СЭ», 1967, № 4.

Х. ОХРАНА РОДНОЙ ПРИРОДЫ В ТРАДИЦИЯХ И БЫТУ НАРОДА

Составной частью богатого этнического наследия народов Карачаево-Черкесии, как и других народов нашей страны, является их традиционное бережное отношение к родной природе. Родная природа является драгоценным достоянием народа. Жизнь и развитие народа неразрывно связаны с окружающей его географической средой.

Трудовой народ издревле составлял одно неразрывное целое с окружающей его природой. Он жил ее дарами и относился к ней как к кормилице. Вместе с тем он не ограничивался утилитарным подходом к природе, а возвышался до ее эстетического восприятия и художественного отражения. Природа рассматривалась каждым народом как неиссякаемый источник материальных и духовных богатств.

Народы Карачаево-Черкесии обладают богатыми экологическими традициями, имеют на вооружении разнообразные духовные средства, методы и приемы воздействия на расхитителей природных богатств.

Замечательным памятником народного творчества, в то же время действенным средством пропаганды охраны окружающей среды, являются легенды, пословицы и поговорки народов области, в которых поэтически воспевались горы, рощи, реки, выразилось эстетическое отношение к животным.

В фольклоре горцев олень представлялся носителем добра и счастья, спасителем погибающих, предсказателем опасности, подстерегающей человека. Для счастья семьи оленьи рога часто прибывали на стенах дома. Да и теперь в карачаевских аулах над крышей дома нередко вырезается из жести фигура оленя.

Потомственные животноводы, проводившие всю свою жизнь среди гор, на пастбищах, обычно внушали молодежи бережное отношение к окружающей природе. Если человек с детства воспитывался в любви к природе, он не оставался равнодушным к ней и в зрелом возрасте. Гуманность, свободолюбие, миролюбие и приветливость — эти черты характера горца складывались десятилетиями и сотнями лет, в значительной мере благодаря гармоничному слиянию человека с природой, когда пастухи-животноводы всю свою жизнь проводили в горах и ощущали на себе благотворное влияние этой природы.

Родная земля предков в естественном великолепии, со своим богатством — лесами, лугами, дикими животными, по древним горским традициям, должна была всегда оберегаться, чтобы сохраниться для будущих поколений.

«Горы не только наши, а и для тех, кто еще придет после нас», — говорили старики. «Та земля лучше, где ты родился, а не та, где ты кормился» — эта народная мудрость подтвержда-

ет любовь к Родине, к родной природе. Как птицы летят в ту сторону, где у них были раньше гнезда, и где они выводили птенцов, как рыбы возвращаются в реки, в которых они появились на свет, так и горцы стремятся в горы, потому что там они родились, там вспоили их прозрачные бурные реки, там леса и луга, где проходили детство и юность, там же сакли и могилы родных.

«Родная земля — рай и вода в ней лучше всякого меда» — в этой горской поговорке отражается все то горячее чувство, которое владеет человеком, глубоко привязанным к своим родным местам. Может ли такой человек нанести вред природе? Нет, он всегда ее будет оберегать всеми своими силами.

Горцы любили свою землю, свои горы. Есть поговорка «Душа горца — в горах». Среди горцев было немало настоящих защитников природы. Известный в нашей области революционер Саид Халилов, житель аула Верхняя Теберда, создавший в Карачае первую коммунистическую ячейку, а позже погибший от белобандитской пули, активно участвовал в работе Общества по охране природы, созданном еще в дореволюционный период. Он и в этом Обществе старался использовать легальные возможности для борьбы с царским самодержавием.

В наши дни Карачаево-Черкесское отделение Всероссийского общества по охране природы насчитывает 78 тысяч членов, которые активно участвуют в мероприятиях, способствующих сохранению и восстановлению родной природы (озеленение территории городов и сел, охрана флоры и фауны и т. д.). Из общего числа членов Общества 32 тысячи взрослых и 46 тысяч человек юношеского возраста. В области имеется 631 первичная организация Общества.

При обществе создан университет по охране природы с двухгодичным сроком обучения. Большое место в работе Общества занимает пропаганда идей охраны природы. За последнее время Общество развернуло активную борьбу за сохранение таких ценных древних пород, произрастающих в области, как облепиха и дикоплодные, которые подвергаются опасности уничтожения ввиду небрежного к ним отношения со стороны части населения (вырубание побегов, обламывание веток и проч.).

В нашей области немало достопримечательных мест, которые следует особо охранять. Это, к примеру, реликтовая тиссовая роща на скале Шоана, крупная роща медвежьего ореха в районе аула Верхней Теберды, уникальная недавно открытая пещера в верховьях реки Б. Лабы, нарзанные источники, расположенные в разных долинах, в частности в районе Теберды и Домбая, и ряд других ценных объектов природы. Надо беречь от загрязнения Усть-Джегутинское водохранилище и так называемое «Черкесское море» — здесь имеются хорошие перспективы для обогащения их промысловой рыбой.

В Карачаево-Черкесии, да и вообще впервые на Кавказе, выращивается ценное лекарственное растение — женьшень, называемый «корнем жизни». Свыше двадцати лет он произрастает в Тебердинском заповеднике, причем выяснилось, что качество его в два-три раза выше, чем у зарубежного культивируемого женьшеня. Опыты по введению женьшеня в лесную флору также успешны: женьшень может произрастать в горных буковых лесах и без помощи человека, так же как и в тайге Дальнего Востока. Но это древнее растение третичного периода — оно живет на Земле более миллиона лет и на Кавказе выращивается впервые. Сейчас в лесах нашей области создаются первые промышленные плантации женьшеня и надо принять все меры, чтобы суметь сохранить и размножить в нашей области такое исключительно ценное растение. В Советском Союзе единственная промышленная плантация женьшеня существует пока только в Приморском крае. А Карачаево-Черкесская область теперь становится второй родиной этого удивительного по своим свойствам очень редкого реликтового растения.

В горных лесах нашей области встречаются и такие реликтовые растения, сохранившиеся от древней эпохи, как падуб колючий, лавровишня лекарственная, тис ягодный, рододендрон понтийский, черника кавказская и ряд других, которые следует взять на учет и особо оберегать как редкую в наших условиях природную ценность.

А гигантские пихты и ели в возрасте 400—500 лет, достигающие 40—60 метров высоты! Такие богатыри растут в Алибекском лесу и в Кизгычской долине Тебердинского заповедника и также являются реликтами. Своей физиологической зрелости эти деревья достигают лишь после тысячелетнего возраста. Недаром такие леса определяют как памятники природы.

Такие чудесные, почти нетронутые человеком уголки природы изредка еще встречаются кое-где в верховьях горных рек нашей области, например, Большой Лабы, Аксаута и некоторых других. Необходимо сохранить их от рубок, так как это один из «последних могилок» в лесах Кавказа.

Все ли у нас понимают значение этих памятников природы? К сожалению, нет. Некоторые ведомственные работники уверяют, что это перестойный лес, что с него выйдет хорошая продукция для дранки и т. д. И, может быть, только отдаленность этих участков и трудность транспортировки древесины и дали возможность сохраниться таким девственным уголкам природы в указанных местах.

Надо отметить, что среди растительного мира нашей области встречаются и немало эндемиков, растений, свойственных лишь определенной местности и не встречающихся в других географических районах. Только в заповеднике их насчитывается 186 видов. А такой вид, как примула почколистная, кроне

как в Тебердинской долине, пока нигде не была обнаружена вообще. Несомненно, что и эндемики подлежат особой охране.

Охрана природы в целом все в большей мере привлекает внимание советской общественности. В Советском Союзе, как и в других социалистических странах, созданы все необходимые предпосылки для охраны природы и расширенного воспроизводства природных ресурсов. Это прежде всего — государственная собственность на землю, плановость народного хозяйства и высокий уровень производительных сил. Свидетельством неустанной заботы КПСС и Советского государства является принятый в июле 1975 года закон об охране недр территории нашей страны.

Проблема охраны природы, разумного отношения к ней, проблема жизненной среды в настоящее время находится в центре внимания всей мировой общественности. По своей актуальности она стала «темой века». Человек, все более утрачивающий связь с природой, наконец-то понял, что без достаточного сохранения естественного равновесия в природе существование людского рода вообще немислимо.

Экологическое равновесие основано на объективных законах природы. Оно бывает разным, так как расчленяется на большое число составных частей, которые взаимодействуют одна с другой. А в целом все круговороты вещества и энергии на Земле сливаются в единый поток жизни. Стоит где-то нарушить одну часть природного сообщества, как это отзывается на всем природном комплексе. Если человек своими действиями вырывает из биогеоценозов (природных сообществ) отдельные виды растений и животных, он тем самым неизменно нарушает установленное равновесие. А это уже изменяет соотношение сил и существующий природный баланс.

На Земле постепенно изменяются ландшафты, сокращается численность растений и животных, бесследно исчезают все новые их виды, уменьшается площадь лесов, сокращается объем пресных вод и в целом, с нарушением природного равновесия, ухудшается состояние жизненной среды на планете.

Остро стоит вопрос об уменьшении площади лесов. Подсчитано, что за последние десять тысяч лет человечество уничтожило на Земле до $\frac{2}{3}$ лесной площади. Каким образом? Да разными способами: огнем, каменным и железным топором, а в последние годы — электропилой. Известный ученый А. Гумбольдт писал: «Человеку предшествуют леса, — его сопровождают пустыни».

А ведь лес не просто скопление деревьев. Это сложный организм, сообщество многих и многих существ, от почвенных бактерий и полезных грибков до молодой древесной поросли, травяного покрова и вековых деревьев-гигантов. Горская пословица говорит: «Дерево — страж земли».

Известно, что леса — это легкие нашей планеты. Зеленые

растения ежегодно пополняют кислородный запас атмосферы до 400 миллионов тонн. Однако потребление кислорода быстро растет и поглощают его не столько живые существа, сколько заводы, фабрики, автомобили, самолеты. Взамен они выбрасывают в атмосферу вредные газы.

Лес, словно пылесос, очищает воздух от пыли и углекислого газа, особенно в приземном слое воздуха до 50 метров. Один гектар леса в солнечный день поглощает из атмосферы 220—280 килограммов углекислого газа, а выделяет при этом не менее 180—220 килограммов кислорода. Насаждения парков и садов в городах освежают воздух, забирая с улиц углекислый газ и отдавая взамен кислород.

Но лес является и могучим аккумулятором влаги осадков. Если вода на открытой местности бесполезно уходит в реки, вызывая бурные паводки, то в лесу, впитываясь в почву, она равномерно питает речную сеть в течение всего года. «Уйдет вода — останутся только камни», — справедливо говорит карачаевская пословица.

Ставропольский край является одним из малолесных в нашей стране (лесистость его лишь 3,2%). Большая часть лесов края расположена в Карачаево-Черкесской автономной области и имеет большое водоохранное, почвозащитное и курортологическое значение. Все горные леса области отнесены к первой группе, где хозяйственные рубки запрещены или проводятся в очень ограниченных размерах. Но, к сожалению, на практике здесь наблюдается ряд систематических нарушений, благодаря большим плановым заданиям, отпускаемым в область и край из центра. А в горных лесах, ввиду крутизны склонов, даже сам способ заготовки и трелевки древесины имеет большое значение.

Вырубание горных лесов усиливает поверхностный сток талых и дождевых вод и вызывает иссякание водных источников. На обезлесенных склонах быстро развиваются процессы эрозии, уносящие почву, которая создавалась здесь тысячелетиями.

Горные леса на Кавказе, в частности в нашей области, играют важное значение как аккумуляторы влаги, особенно в связи с усилением таяния ледников. Роль лесов здесь будет увеличиваться с каждым годом. Следует принять все меры к уменьшению объема рубок в лесах области и недопущению возникновения лесных пожаров.

Не будет достаточно влаги или нарушится почвенный слой на полях, не будет и урожая. Вот почему столь велика роль леса, сохраняющего и влагу, и почву. Горцы это прекрасно знали и всегда оберегали лес.

В сельском хозяйстве нашего края всегда остро ощущался недостаток влаги. Поэтому проведение Большого Ставропольского канала, черпающего воду в нашей области из Кубани, а в ближайшем будущем — еще из ряда его притоков, имеет

очень важное значение для обводнения и орошения степных районов края.

Серьезное опасение вызывает быстрое уменьшение на планете ряда представителей животного мира. Лишь за исторический период исчезло на Земле более ста видов зверей и 136 видов птиц.

До настоящего времени, к сожалению, всюду остается еще такое зло, как браконьерство. Борьбу с ним ведут государственные органы охотничьего, рыболовного, лесного надзора, общественные инспектора и активисты обществ охраны природы. Но ущерб браконьеры наносят до сих пор еще довольно ощутимый.

В Карачаево-Черкесской автономной области проблема охраны природы, как и в других местах нашей Родины, стоит очень остро. Здесь и вопросы сбережения лесов — изменение объема рубок и изменение способов заготовки и трелевки древесины на крутых склонах, и вопросы неумеренного выпаса на горных пастбищах, когда при несоблюдении норм выпасаемых животных резко усиливаются процессы эрозии, и необходимость мер по озеленению наших городов и сел, где еще слабо берегаются искусственные насаждения, и борьба с браконьерством — злостным врагом наших диких животных, и борьба с запрещенными приемами уничтожения рыб и проч. Браконьеры — враги природы — убивают также особо охраняемых зверей и птиц ради своей наживы или безразличия.

Наша область широко славится красотой своих ландшафтов, своими природными богатствами, имеющими большое эстетическое значение. Поэтому с каждым годом растет число туристов и экскурсантов, посещающих Теберду, Домбай, Архыз и другие замечательные уголки наших гор. С открытием Домбайского, а затем и Архызского комплексов баз отдыха, туризма, альпинизма, спорта число туристов и экскурсантов в области, несомненно, резко увеличится и в ближайшие годы достигнет не менее полумиллиона. Такой массовый наплыв людей со стороны выдвигает уже теперь определенные задачи по регулированию этого потока в отдельные места, такие как Теберда и Домбай, и по проведению ряда мер, оберегающих уникальную природу наших гор.

Загрязнение мусором посещаемых природных участков, порча деревьев, уничтожение кустарников (например, рододендронов) и цветов, вытаптывание лесных площадок, отчего нарушается возобновление леса и трав, неосторожное обращение с огнем, вызывающее иногда гибель огромных лесных массивов, разорение птичьих гнезд и муравейников, нарушение покоя диких животных — все это, к сожалению, встречается у нас и на сегодняшний день и вызывается неправильным отношением людей, прибывших отдохнуть «на природе» или совершить туристический поход в горы.

В нашей области в 1935 году, по решению ВЦИКА РСФСР, организован Тебердинский государственный заповедник.

Заповедники, по определению, существующему в Законе по охране природы РСФСР, представляют собой такие участки и объекты природы, «территории которых навечно изымаются из хозяйственного использования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях». Заповедники следует рассматривать как эталоны природы, где все естественные процессы протекают без влияния деятельности человека. Здесь в наиболее полной мере должно существовать то естественное равновесие в природе, о котором говорилось выше. Заповеднике наиболее строго оберегаются природные богатства.

Однако условия Тебердинского заповедника специфичны: сюда, в этот чудесный уголок нашей страны, еще до его организации, устремлялись тысячи туристов. За последнее время число их достигает 300 тысяч в год. С целью сохранения природы значительная часть территории заповедника закрыта для массового посещения туристов (исключая группы, идущие с научными, познавательными или учебными целями). Здесь разрешается проходить лишь по строго определенным маршрутам, без разведения костров и при условии соблюдения ряда мер, сохраняющих установленный заповедный режим.

Благодаря принимаемым мерам по сохранению заповедного режима, заметно повысилась верхняя граница леса, более чем на тысячу гектаров заросли древесной порослью когда-то вытравленные скотом лесные поляны, в несколько раз увеличилось число диких промысловых зверей и птиц по сравнению с дозаповедным периодом, а также усилилась концентрация диких животных.

Для развития широкого туризма необходим более строгий режим охраны природы, чем в заповеднике. С этой целью в настоящее время обсуждается вопрос об организации крупного Народного парка, который по своей территории будет в несколько раз больше существующего здесь заповедника.

Такой Народный парк предполагается организовать в пределах нашей области в верховьях рек Большая Лаба и Большой Зеленчук, возможно с присоединением к нему в дальнейшем и горных районов за пределами области и края по южную сторону Главного Кавказского хребта (в пределах горной части Краснодарского края и Абхазской АССР).

Однако вопросы охраны природы не снимаются с повестки дня и в условиях Народного парка. Наоборот, внимание к ним должно лишь усилиться. Речь идет о показе туристам более широких природных объектов в более благоприятных для туризма условиях посещения красивейших мест Кавказа, в частности, в нашей области.

Однако среди части туристов, особенно молодежи, наблюдается какое-то легкомысленное, если не сказать порой преступное

отношение к природе. Выезжая «на природу», как иногда говорят теперь горожане, они безжалостно замусоривают участки, выламывают ветки, бросают непогашенные костры. Идя по лесу, такого рода туристы обычно пускают на полную мощность свои транзисторы, не ощущая, что лесные звуки — шорох листьев, пение птиц, журчание ручья или вообще таинственная тишина глухих уголков природы полны своеобразной прелести, которую они, городские люди, не так уж часто встречают в своей жизни.

Видимо, здесь сказывается неправильное воспитание с малых лет, когда ребенка не останавливают, если он пытается оборвать крылышки у бабочки и жука или когда подросток безжалостно бьет по птицам из рогатки, и вместо осуждения видит иногда даже поощрение у взрослых. Но плохо и простое равнодушие к природе: человек вреда вроде бы и не приносит, однако сердце у него совсем не лежит к тем таинствам леса и луга, мимо которых он проходит с полным безразличием.

Хорошим обычаем у многих людей является зимняя подкормка птиц крошками хлеба или крупой возле своих жилищ. Такие зимующие у нас птицы, как синицы, поползни, дрозды, снегирь и другие, в суровые снежные зимы очень нуждаются в человеческой помощи.

Надо приучать наших детей заботиться о диких животных. Ведь звери и птицы — это наши «младшие братья» в мире, и оказание помощи им в трудное для них время облагораживает человека. Но, к сожалению, известны и другие случаи, когда люди делают зло животным. Такие недобрые посетители вольер Тебердинского заповедника иногда бросают в животных палки и камни, ломают рога доверчиво подходящему оленю, пытаются нанести зверям боль лишь для того, чтобы поразвлечься. Долг каждого честного человека остановить этих людей и добиться их наказания.

Воспитание детей и юношества должно быть направлено на понимание необходимости гармоничного сочетания интересов человека и природы: природа обогащает людей своей красотой, свежестью и разнообразием, а человек помогает ей, защищает от врагов, восстанавливает и, если надо, преобразует природу.

Охрана окружающей среды — дело большой всенародной, общегосударственной важности. Еще в первые годы Советской власти, по инициативе В. И. Ленина, был принят ряд законодательных мер по охране природы. Среди них закон «О лесах», декреты «Об охране памятников природы, садов и парков», «О регулировании рыбного промысла», постановления Совнаркома о сроках охоты, запрещающие весеннюю и летнюю охоту, также охоту на лосей и проч.

В. И. Ленин был учредителем и первых заповедников в нашей стране. В молодой Советской республике первыми заповедниками стали Астраханский, организованный в 1919 году местными руководителями при личной поддержке В. И. Ленина, и

Ильменский (на Урале), декрет об учреждении которого в 1920 году подписал сам Владимир Ильич.

Важность дела охраны природы отмечена и в решении XXIV съезда КПСС. В Программе партии имеется пункт, где говорится, что «большое внимание будет уделено охране и рациональному использованию лесных, водных и других природных богатств, их восстановлению и умножению».

Теперь во все народнохозяйственные планы нашей страны особо вносятся мероприятия, связанные с охраной природы.

В ряде педагогических институтов и университетов в настоящее время вводится для изучения новая дисциплина — «Охрана природы», в учебниках по биологии для средних школ усилен раздел по охране природы и во многих школах уже поставлено изучение природоохранительных мероприятий.

Охрана природы — это не только народнохозяйственная проблема, но и проблема культурно-историческая, и педагогическая, ставящая задачей воспитание у подрастающего поколения бережного отношения к родной природе в духе патриотизма, и эстетическая, облагораживающая человека при общении с тем прекрасным, что дает природа. Наконец, охрана природы — проблема политическая. Еще Карл Маркс говорил о том, что в коммунистическом обществе должна быть гармония человека и природы. Строя его, нельзя забывать, что оно мыслится не только как общество высшей справедливости, но и как общество, которое находится в окружении великолепной, полной изобилия природы.

К сожалению, человек, особенно горожанин, в значительной мере оторвался от природы, частью которой он сам является, и уже не умеет органически войти в нее, а это лишает его подлинно радостного восприятия жизни, даваемого только природой.

Человек, как блудный сын в известной притче, потерял ключи от родного дома и хотя он пытается вернуться в свой дом, тайна единства его с природой нарушена, и теперь нужно приложить огромные усилия, чтобы восстановить гармонию между человеком и природой. Такая задача по плечу лишь людям нового общества.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев подчеркивает: «Бурный рост науки и техники делает особенно актуальной вечную проблему отношений между человеком и природой... Построив новое общество, мы воплотили в жизнь многое из того, о чем могли лишь мечтать предшественники научного социализма. Но природа не утратила для нас своей огромной ценности и как первоисточник материальных благ, и как неиссякаемый источник здоровья, радости, любви к жизни и духовного богатства каждого человека»¹.

Мы должны сохранять уважение перед природой, как перед

¹ Л. И. Брежнев. Пятьдесят лет Великих побед социализма. Политиздат. М., 1967, с. 33.

грандиозным миром красоты естественной жизни на нашей планете. Чтобы природа не теряла свою прелесть, надо вернуть ей утрачиваемое с каждым годом естественное равновесие.

Слова Карла Маркса, что «каждое поколение должно оставлять своим наследникам землю более щедрую, чем получило от своих отцов», напоминают нам о необходимости повседневной заботы о целостности природы и улучшения той среды, в которой живем мы с вами, люди Земли.

XI. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ УСТАРЕВШИХ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИИ

Преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении людей, ликвидация отживших традиций, обычаев и привычек, всего того, что мешает формированию коммунистического облика советского человека, являются важнейшей задачей идеологической работы на современном этапе коммунистического строительства. «Новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого», — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV партийному съезду¹.

Выполнение этой благородной и ответственной задачи требует объединения усилий партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников, участия в этом деле ученых, учителей, врачей, специалистов всех отраслей народного хозяйства и культуры, творческих работников.

Отмечая значение борьбы с пережитками прошлого в сознании и поступках людей, XXIV съезд КПСС подчеркнул, что «Это дело требует постоянного внимания к себе партии, всех сознательных сил нашего общества»². Выполнение этой задачи требует систематической и целеустремленной работы. В ряде населенных пунктов Карачаево-Черкесии было немало примеров рождения новых, хороших традиций, ценных начинаний. В некоторых селениях области проводилась интересная воспитательная работа в кружках и клубах горянок. Ценную помощь в борьбе против пережитков прошлого стали оказывать советы аксакалов.

Но этой работе не хватало систематичности. И добрые начинания, не подкрепленные систематической и целенаправленной работой, стали постепенно угасать. Новый обряд не становится обычаем и традицией сам по себе, без целенаправленной работы.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. Политиздат, М., 1971, с. 84.

² Там же, с. 206.

Отличительной чертой социализма, как социальной системы, является организация всех сторон жизни на научных основах, планомерность всех действий государственных и общественных органов всего общества. Сама общественная природа социализма дает возможность с исключительной активностью воздействовать в интересах всего народа на любые социальные процессы.

Обычаи, нравы, традиции и привычки могут быть и прогрессивными, и реакционными. И для преодоления последних недостаточно лишь их критики, показа их негативного характера. Вскрытие исторических корней и социальной сущности этих традиций и обычаев имеет важное значение. Прежде чем ставить задачу по преодолению каких-либо обычаев и традиций, надо четко представить их социальную сущность, показать их реакционность, несовместимость с задачами коммунистического строительства.

Но решающую роль в их преодолении играет замена консервативных, реакционных обрядов и обычаев, и прежде всего порожденных или освященных религией, или сакционированных религиозной традицией, новыми, прогрессивными и подлинно народными. Они должны отражать социальные интересы всех трудящихся, по содержанию и по форме служить целям коммунистического строительства.

Это сложный и весьма длительный процесс, в ходе которого возможны и неудачи, если те или иные конкретные рекомендации недостаточно обоснованы или не учитывают конкретной ситуации, в частности этно-психологических особенностей того или иного народа. Около десяти лет тому назад, когда в Карачаево-Черкесии развернулась активная работа по внедрению новой свадебной обрядности, стали широко организовываться комсомольские свадьбы, то обнаружилось, что не всегда продуман свадебный ритуал, учитывающий психологию горских народов. Так, заимствуя многие хорошие, носящие по своей природе интернационалистский характер, элементы свадьбы молодежи русской национальности, организаторы первых комсомольских свадеб горской молодежи автоматически заимствовали и некоторые специфические обычаи русской свадьбы. Таков обычай, когда кто-либо из гостей провозглашает «Горько!», и молодожены в ответ должны поцеловаться. Мы не будем заниматься исследованием происхождения и природы этого обычая. Он является традиционным атрибутом свадьбы русских и украинцев. Но этот обычай не соответствует традиционному воззрению горцев.

И прав был преподаватель Карачаево-Черкесского педагогического института А. А. Катаев, когда в своей статье в областной газете «Ленинское знамя» писал, что механическое перенесение национального обряда одного народа на свадебную обрядность другого пользы не приносит, и даже, наоборот, может

скомпрометировать стремление преодолеть пережитки старой, шариатско-адатской свадьбы и замены ее новой. Так непродуманная деталь в значительной степени сводила на нет усилия организаторов новой свадьбы.

Если учесть, что эту неудачную деталь в своих осуждениях обыгрывали ревнители старины, станет ясным и понятным, почему кое-где еще немало противников новой свадебной обрядности и многие еще люди отождествляют шариатский брак «не-ках» с национальной свадьбой.

Неудачи ожидают и тех, кто не только пускает хорошие начинания на самотек, но и представляет дело внедрения в жизнь новой обрядности в виде единовременного энергичного акта, когда мобилизуются многочисленные ресурсы нашего идеологического арсенала и пускают их в ход, а затем забывают о необходимости постоянной поддержки этого начинания, контроля за ходом его развития.

Неправильно думать, что бытующие в течение длительного времени обычаи или традиции, не носящие явно антиобщественного характера, но противоречащие социалистическому образу жизни, можно преодолеть только чисто административными мерами.

Сейчас в Карачаево-Черкесии, как и в других автономных областях и республиках Северного Кавказа, остро стоит проблема преодоления мусульманской похоронной обрядности. Обряд погребения с участием эфенди (независимо от того, зарегистрирован он в качестве служителя культа или является самозванным) носит религиозный характер со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. После декабрьского (1974 года) Пленума Карачаево-Черкесского Обкома КПСС резко усилилась в области идеологическая работа, в том числе деятельность по преодолению религиозных пережитков. Особенно активизировались все формы и методы воспитательной деятельности в ходе реализации исторических решений XXV съезда КПСС, постановления ЦК партии «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» и других важнейших партийных документов последнего времени. Некоторые работники стали высказываться о безусловном запрещении вообще похорон по мусульманскому религиозному обряду.

Если последовать этому требованию, то нетрудно предвидеть его результаты. Это требование ошибочно и неприемлемо по ряду причин. Прежде всего, погребальная обрядность является составным элементом религиозного ритуала. В нашей стране существует полная свобода совести, гарантированная законодательным путем, в том числе и Конституцией СССР (статья 52). Эта статья обеспечивает свободу исполнения религиозных обрядов, а также свободу атеистической пропаганды. То есть, верующие и атеисты этой статьей Основного Закона Советского Союза уравниены в правах. Наше государство является первым

в истории человечества государством, в котором осуществлена на деле, а не просто декларирована, полная свобода совести всех граждан государства. И это великое завоевание социалистической демократии. Поэтому всякое посягательство на права верующих, отправляющих обряды и предписания культа (так же как и выступления против научно-атеистической пропаганды, и это также следует помнить), противоречит советским законам.

Если верующие хотят похоронить родственника или другого близкого им человека согласно требованиям исповедуемой религии, советские законы не запрещают делать этого. Однако эта процедура должна выполняться с соблюдением действующего в нашей стране законодательства о религиозных культах. Вот об этом последнем нередко забывают.

Забвение этого важного положения и привело к тому, что в селениях Карачаево-Черкесии, как и других автономных областей и республик Северного Кавказа, муллы и эфенди превратились в фактических хозяев кладбищ, что противоречит советским законам. Пользуясь невмешательством местных органов власти, они нередко стремятся хоронить с соблюдением мусульманской религиозной обрядности и атеистов. Более того, **наиболее агрессивные из них** (этим отличаются прежде всего самозванные эфенди, не зарегистрированные в качестве служителей культа) пытаются атаковать пропагандистов атеизма и их родственников. В областной печати и на областных и районных атеистических семинарах неоднократно приводились примеры, как подобные слуги Аллаха угрожали атеистам, что не будут хоронить их, когда те умрут, что бросят их, как «гяуров».

Вот эта и подобная практика служителей мусульманского культа является незаконной. Она противоречит советскому законодательству о религиозных культах и является открытым нарушением существующей в нашей стране свободы совести. И для пресечения этой деятельности, как и любых нарушений правопорядка, необходимо вмешательство административных органов для того, чтобы привлечь к ответственности тех, кто спекулирует на религиозных чувствах людей, кто нарушает советские законы.

Не исключено, что подобные меры могут вызвать со стороны религиозных активистов рассуждения о гонении на веру, преследованиях за соблюдением религиозных обрядов и т. д. Поэтому эти административные меры необходимо сопровождать соответствующей разъяснительной работой, в том числе разъяснением сущности советских законов о культах, обстоятельным освещением вопроса об отношении Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства к религии и церкви.

В последнее время ЦК КПСС и Советское государство неоднократно указывали на необходимость усиления правового вос-

питания населения и совершенствования пропаганды правовых знаний. Составной частью этой важной работы является допесение до широких слоев населения знаний действующего в стране законодательства о религиозных культах. И, в первую очередь, этими знаниями должны овладеть партийные, советские, комсомольские работники, пропагандисты научного атеизма.

Однако пресечение незаконной деятельности служителей культа, сопровождающейся нарушением действующих в нашей стране общесоюзных законов, не означает запрещение хоронить по религиозному обряду, в том числе и по мусульманскому. И в этом вопросе должна быть полная ясность.

Служителям мусульманского культа дозволяется то, что и служителям других религий. Православный священник, католический ксендз или протестантский пастор имеют право провести с согласия родственников обряд соборования (елеосвящения) по просьбе умирающего или тяжело больного на дому. В помещении храма (молитвенного дома) они имеют право провести церковную панихиду. Но служители культа любого ранга не имеют права сопровождать похоронную процессию. Это в равной степени относится и к служителям культа всех конфессий. Отступление от этого является нарушением советских законов и общественного порядка.

Согласно советскому законодательству «во всех религиозных культах церемонии, обряды и коллективные моления могут проводиться только в церкви, мечетях, синагогах и других молитвенных домах»¹. Исключением из этого правила являются лишь те шестивия вокруг церковных зданий, в пределах ограды территории храма, которые входят как неотъемлемая часть религиозного ритуала, а также обряды на кладбищах и в крематориях. И в том и в другом случае священник, ксендз, раввин, мулла или эфенди выполняют роль служителя культа и их функции не распространяются далее этой роли.

На деле же в горских селениях Карачаево-Черкесии, как и в других районах распространения пережитков ислама, служитель культа выступает не как исполнитель воли родственников покойного, которого хотят похоронить по религиозному обряду, а как руководитель всей процедуры похорон. И зачастую не он выполняет волю родственников покойного, а, наоборот, сам навязывает последним свою волю и диктует свои условия. Как совершенно справедливо отмечал в своем докладе «О задачах областной партийной организации в свете Постановления ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии» на собрании актива областной партийной организации, второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС тов. У. Е. Темиров, «мусульманское духовенство, по существу, монополизировало обряд похорон.

¹ А. Седюлин. Законодательство о религиозных культах. Изд-во «Юридическая литература». М., 1974, с. 26.

Дело доходит до того, что даже захоронение коммунистов и комсомольцев проходит с участием эфенди»¹.

Это есть прямое и неприкрытое нарушение советского законодательства о культах. Служитель культа возлагает на себя такие функции, которые ему не принадлежат.

Вести и руководить похоронной процессией, как и распоряжаться на кладбище, эфенди не имеет никакого права. Пользуясь попустительством местных властей, эфенди превращают в небольшие мечети строения на кладбище, где хранится необходимый похоронный инвентарь, считая себя полноправными хозяевами всего этого, как и самого места захоронения. Эти их действия являются противозаконными.

Согласно действующему в СССР законодательству, молитвенные здания (т. е. мечети, церкви, молельные дома и т. д.), а также находящееся в них культовое имущество являются общенародным достоянием, т. е. государственной собственностью². Советское государство бесплатно передало в распоряжение официально зарегистрированных религиозных объединений молитвенные здания, религиозную литературу и предметы культа для удовлетворения религиозных потребностей верующих.

Следовательно, имеющиеся на территории области здания православных церквей, молельных домов евангельских христиан-баптистов и мусульманских мечетей являются государственной собственностью. Согласно договорам между местными органами государственной власти и объединениями верующих, которые получают эти здания в свое пользование, эти объединения должны на свои средства ремонтировать здания культа, обеспечивать в них необходимый порядок и т. д.

Для отправления религиозных обрядов и служб объединения верующих нанимают служителя культа. Следовательно, ответственным арендатором культового здания является религиозное объединение верующих, а не служитель культа. И всякие притязания служителя культа на роль хозяина этих помещений (а это особенно часто проявляется среди эфенди) являются совершенно необоснованными и противозаконными.

Тем более противозаконными являются стремления эфенди и мулл к монопольному хозяйничанию на кладбищах. Хозяином мест захоронения является местный Совет народных депутатов. За состояние кладбищ, за порядок на них, за ремонт, санитарное состояние имеющихся на территории кладбищ зданий отвечают соответствующие местные органы власти. Служители культа, принимающие участие в похоронах по религиозному обряду, обязаны строго придерживаться предписаний местных органов власти и даваемых представителями этих органов не-

¹ «Ленинское знамя», 27 декабря 1974 г.

² См. В. А. Куроедов. Религия и закон. Изд-во «Знание». М., 1970, с. 18; А. Седюлин. Законодательство о религиозных культах. Изд-во «Юридическая литература». М., 1974, с. 16.

посредственных указаний. К сожалению, до недавнего времени в сельских населенных пунктах Карачаево-Черкесии это положение часто нарушалось ввиду претензий служителей мусульманского культа. И особую настойчивость в реализации этих претензий проявляли самозванные муллы и эфенди, не зарегистрированные в качестве служителей культа и поэтому вообще не имеющие права участвовать в похоронах в качестве священнослужителей. (Естественно, они могут принимать участие в похоронах как обычные граждане, но не брать на себя функции служителя культа). Вот эти незаконные действия мулл и эфенди следует пресекать, в том числе и средствами административного воздействия.

Советское государство уделяет серьезное внимание соблюдению всеми гражданами СССР действующего законодательства о культах. Советское законодательство еще в 1922 году определило меру ответственности за нарушение Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который был принят 23 января 1918 года и явился основополагающим документом для обеспечения свободы совести всех граждан нашей страны. На протяжении последующих лет государственные органы союзных республик неоднократно принимали законы и имеющие силу закона постановления, связанные с проведением в жизнь Декрета от 23 января 1918 года, об обеспечении свободы совести, о предотвращении нарушения советского законодательства и т. д.

18 марта 1966 года Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах»¹. Указы «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах» были приняты в 1975 году и Верховными Советами других союзных республик.

К этим нарушениям, наказуемым в административном порядке, относятся следующие виды нарушений:

1) уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации объединений в органах власти;

2) нарушение установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний, шестив и других церемоний культа;

3) организация и проведение служителями культа и членами религиозных объединений специальных детских и юношеских собраний, а также трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа².

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1966, № 12.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1966, ст. 219. См. так же В. А. Куроедов. Религия и закон. Изд-во «Знание». М., 1970, с. 45; А. Седюлин. Законодательство о религиозных культах. Изд-во «Юридическая литература». М., 1974, с. 44.

Эти виды нарушений влекут за собой административный штраф до 50 рублей. Наложение штрафа производится административными комиссиями при исполкомах районных и городских Советов народных депутатов.

Однако есть и более тяжкие нарушения законодательства, которые караются не в административном, а в уголовном порядке. Статья 142 Уголовного кодекса РСФСР¹ предусматривает за нарушение советского законодательства о культах уголовное наказание исправительными работами до одного года или штрафом до 50 рублей. Согласно закону карается как само правонарушение, так и организационная деятельность, направленная на противозаконное деяние.

К этим деяниям, наказуемым в уголовном порядке, по статье 142 УК РСФСР относятся:

1) принудительное взимание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа;

2) изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок или иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах;

3) совершение обманных действий с целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения;

4) организация и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок;

5) организация и систематическое проведение занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением установленных законодательством правил;

6) отказ гражданам в приеме на работу или в учебное заведение, увольнение с работы или исключение из учебного заведения, лишение граждан установленных льгот и преимуществ и равно иные существенные ограничения прав граждан в зависимости от их отношения к религии.

Статья 142 Уголовного кодекса РСФСР имеет дополнение, гласящее: «Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний, наказываются лишением свободы до трех лет»².

Нетрудно заметить, что уголовно наказуемы, согласно законам, все тяжкие преступления против законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, в том числе и те, которые ущемляют права верующих граждан. В этом проявляется исключительная гуманность и демократичность советских

¹ Аналогичные статьи имеются в Уголовных кодексах и других союзных республик.

² А. Седюлин. Законодательство о религиозных культах. Изд-во «Юридическая литература», М., 1974, с. 45.

законов. Наказываются не только те деяния, которые направлены к использованию религии в антигуманных и антиобщественных целях, но и поступки, направленные к ограничению прав человека в зависимости от его отношения к религии.

Ни одно государство, ни одна общественная система во всей мировой истории человечества не знала столь гуманных и справедливых законов. И разъяснение сущности советского законодательства о культах, равно как и применение на практике с учетом обстоятельств каждого конкретного случая нарушения его положений, имеют важное значение в деле преодоления вредных обычаев и традиций, порожденных или освященных религией. Незнание или забвение этих гуманных законов или равнодушное отношение к их нарушениям способствует действиям религиозных активистов, служителей культа и особенно самозванных, которые беззастенчиво спекулируют на религиозных чувствах одних людей и пассивном отношении к проблемам атеистического воспитания других.

Со всей прямотой и остротой этот вопрос был поставлен вторым секретарем Карачаево-Черкесского обкома КПСС У. Е. Темировым в докладе на собрании актива областной партийной организации. Докладчик подчеркнул: «Беспринципность партийных комитетов, равнодушие отдельных коммунистов, комсомольцев и руководителей позволяют мусульманскому духовенству, всевозможным шарлатанам безнаказанно вести работу трудящихся в религиозном духе, нарушать советские законы»¹.

Какие же наиболее типичные нарушения советских законов о культах имеют место на территории области?

Об одном уже много говорилось — это хозяйничание эфенди на кладбищах и стремление хоронить всех по религиозному ритуалу. Неотъемлемым элементом похоронной практики по мусульманскому ритуалу, за который особенно ратуют слуги Аллаха и который вызывает наибольшее недовольство населения, является деур. Проведенное в 1974 году сектором социологии Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института этно-социологическое исследование в районах области показало, что все опрошенные жители селений крайне недовольны этим обрядом. А многие высказывают свое недовольство настойчивостью некоторых эфенди и религиозных активистов не только сохранить этот обычай под видом национального, но и увеличить его денежный размер.

Эти посягательства являются прямым нарушением советских законов и прав граждан. Как известно, часть деура получают в качестве личного вознаграждения служители культа, другую они используют для благотворительных целей, раздавая ее

¹ «Ленинское знамя», 27 декабря 1974 г.

тем, кого именуют «бедными». Это второе серьезное нарушение закона.

Как было указано выше, всякая благотворительная деятельность религиозных организаций является противозаконным актом. «Благотворительная деятельность религиозных организаций в нашей стране не может проводиться потому, что она не имеет никакого отношения к удовлетворению религиозных потребностей людей»¹. Да и необходимости в подобной благотворительности нет. Кроме того, деление на «бедных» и «не бедных», проводимое эфенди, оскорбительно для советских людей и это еще одно из нарушений законов о культах ничего общего не имеет с удовлетворением религиозных потребностей.

В областной печати, на семинарах и научно-атеистических конференциях неоднократно отмечалось, что эфенди (и особенно активны в этом отношении те из них, которые официально не зарегистрированы в качестве служителей культа) широко практикуют производство и реализацию «дуа». Это талисман, амулет, представляющий собой текст молитвы или аят Корана. Фабрикуют и приобретают их по разному поводу: от болезни, для «охраны» от несчастий, с целью «приворожить» любимого или любимую, и даже с целью избежать наказания за содеянное преступление. Деятельность, связанная с фабрикацией и реализацией «дуа», является противозаконной и занимающихся этим неблаговидным, но весьма прибыльным делом следует привлекать к ответственности.

Незаконной является также практика сбора «садака» — налога-подаяния с населения. Одним из атрибутов мусульманского религиозного культа, установленного Кораном и закрепленного шариатом, является так называемый закят, а также садака — узаконенная религиозным правом обязательная милостыня. Установленные первоначально для лиц, чей доход превышает определенный минимум², они впоследствии практикой исламского духовенства были перенесены на всех мусульман, независимо от их имущественного положения. Закят, составляющий согласно предписанию шариата десятую часть дохода верующего, был основным налогом, взимаемым в пользу мечети и духовенства. В середине 20-х годов, несмотря на сопротивление духовенства, практика взимания закята с верующих мусульман в нашей стране была прекращена.

Что же касается «садака» — добровольной милостыни и особенно «садака-аль-фитр» (милостыня в честь окончания поста уразы и наступления праздника уразы-байрама («ид-аль-фитр») весьма стойко укоренился в религиозной практике даже современных верующих. Так как это добровольное пожерт-

¹ В. А. Куроедов. Религия и закон. Изд-во «Знание». М., 1970, с. 32.

² А. Массэ. Ислам. Изд-во восточной литературы. М., 1961, с. 118.

зование в пользу мечети (и является одним из источников содержания культового здания и самих служителей культа), то оно не возбраняется советскими законами. Это внутреннее дело религиозной организации, в которое не вмешиваются государственные органы нашей страны. Но на территории области имелись случаи, когда «садака», причем в установленном эфенди размере, пытались собирать со всех жителей аула. Это прямое и грубое нарушение советских законов. Это совершенно незаконные поборы. Да при этом в адрес тех, кто отказывался их выполнять, раздавались нелестные, а порой и просто оскорбительные эпитеты. Это вдвойне нарушение законов, ибо является использованием религиозных установлений для морально-идеологического давления на население и возбуждения вражды к атеистам.

Наконец, есть еще одна проблема, на которую следует обратить серьезное внимание: это стремление служителей культа и религиозных адептов вовлечь в сферу религиозного влияния детей, не останавливаясь для этого перед нарушением советских законов.

На основании Декрета Советского правительства «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», подписанного В. И. Лениным, все религиозные организации отстранялись от дела воспитания и обучения подрастающего поколения. В годы социалистического строительства в районах распространения пережитков ислама советским и партийным органам пришлось провести огромную работу по преодолению влияния служителей культа на духовную жизнь населения. Один из сложных аспектов этой работы заключался в отстранении мусульманского духовенства от воздействия на сознание детей и подростков.

С былым влиянием духовенства на молодежь в нашей стране покончено. Но служители всех конфессий, в том числе и ислама, понимают, что без влияния на молодежь у религии нет будущего. Поэтому всеми средствами, в том числе и нарушая советские законы, они стремятся привлечь детей к религии. С этой целью используются и соответствующие беседы с родителями, религиозные праздники и богослужения и т. д. Не полностью еще преодолены попытки группового обучения детей религии. И на этом вопросе следует остановиться несколько подробнее.

В параграфе третьем Устава советской средней общеобразовательной школы, который был одобрен Постановлением Совета Министров СССР 8 сентября 1970 года, говорится, что «Обучение и воспитание в советской школе исключает всякое религиозное влияние». Однако это не означает, что верующие родители не имеют права обучать **своих детей** религии. Но, во-первых, делать это они имеют право лишь по обоюдному согласию родителей. Во-вторых, обучение не должно прищипать

групповой характер. В-третьих, не разрешается для этой цели привлекать преподавателя¹.

Следовательно, в обучении детей не имеют права принимать участие служители культа. Тем более нельзя создавать учебные группы, ибо это является уже коллективной формой обучения.

Кроме того, обучение детей религии должно проходить в сугубо добровольном порядке, безо всякого давления на волю детей. Если дети не хотят учить молитвы, читать Коран, Библию и другую религиозную литературу, **никто** не имеет права заставить их сделать это. И всякое принуждение детей к этому является противозаконным, ибо в Основах законодательства СССР и союзных республик о браке и семье говорится: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей»².

Вот все эти вопросы необходимо иметь в виду и хорошо разбираться в юридической стороне этих проблем. Поэтому всем, кто по роду своей деятельности сталкивается с этими проблемами, необходимо ознакомиться с соответствующей литературой, где эти проблемы глубоко и всесторонне освещены.

Прежде всего необходимо серьезно изучить труды классиков марксизма-ленинизма, решения Коммунистической партии и Советского государства по вопросам религии и атеизма, о путях преодоления пережитков прошлого. Этими работами В. И. Ленина являются статьи: «Социализм и религия» (Полн. собр. соч., т. 12), «Об отношении рабочей партии к религии» (Полн. собр. соч., т. 17), «Классы и партия в их отношении к религии и церкви» (Полн. собр. соч., т. 17). Эти работы, а также Документы КПСС о религии и церкви и Государственные Акты по вопросам религии и церкви помещены в книге: **«О религии и церкви. Сборник документов»** (Политиздат, М., 1965).

Важнейшим документальным справочником является книга **«Законодательство о религиозных культах»** (Изд-во «Юридическая литература», М., 1969). Ценный справочный материал содержится также **«О научном атеизме и атеистическом воспитании, Справочник для партийного актива и организаторов атеистической работы»** (Политиздат, М., 1974).

Кроме того, очень полезно познакомиться с содержанием следующих изданий: Э. И. Лисавцев. «Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР». (Изд-во «Мысль», М., 1975); В. А. Куроедов. «Религия и закон» (Изд-во «Знание», М., 1970); А. Седюлин. «Законодательство о религиозных культах». (Изд-во «Юридическая литература», М., 1974); И. И. Бражник. «Дети, религия, закон». (Изд-во «Знание», М., 1973).

Для вооружения партийных, советских, комсомольских, проф-

---

¹ А. Седюлин. Законодательство о религиозных культах. Изд-во «Юридическая литература». М., 1974, с. 31.

² Там же, с. 33.

союзных работников, пропагандистов атеизма, воспитателей, учителей, работников культуры и других специалистов желательнее было бы провести районные, а также городские (сельские, поселковые) семинары, на которых рассмотреть вопросы советского законодательства о культах.

Мы вынуждены были столь подробно остановиться на вопросах работы по соблюдению советского законодательства о религиозных культах потому, что эта проблема теснейшим образом связана с задачей преодоления отживших обрядов и традиций. И она особенно актуальна для Карачаево-Черкесии ввиду специфичности имеющихся здесь условий. Эта специфика выражается, во-первых, в том (и это характерно не только для нашей области, но и других районов распространения пережитков ислама), что количество самозванных, но активно действующих мулл и эфенди значительно превышает число официально зарегистрированных служителей мусульманского культа. И прежде всего незарегистрированные служители культа¹ отличаются систематичностью нарушения законодательства о культах.

Во-вторых, сложность проблемы заключается в том, что на территории области имеются общины и группировки разных религиозных направлений. Сложность характера проявления религиозных пережитков в многонациональной области усугубляет трудности работы по научно-атеистическому и интернациональному воспитанию. От пропагандистов научного атеизма требуется особый такт, чтобы, ведя научно-атеистическую работу, не задеть национальных чувств населения. Малейшей оплошностью в этом деле тут же стремятся воспользоваться религиозные адепты, чтобы перевести атеистические проблемы в русло межнациональных отношений. Мы не можем сбрасывать со счетов того фактора, что клерикальные элементы играют еще немалую роль в подогревании национально-этнических предрассудков, в раздувании пережитков национального эгоизма и национальной ограниченности. Преодоление этой тенденции одинаково важно как для повышения эффективности научно-атеистической работы, так и для усиления интернационального воспитания.

Из этих проблем вытекает важная задача, которая требует неотложного решения в условиях области. Задача эта заключается в усилении всех форм научно-атеистической работы, в объединении усилий всех пропагандистов. Проблема преодоления отживших обычаев и обрядов и внедрения в жизнь новых социалистических одинаково актуальна и в плане атеистического, и в плане интернационального воспитания. Поэтому пропагандисты, ведущие работу среди населения по этим двум направ-

---

¹ Это в равной степени относится и к неофициально действующим служителям культа и религиозным активистам других конфессий. Пример этому — деятельность сектантов баптистов-инициативников и других экстремистских сектантских группировок.

влениям, должны быть хорошо подготовлены как в области научного атеизма, так и по вопросам теории и практики интернационального воспитания. И особенно важно, чтобы эту работу вели кадры пропагандистов из местных национальностей, на местных языках.

Пока в выполнении этой задачи имеется много нерешенных вопросов. На проходившей в начале марта 1975 года областной отчетно-выборной конференции общества «Знание» отмечалось, что во многих населенных пунктах области нет подготовленных кадров атеистов. Поэтому там практически отсутствует систематическая научно-атеистическая пропаганда. До сих пор в области есть немало аулов, где число проводимых атеистических лекций и бесед можно пересчитать по пальцам одной руки. О какой эффективности научно-атеистической работы может, например, идти речь в ауле Кызыл-Октябрь, где за весь 1974 год прочитано три лекции по атеизму?! И в то же время в этом ауле активно действуют четыре эфенди¹. И таких примеров можно привести немало.

В докладе на областном партийном активе 24 декабря 1974 года отмечалось, что «в аулах с подавляющим большинством коренного населения атеистическую работу ведут, как правило, русские учителя. Представители же интеллигенции местной национальности придерживаются ложной позиции невмешательства. Среди пропагандистов атеизма, по существу, нет коммунистов — руководителей, партийных и советских работников»². Преодоление столь негативного отношения к участию в атеистической работе является важным условием усиления всей воспитательной работы среди населения области. Поэтому проблема подготовки кадров, способных вести активную, наступательную работу по атеистическому воспитанию, не допуская при этом оскорбления чувств верующих, является одним из важных звеньев деятельности по преодолению устаревших традиций и обычаев.

Однако для высокой результативности пропагандистской работы по преодолению пережитков прошлого, устаревших обычаев и традиций недостаточна одна лишь обоснованная, убедительная критика их. Безусловно, нужно показать их несовместимость с интересами абсолютного большинства советских людей и социалистическим образом жизни. Это лишь один аспект этой деятельности. Второй заключается в донесении до сознания всех слоев населения необходимости замены этих устаревших обычаев и традиций новыми, которые бы соответствовали социалистическому образу жизни советских людей, в активной поддержке всего того прогрессивного, нового, что рождается в сегодняшнем быту советских людей.

---

¹ «Ленинское знамя», 1 марта 1975 г.

² Там же, 27 декабря 1974 г.

Однако для успешного решения этой проблемы недостаточно лишь пропагандистской деятельности, хотя в конкретных условиях нашей области эта деятельность и играет очень важную роль. Необходимо ее подкреплять, а точнее, проводить в системе всех мероприятий — массово-политических, организационных, административных и т. д. Сущность процесса замены старых, отживших обрядов и традиций правильно определили советские философы М. Я. Ковальзон и Д. М. Угринович, употребив термин **вытеснение** старых традиций и привычек новыми, отражающими социалистический уклад жизни¹.

Но этот процесс вытеснения старых обрядов новыми не стихийный, а управляемый. Длительность его зависит от правильно организованной целенаправленной работы. В этом деле недопустимы непродуманные поспешные акции так же, как и самотек.

Выше много говорилось о проблеме преодоления мусульманской похоронной обрядности. Вытеснить религиозную похоронную обрядность можно только противопоставив ей ритуал гражданских похорон. Он должен учитывать особенность национальной психологии горских народов. Для преодоления влияния эфенди и мулл при каждом сельсовете следует создать соответствующие комиссии. Они должны быть ответственны за соблюдение обряда гражданских похорон на кладбищах и т. д. Шире вовлечь в это дело женщин. И здесь предстоит провести немалую воспитательную работу по преодолению мусульманской традиции, ограничивающей права женщин в процедуре похорон, в частности, запрещающей им посещать кладбище. Без женских рук сельские кладбища в аулах трудно привести в надлежащий порядок и вид.

Вторая проблема, которая горячо волнует общественность области, — это проблема свадебной обрядности. Эта проблема волнует не только общественность нашей области. Идут острые дискуссии вокруг этой проблемы во всех областях и республиках Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Практика калыма и берне является порочной практикой, не менее вредной, чем умыкание невесты. И об этом с достаточной ясностью было сказано в предшествующих статьях сборника. И с этой практикой надо бороться всеми мерами, начиная воспитательной работой, показывая несовместимость этих обрядов с честью и достоинством советских граждан и социалистическим образом жизни, не останавливаясь в необходимых случаях перед административными воздействиями и возбуждением, при наличии состава преступления, уголовных дел.

Но со свадебной обрядностью, кроме калыма, берне и их аналогов, связаны и другие далеко не прогрессивные обряды,

---

¹ Общественная психология и коммунистическое воспитание. Сборник Изд-во МГУ, 1967, с. 35.

требующие неоправданно высоких и неразумных расходов. В упомянутой выше статье «Искорелим берне и калым» совершенно правильно говорится: «Нередко главной целью свадебной церемонии становятся обильный стол и большое количество спиртных напитков. Люди хвалятся тем, что они израсходовали столько-то денег, зарезали столько-то баранов, столько-то людей напоили допьяна, а не тем, что свадьба прошла весело и торжественно»¹.

Этот остро поставленный вопрос является злободневным не только для Карачаево-Черкесии. 22 июня 1974 года в «Правде» была опубликована статья «Можно ли с этим мириться?». Автор ее слесарь Бакинского завода имени Парижской коммуны С. Дариев резкой критике подвергал бытующие в Азербайджане многие обычаи, выдаваемые за народные обряды, а на самом деле пришедшие к нам от чуждой социальной среды прошлого — беков, служителей культа, мещан. Одним из таких разорительных обычаев является стремление устроить пышную свадьбу с дорогостоящими подарками, на которую приглашаются сотни человек и т. п.

Народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева в статье «Чтобы саду сорняк не мешал» пишет, что в горских аулах Дагестана можно нередко видеть такую картину. Гостей на свадьбе в первую очередь встречает «кассир». Он ведет записи, кто и сколько подарил молодым денег. Потом при подсчетах возникают перекуды и ссоры. Между знакомыми и родственниками существует даже негласное соперничество за богатый калым². Подобные явления наблюдаются не только в Дагестане.

Лет десять с лишним назад, когда началась усиленная работа по внедрению в жизнь новой обрядности, в областных, краевых и республиканских газетах довольно часто писали о комсомольских свадьбах. Сообщалось, что повобрачных поздравлял представитель администрации, а то и руководитель предприятия или учреждения, секретари партийной и комсомольской организаций, представители общественности. Это очень хорошо, это важно. Этим самым подчеркивается общественная значимость акта бракосочетания, ответственность перед обществом молодых людей, создающих новую семью.

Но иногда в таких статьях сообщалось, что представитель администрации предприятия или учреждения вручил молодоженам ключи новой квартиры. Факты подобного рода, конечно, хорошие. Но они не могут носить массового характера. Общество пока не может еще каждой паре, создающей семью, предоставлять сразу квартиру. Однако подобные публикации имеют определенные нежелательные следствия. Авторы отдельных заметок с восторгом сообщают, что представитель дирекции вручил

¹ «Ленинское знамя», 31 августа, 1974 г.

² «Правда», 10 августа 1974 г.

ключ от квартиры, а председатель завкома или месткома передал мебельный гарнитур. У некоторой части молодежи, неумудренной житейским опытом, стал создаваться ложный стереотип: если комсомольская свадьба, то обязательно ключи от новой квартиры. А если нет, то администрация, партийная и комсомольская организации не проявляют должной заботы о молодоженах и вообще о быте своих сотрудников и т. д.

Вот это иждивенческое, потребительское отношение к жизни весьма опасно. С ним надо бороться. Надо воспитывать у молодежи чувства разумных потребностей, подчеркивая при этом, что источником их удовлетворения может быть только честный и самоотверженный труд на благо общества. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи на XVII съезде ВЛКСМ подчеркнул мысль, имеющую исключительно важное значение для воспитания подрастающего поколения. «Все лучшее, что накоплено нравственным опытом нового общества, мы должны передать молодежи, каждому юноше и девушке и вместе с тем настойчиво избавляться от всего, что мешает жить и трудиться,— сказал Л. И. Брежнев.— Нам еще приходится и, к сожалению, нередко сталкиваться с проявлениями эгоизма, стяжательства, потребительского отношения к жизни. И было бы неправильным недооценивать опасность этих негативных явлений»¹.

Жизнь всех советских людей с каждым годом становится содержательнее, богаче. Но богатство человеческой жизни и наличие большого количества дорогих вещей отнюдь не тождественные понятия. К сожалению, в наших пропагандистских выступлениях и воспитательных мероприятиях эта мысль еще не получила должного развития. Часть нашей молодежи вместо того, чтобы воспользоваться исключительными возможностями для интеллектуального развития, овладения богатствами духовной культуры, которые предоставлены в нашей стране всем гражданам, неразумно тратит свое свободное время, попадает под влияние мещанских взглядов и вкусов, становится на скользкий путь легкой наживы. А отсюда и превратные представления о красоте, о ценностях жизни, о достоинстве человека.

В нашей жизни столько прекрасного, возвышенного, памятного; у советской молодежи такие широкие дороги для развития своих способностей, что не использовать их, убивать время на выпивки, праздное времяпрепровождение — просто преступление перед собственной судьбой. И совсем уродливым является ранняя погоня молодых людей за чрезмерными, неразумными материальными благами и ценностями.

Слов нет, воспитание хороших вкусов — дело сложное и кропотливое. Но это дело необходимо выполнять. Оно, в частности, неразрывно связано с нашей проблемой — проблемой преодоле-

¹ «Коммунист, 1974, № 7, с. 13.

ния отживших обрядов и традиций и воспитания, внедрения в жизнь новых, ярких и содержательных, духовно богатых советских обрядов и ритуалов. И в решении этой проблемы неоспоримое поле деятельности для комсомола, работников культуры, творческой интеллигенции. Много в этом деле могут и должны сделать средства массовой информации и пропаганды — печать, радио, телевидение.

Серьезную роль может сыграть введение на страницах областных газет постоянных рубрик «Советский образ жизни», систематический выпуск молодежных страниц, на которых следует рассказывать, чем красивы советские юноши и девушки, радиопередачи на аналогичные темы. Проведение диспутов в учебных заведениях, клубах и домах культуры, наконец, обсуждение этих вопросов на комсомольских собраниях — все это будет способствовать формированию коммунистических взглядов и убеждений, воспитанию подлинно хороших вкусов у нашей молодежи. Но вся эта работа должна вестись на базе марксистско-ленинского мировоззрения. Необходимо постоянно помнить и подчеркивать, что «духовный мир советских людей основывается на прочном фундаменте нашего революционного учения»¹.

В борьбе против устаревших обычаев и традиций исключительно важную роль играет общественное мнение. «В борьбе с пережитками прошлого, с проявлениями индивидуализма и эгоизма, — говорится в Программе КПСС, — большая роль принадлежит общественности, воздействию общественного мнения, развитию критики и самокритики»².

Сила общественного мнения огромна. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — говорил В. И. Ленин³. Вне связи с коллективом личность не может существовать. Поэтому человек, если в его психике нет каких-либо патологических изменений, всегда прислушивается к мнению коллектива, в котором трудится и живет, к мнению других лиц, группы.

Общественное мнение не возникает стихийно, оно формируется. И те общественные группы, которые влияют на формирование общественного мнения, имеют в своих руках сильное средство морального воздействия на личность.

Проведенные в Карачаево-Черкесии в 1974 году этно-социологические исследования, а также материалы этнографических и социологических наблюдений прежних лет, многочисленные свидетельства местной периодической печати убедительно подтверждают, что многие отжившие традиции и обычаи держатся в силу консерватизма общественного мнения некоторых малых коллективов.

Общественное мнение области должно быть решительно на-

¹ Л. И. Брежнев. Речь на XVII съезде ВЛКСМ. «Коммунист», 1974, № 7, с. 14.

² Материалы XXII съезда КПСС. Политиздат. М., 1961, с. 412.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

правлено против калыма и берне, против хозяйничания эфенди на кладбищах, против стяжательства, неразумных расходов, пьянства и всего другого, что еще мешает многим честным труженикам работать и счастливо жить. В больших коллективах и прежде всего производственных у нас полностью господствует дух социалистического образа жизни. Но малые коллективы и особенно микроколлективы (семья, группа родственников) нередко еще являются носителями консервативного общественного мнения.

Известно, что акт поведения человека еще не свидетельствует о его мировоззрении. Человек нередко вынужден совершать поступки, которые не отражают его внутренние убеждения, но являются данью традиционному общественному мнению, и продиктованы нежеланием выступать против этой силы. Так например, пионервожатая Усть-Джегутинской СШ № 3 Л. У. Айбазова рассказывала следующее. Чтобы избежать нареканий приверженцев старины, она вынуждена летом доходить до автобусной остановки в платке и чулках, а затем снимать их. Возвращаясь домой, она проделывает эту операцию в обратном порядке. И так поступают многие девушки-горянки. Пионервожатая Тебердинской СШ № 3 А. Семенова говорила, что девушки-студентки, возвращаясь из Ставрополя, доезжают до Карачаевска и идут одевать чулки.

Что является побудительным мотивом их поступков? Нежелание вступать в конфликт с коллективным мнением микроколлектива.

Поэтому, в борьбе с пережитками прошлого в быту, с отжившими обычаями и традициями необходимо обратить самое серьезное внимание на работу в коллективах предприятий, учреждений, колхозах и совхозах, в жилых кварталах селений и, наконец, в семьях.

Работа по формированию общественного мнения в этих коллективах имеет свою специфику и значительные трудности. Для формирования нового общественного мнения, которое противостояло бы отжившим взглядам и способствовало их преодолению, необходимо наличие авторитетной в глазах данного коллектива группы людей, активно выступающих против обветшалых традиций и обычаев. Эта группа составляет своеобразное «ядро», вокруг которого формируется новое общественное мнение. Эта группа, «костяк» нового общественного мнения должна быть достаточно авторитетна и активна. И вот в решении этих задач решающая роль принадлежит, как и на всех самых сложных участках любой деятельности, коммунистам.

Борьба с пережитками прошлого в сознании и поведении людей является уставной обязанностью коммунистов. Коммунисты являются самыми авторитетными людьми в любом коллективе. На их поведение, действия, взгляды и суждения равняются все трудящиеся.

На селе каждый человек на виду, и о хорошем поступке, так же, как и о плохом, быстро узнают все односельчане. И когда член партии занимает нейтралитет по отношению к отжившим, а порой и вредным обрядам и обычаям — все это отрицательно влияет на дело борьбы с пережитками прошлого. Такая позиция не создает необходимого для преодоления устаревших обычаев и традиций общественного мнения и соответствующего идейно-психологического микроклимата.

Люди рассуждают таким образом: если коммунист не выступает против этого обычая или обряда, значит они не такие уж плохие и их не надо чуждаться. И, наоборот, решительное выступление коммунистов, особенно из числа партийного, советского и хозяйственного руководства против тех или иных пережитков старины, сразу создает соответствующий общественный настрой. К их голосу прислушиваются. И если эти выступления будут проводиться не от случая к случаю, а станут системой воспитательной работы, сложится соответствующее общественное мнение, которое создает необходимые предпосылки для полного искоренения вредных, отживших обычаев и традиций.

Поэтому повышение роли коммунистов, особенно ответственных работников, деятелей просвещения, науки и культуры в борьбе против пережитков прошлого, является важной задачей партийных организаций в идеологической работе. И совершенно правильный выход делается газетой «Ленини байрагъы»: «Если бы каждый коммунист в районе выполнял эту свою обязанность, корни вредных пережитков в сознании населения были бы уже почти выкорчеваны»¹.

В аулах и селах Карачаево-Черкесии есть еще один немалый резерв создания общественного мнения, направленного против вредных пережитков прошлого. Им являются ветераны труда и Великой Отечественной войны, убеленные сединами и умудренные житейским опытом пожилые и старые люди. Нельзя сказать, что их знания и опыт совсем не используются. Во многих селениях есть советы аксакалов. Но не везде они работают в полную меру своих сил и возможностей. А ведь при правильном комплектовании этих советов, должном внимании к его членам и их деятельности со стороны партийных и советских организаций они могут сделать очень много.

Немало произнесено было слов и исписано бумаги с целью показать, что многие консервативно настроенные старики до сих пор являются тем ядром, на котором держится защищающее пережитки старины общественное мнение. И в этой статье говорилось, что нередко молодежь поступает своими убеждениями в угоду старших родственников. Все это так. Но нельзя стариков горцев, как и старых людей любого народа, представлять как одноликую массу ревнителей старины.

¹ «Ленини байрагъы», 7 мая 1970 г.

Среди этих стариков немало людей, с оружием в руках защищавших Советскую власть против белобандитов и фашистских оккупантов, кто боролся в первые годы социалистического строительства с засилием мулл и эфенди, кто своими руками, умом и сердцем строил новую жизнь и грудью ее защищал. К сожалению, этим резервом еще недостаточно мы пользуемся в целях воспитательной работы. Правда, со многими из этих людей, отошедших от активной производственной и общественной жизни, предварительно надо провести соответствующую работу, поставить определенную задачу. И если они согласятся на это поручение, то еще внесут немалый вклад в наше общее дело.

При этом необходимо использовать существующий среди коренного населения своеобразный культ аксакалов, традиционное уважение к старым людям и их словам. И эту традицию использовать для формирования в аулах и селах, микроколлективах общественного мнения, направленного против вредных обычаев и обрядов прошлого.

Много ценного и полезного могут сделать женские советы, клубы горянок. Нельзя допускать, что кое-где основной формой работы в клубах горянок стали кружки кройки и шитья. Клуб — это идеологическая организация единомышленников. И основной задачей деятельности клубов горянок должна быть идейно-воспитательная работа. Ведь в области еще немало фактов, когда сами женщины встают на путь осуждения тех девушек, которые смело и решительно говорят вредным пережиткам прошлого «НЕТ»!

В клубах горянок должны регулярно обсуждаться вопросы о роли женщины в воспитании детей в коммунистическом духе, встречаться с передовиками производства, с видными деятелями науки и техники, руководителями общественных организаций. Где, как не в клубе горянок, поговорить о создании общественного микроклимата, благоприятного для укрепления новых, безрелигиозных семейно-бытовых обрядов и роли женщины в этом тонком деле. Здесь же следует проводить коллективные обсуждения тех актуальных материалов, направленных против пережитков прошлого, которые регулярно стали печатать областные газеты. Может быть, в таком клубе, где все его члены и посетители отлично знают друг друга, обсудить вопросы предстоящей свадьбы сына или дочери и заручиться морально-психологической поддержкой его членов при организации свадьбы без атрибутов прошлого. И многие другие виды и стороны работы могут и должны вести клубы горянок.

Женские советы должны повсеместно превратиться в штабы решительного наступления против пережитков прошлого, особенно в семейно-бытовых отношениях. И в этом деле у них должно быть достаточно прав и реальных средств их реализации.

В области накоплен значительный опыт проведения област-

ных и районных советов и конференций женщин, на которых резко осуждаются пережитки прошлого и принимаются хорошие решения, направленные на их преодоление. Но далеко не всегда реализация этих решений доводится до уровня аула, квартала. А именно здесь, в микросреде, еще цепко держатся многие вредные пережитки прошлого. И проведение работы по преодолению семейно-бытовых пережитков, создание атеистического и подлинно интернационального общественного мнения в микроколлективах должно быть предметом постоянной заботы женских советов, советов аксакалов, сельских сходов.

Ведь каждый случай коллективного осуждения проявления того или иного пережитка или, наоборот, одобрение нового обряда, хорошего поступка односельчанина, направленного против пережитков прошлого, является предметным уроком воспитательной работы. И ценность его тем больше, чем в более демократической неформализованной обстановке он проведен, когда в обсуждении проблемы принимают участие все заинтересованные. Естественно, подобные мероприятия надо хорошо готовить. Иначе, если пустить дело на самотек, могут взять верх сторонники пережитков, которые нередко отличаются напористостью и агрессивностью.

И в проведении работы по преодолению пережитков прошлого поистине безграничное поле деятельности у комсомола. Но осваивают это поле пока многие комсомольские организации слабо.

Ведь чья это забота, если свадьба называется комсомольской, ограничить молодоженов от профанации этого громкого и емкого названия? Конечно, комсомольской организации. Коль уж свадьбам, особенно в горской среде, придется столь большое значение, то это событие должно быть подлинным праздником социалистического образа жизни, дать идеологический заряд молодой семье на многие годы. Так как свадьба, особенно на селе, превращается в событие общественной значимости, то и влиять она на участников ее и зрителей должна в социально-положительном плане. Она должна пропагандировать новые формы обрядности, культуру советского образа жизни. И дело комсомольской организации заключается не только в том, чтобы организовать приветствие молодоженов и соответствующие напутствия. Ибо после этого нередко комсомольские руководители считают свою миссию законченной, а остальное происходит по укрепившейся традиции.

Ведь сколько может и должен комсомол использовать интересных форм работы по борьбе с вредными пережитками прошлого и внедрению в жизнь новой обрядности, воспитания молодежи в духе нетерпимости ко всему, чуждому социалистическому образу жизни. Этой цели могут служить и комсомольские собрания, и сельские сборы молодежи, и походы по местам героических сражений советских людей в годы Великой Оте-

чественной войны, и встречи с ветеранами войны и труда, прославленными труженниками социалистического труда, и организация читательских конференций, диспутов и многое другое. Наконец, рассмотрение на собрании каждого персонального дела комсомольца, оказавшегося в плену чуждых обрядов и традиций, должно быть событием большой воспитательной значимости комсомольской организации, всей молодежи предприятия, учреждения, учебного заведения.

Поистине огромную роль в борьбе с пережитками прошлого играют производственные коллективы, и в ходе коммунистического строительства их роль постоянно возрастает. В документах XXIV и XXV съездов КПСС особенно подчеркивается все возрастающая роль производственных коллективов во всех сферах жизни советских людей. В решениях XXIV съезда партии указывается, что «Забота коллектива о каждом труженнике, внимание к его нуждам, взаимная помощь и взыскательность — неотъемлемые черты нашего образа жизни, которые необходимо укреплять и развивать»¹. В Отчетном докладе XXV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев подчеркнул, что в борьбе с пережитками прошлого, в формировании здорового общественного мнения, нетерпимости к антиподам коммунистической нравственности «необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива»².

Мнение производственного коллектива находит свое выражение в решении собраний, органов общественных организаций, через печать, в решениях товарищеских судов и т. д. Трудовой коллектив, как правило, дает объективную оценку деловым и нравственным качествам личности, этим и воспитывая ее. Положительное мнение коллектива является мощным стимулом трудовой деятельности, вызывает уверенность в своих силах, здоровый оптимизм. Критическое мнение коллектива заставляет работника пересмотреть свои взгляды и стороны поведения, являющиеся объектом критики.

В коллективе, где поставлена хорошо организаторская и воспитательная работа, у его членов формируются правильные нравственные черты, чувство долга, ответственность за порученное дело. Важное значение имеет мнение коллектива об обычаях и традициях.

Особенно интересные процессы происходят в многонациональных коллективах. Здесь зачастую происходит критическая переоценка отживших традиций и обычаев. Закрепленные в производственном коллективе воззрения, а это происходит при хорошо поставленной в них воспитательной работе, затем переносятся в быт, в обыденное сознание людей.

Советский образ жизни, повседневная производственная и бытовая практика советских людей ежедневно и ежечасно.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. Политиздат. М., 1971, с. 205.

² Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат. М., 1976, с. 78.

рождает новые, прогрессивные формы взаимоотношений в трудовых коллективах. Надо только зорко фиксировать эти замечательные изменения и развивать их, поддерживая все новое, передовое. По своей социальной природе они носят глубоко интернациональный характер и способствуют взаимному духовному обогащению всех советских людей, независимо от их национальной принадлежности, сближению всех советских наций и народностей.

Национальные традиции в настоящее время — это отнюдь не то, что отличает один народ от другого. Понятие «национальное» в условиях развитого социалистического общества не мыслится без крепнущего чувства интернационализма, нерушимой дружбы всех советских народов, всех народов социалистического содружества наций.

Член Политбюро и Секретарь ЦК КПСС тов. М. А. Суслов, говоря о необходимости правильного понимания сущности национальной традиции и значения этого вопроса в коммунистическом воспитании трудящихся, подчеркнул: «Было бы неправильным считать национальной традицией только то, что отличает одну национальную культуру от другой, или только то, что связано с прошлым народа, с его историей, с тем, что отражало тягостную жизнь народа в условиях социального и национального угнетения. **Надо более зорко видеть и поддерживать новые традиции, общие черты, которые складываются во взаимоотношениях советских социалистических наций в ходе коммунистического строительства**»¹ (подчеркнуто мною — А. А.).

Это очень важные мысли. В своей воспитательной деятельности мы должны всемерно утверждать, что в духовном облике советских людей разных национальностей сейчас во много раз больше того, что их объединяет, чем разъединяет. Преодолеть все то, что еще их хоть в какой-то степени разъединяет — благородная задача всей советской общественности. И для выполнения этой задачи надо использовать весь могучий арсенал средств идеологического воздействия.

Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV партийному съезду, в IX пятилетке «**вопросы идейного воспитания людей, проблемы формирования нового человека — достойного строителя коммунизма занимали большое место во всей нашей работе**»². Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева с полным основанием можно отнести и к деятельности Карачаево-Черкесской областной партийной организации.

Проводимая в области воспитательная работа, решительная борьба с реакционными пережитками прошлого находит живой отклик, поддержку и одобрение подавляющего большинства населения.

¹ М. А. Суслов. Избранное. Статьи и речи. Политиздат. М., 1972, с. 270.

² Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат. М., 1976, с. 71—72.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в докладе XXV партийному съезду, в котором был глубоко проанализирован и обобщен колоссальный опыт идеологической работы партии, отметил, что «изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты пеклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину. Все это нашло глубокое понимание и поддержку трудящихся, положительно повлияло на дальнейшее укрепление дружбы и братства народов нашей страны»¹. Закрепить эти успехи — долг и обязанности всех коммунистов, всех честных советских людей.

В решении проблем воспитательной работы важнейшее значение имеет комплексный подход к этой проблеме — единство идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп населения. Именно на решение этой кардинальной воспитательной задачи и направлены усилия в настоящее время областной партийной организации и общественности Карачаево-Черкесии.

---

¹ Материалы XXV съезда КПСС. Политиздат, М., 1976, с. 75.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. Место и роль обычаев и традиций в развитии общества	7
II. Социальная оценка обычаев и традиций	20
III. Фетишизация затрат в обычаях и обрядах	41
IV. Психология обычая	56
V. О соотношении права и обычаев	74
VI. Отражение прогрессивных обычаев и обрядов в фольклоре народов Карачаево-Черкесии	84
VII. Традиции декоративно-прикладного искусства народов Карачаево-Черкесии	95
VIII. Роль народных ремесел в новом быту горцев	106
IX. Отмирание старых и утверждение новых обычаев и обрядов в быту	113
X. Охрана родной природы в традициях и быту народа	123
XI. Пути преодоления устаревших обычаев и традиций	132

В 1979 ГОДУ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ВЫПУСКАЕТ КНИГИ:

1. Ревкомы Ставрополя. Объем 5 п. л.

2. Исторический опыт КПСС по формированию советской национальной интеллигенции на Северном Кавказе 1917—1941 гг. Объем 20 п. л.

3. Актуальные вопросы атеистической работы в условиях Карачаево-Черкесии. Объем 10 п. л.

Заказы просим направлять по адресу: 357100, г. Черкесск, Ставропольского края, Дом Советов, КЧ НИИЭИЯЛ.

НОВЫЙ БЫТ — НОВЫЕ ОБЫЧАИ

(Формирование прогрессивных традиций у народов Карачаево-Черкесии)
Утверждено к печати Ученым Советом Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы

Технический редактор **Чумаченко М. И.**
Корректор **Шкарбут Е. Я.**

Сдано в набор 14.IX-77 г. Подписано к печати 26.XII-78 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Физ. п. л. 10,0. Усл. п. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,73. Заказ № 1456. Тираж 800 экз.
ВУ57409. Цена 90 коп. Бумага типографская № 3.

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18

80 коп.

г. Ставрополь, 1977 г.